

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

East Slavic Philology

Сборник научных трудов

Языкознание

Выпуск 8(34)

Горловка
2019

УДК 81+801+882+82

ББК Ш81.0+82.0

В76

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. Кочетова С. А. (гл. редактор), д. филол. н., доц. Александрова И. В., д. филол. н., проф. Борисова Л. М., к. филол. н., доц. Бревнова С. В., д. филол. н., проф. Ворожбитова А. А., д. филол. н., проф. Герасименко И. А., д. филол. н., проф. Дербенёва Л. В., д. филол. н., проф. Дяговец И. И., д. филол. н., доц. Иванова Н. П., д. филол. н., проф. Калинин В. М., д. филол. н., проф. Кораблёв А. А., д. филол. н., доц. Курьянов С. О., д. филол. н., проф. Синельникова Л. Н., д. филол. н., проф. Теркулов В. И., д. филол. н., проф. Фёдоров В. В., к. филол. н., доц. Волосевич С. П., к. филол. н., доц. Жихарева Н. А., к. филол. н., доц. Фефелова В. В., к. филол. н., доц. Любимцева-Наталуха Л. Н. (выпускающий редактор)

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 12 от 26.06.2019)*

Учредитель: Образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР ААА № 000059 от 28.10.2016.

Сборник внесён в рекомендованный ВАК Минобрнауки ДНР перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (Приказ № 1134 Минобрнауки ДНР от 01.11.2016).

Основан в 2002 году.

Периодичность: 4 раза в год.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016.

Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / ОО ВПО
В76 «Горловский ин-т иностр. языков» ; Редкол. : С. А. Кочетова и
др. – Вып. 8(34). Языкознание. – Горловка : Изд-во ОО ВПО
«ГИИЯ», 2019. – 240 с.
ISSN 1992-9196

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем отечественной и зарубежной филологии.

Для научных работников, специалистов-филологов, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов-филологов, преподавателей языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, учителей филологических дисциплин в школе.

**УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0**

ISSN 1992-9196

© Оформление. Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2019

УДК 811.161.1

ТЕКСТООРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ СТУДЕНТОВ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ПРОФИЛЕЙ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На современном этапе развития системы высшего образования большое значение приобретает формирование у выпускников (независимо от специальности и профиля подготовки) устойчивых коммуникативных навыков. Русский язык и культура речи, будучи непрофильной дисциплиной в учреждениях высшего образования экономического, юридического, естественнонаучного и многих других профилей, изучается как необходимая составляющая подготовки выпускников к работе с профессиональными текстами.

Целью предложенной статьи является определение приёмов и форм работы по обучению студентов-нефилологов интерпретационной деятельности с опорой на текстоориентированный подход.

Интерпретационную деятельность, следом за О. В. Касперской, трактуем как вторичную коммуникативную деятельность говорящего, базирующуюся на способности адресата к пониманию текстов [3, с. 10]. Такая способность языковой личности опирается на глубокие знания о тексте (его типах, жанрах, способах построения и проч.), владение навыками анализа чужих и составления собственных текстов, отражающих сознательную авторскую интенцию.

Интерпретационная деятельность осуществляется в несколько этапов:

- дотекстовая деятельность (прогнозирование содержания текста, его фактуальной, подтекстовой и концептуальной информации с опорой на заголовок и коммуникативную ситуацию);
- чтение текста (его рациональное, эмоциональное и ассоциативное восприятие);
- осмысление темы, идеи текста и основных дискурсивных составляющих;
- создание собственного высказывания с опорой на рефлексию.

Система обучения студентов нефилологических профилей интерпретационной деятельности включает следующие взаимосвязанные компоненты:

- содержание обучения: понимание и анализ профессионально-ориентированных текстов; создание собственных связных высказываний;
- цели обучения: формирование коммуникативной личности конкурентоспособного выпускника;
- основные подходы: антропоориентированный, коммуникативно-деятельностный, текстоориентированный, культуроведческий и проч.;
- методы: коммуникативные, исследовательский, частично-поисковый, проблемное обучение и др.;
- средства обучения: профессионально-ориентированные тексты, образцы составления текстов различных типов, опорные таблицы и схемы и т. п.;
- формы обучения: фронтальная, парная, групповая, индивидуальная работа.

Как видим, одним из ключевых подходов к обучению студентов-нефилологов интерпретационной деятельности является текстоориентированный. Текст как средство формирования коммуникативных навыков исследуется достаточно активно (ср. труды Н. В. Карабановой [2], Т. М. Пахновой [4], О. А. Романенко [5], С. А. Улановой [6] и др.), хотя большинство таких работ посвящено практике изучения текста в школе. Текст как основа воспитания коммуникативной личности будущего специалиста в нефилологическом вузе требует глубокого рассмотрения.

Работа с текстом, по мнению большинства учёных (Е. С. Антоновой, Н. А. Пиколиной и др.), должна носить комплексный характер. Комплексная работа с текстом представляет собой многовекторную деятельность, включающую элементы сугубо языковедческого, лингвокультурологического, исторического, социолингвистического анализа, задания речеведческой направленности, выразительное чтение различных текстов, их пересказ, изложение и, безусловно, составление собственных высказываний.

Текст должен стать основным предметом изучения в курсе русского языка и культуры речи, читаемом студентам нефилологических профилей высших учебных заведений, поскольку представляет собой высшую дидактическую единицу. Целесообразно говорить о следующих основных аспектах его изучения:

- текст есть средство познания языка как социального феномена;
- текст способствует глубокому освоению русской культуры;
- изучение правил (орфографических, грамматических, стилистических и проч.) русского языка, то есть формирование

теоретической системы лингвистических понятий осуществляется на основе текста;

- закономерности функционирования языка в речи также познаются через текст как результат речевой деятельности;
- текст помогает овладению устной и письменной формами русской речи, её видами (чтением, слушанием, говорением, письмом), то есть способствует формированию коммуникативной компетенции;
- текст является неотъемлемой составляющей моделирования профессиональных ситуаций, в которых выпускнику придётся бывать в дальнейшем.

Дисциплина «Русский язык и культура речи», изучение которой обязательно для студентов нефилологических профилей, предполагает три раздела: 1. Введение. Орфография; 2. Синтаксис и пунктуация. Орфоэпические и грамматические нормы; 3. Стилистика. Культура речи. Особенно богатой почвой для применения текстоориентированного подхода к обучению студентов интерпретационной деятельности являются темы третьего раздела: «Активные процессы в современном русском языке. Текст, требования к тексту. Типы речи», «Научный стиль», «Официально-деловой стиль», «Публицистический стиль», «Ораторская речь», «Речевой этикет» и др. Вместе с тем, текстоориентированный подход полноценно может быть использован и при освоении материала первых двух разделов. Остановимся подробнее именно на этом.

Изучение орфографии и пунктуации в высшем учебном заведении носит коррекционный характер и представляет собой «одно из направлений работы над ошибками, основу которого составляет исправление навыка неправильного написания как многокомпонентного и многоуровневого автоматизированного орфографического или пунктуационного действия (умения), имеющего в себе некие дефекты структуры, представляющие собой результат ошибочных интеллектуальных действий учащихся по решению орфографических и пунктуационных задач в процессе свободного письма» [1, с. 11].

На занятиях по коррекции правописных умений и навыков, приобретённых обучающимися в общеобразовательном учебном заведении, профессионально-ориентированный текст целесообразно использовать в качестве материала для организации групповой и индивидуальной работы. Возможны упражнения, предполагающие работу с текстами, содержащими ошибки, пропуски орфограмм или пунктограмм, решение задач разных типов, составление собственных высказываний, включающих слова с изучаемой орфограммой и т. п. Активное

использование текстов в коррекционной работе по орфографии и пунктуации призвано стать одним из ключевых факторов формирования у студентов функциональной грамотности, поскольку профессионально-ориентированный текст является образцом письменной речи с точки зрения орфографического и пунктуационного оформления. Приведём несколько примеров таких заданий.

1. Прочитайте данный текст, озаглавьте его. Выпишите слова с двойными согласными. Поясните их правописание.

Высокая рыночная концентрация, наличие вертикально и горизонтально интегрированных структур и высокие издержки входа на рынок при определенных условиях могут способствовать формированию у отечественных производителей рыночной власти на внутреннем рынке. Подобными характеристиками обладают, в частности, такие экспортные отрасли России, как нефтеперерабатывающая и нефтехимическая промышленность, черная и цветная металлургия, азотная промышленность, что, однако, не может рассматриваться как неопровержимое доказательство слабости конкуренции в этих секторах. Исследуем соотношение мировых и внутренних цен товаров, активно вовлеченных в международную торговлю.

Голованова С. В. Сигналы несовершенства конкуренции: результаты анализа цен товаров, вовлеченных в международную торговлю / С. В. Голованова // Современная конкуренция. – 2010. – №. 4 (22). – С. 11–25.

2. Прочитайте текст. Запишите его, вставляя, где необходимо, пропущенные буквы и знаки препинания. Продолжите текст пятью своими предложениями, которые содержали бы обособленные определения и обстоятельства.

Р...зв...тие инт...гр...ц...он...ых пр...цес...ов являет...ся в...жнейшей ч...ртой с...вр...мен...ости. Инт...нсивн...ый пер...ход р...зв...тых и р...зв...вающих стран к эк...ном...ке нацел...н...ой на внешний рынок обусловл...н...о зак...н...мерн...стями р...зв...тия м...рового х...зяйства на с...вр...мен...ом этапе. Как пиш...т Ю.В. Шишков м...ровой опыт уб...дит...льн...о показывает что эк...н...мическая инт...гр...ция между странами в об...зат...л...н...ом п...рядке буд...т пр...и...ходить если дан...ые страны вышли на высокий ур...вень индустр...ал...зации и пр...и...водят обширный пер...чень готовой пр...дукции что являет...ся пр...дп...сылкой к р...зд...лен...ию труда и акт...в...зации со...тве...тствующего обмена т...варами между р...зличн...ыми странами. С...годня общими пр...дп...сылками меж...г...сударств...н...ой инт...гр...ции пр...нято сч...тать г...

огр...фическую близ...сть стран...учас...ниц инт...гр...ц...он...
ых об...ед...нен...ий схожий ур...в...нь эк...н...мического р...
зв...тия стран п...л...тич...скую волю руко...во...тва инт...гр...
рующихся стран нах...жд...н...ие эк...н...мик стран в фазе под...
ема наличие ин...ц...рующего центра из одного...двух г...
сударств.

3. Составьте связный текст (10–12 предложений), содержащий сложные слова. Поясните их правописание.

Текстоориентированный подход целесообразно применять не только на семинарских и практических занятиях, но и в системе самостоятельной подготовки. Уместным будет, например, следующее задание:

Подберите профессионально-ориентированный текст, содержащий различные знаки препинания (запятые, тире, двоеточия, точку с запятой). Приготовьтесь выступить в качестве преподавателя, предложив своим сокурсникам пояснить пунктограммы.

Таким образом, обучение студентов нефилологических профилей интерпретационной деятельности на основе текстоориентированного подхода должно стать основополагающим в их языковой и речевой подготовке. Изучение ими русского языка и культуры речи носит прикладной характер: студенты должны, прежде всего, научиться свободно работать с профессионально-ориентированными текстами. Достижению этой цели и служит методика формирования у них интерпретационной компетенции как составной части компетенции коммуникативной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейкина А. Д. Реализация текстоориентированного подхода на занятиях по коррекции правописных умений и навыков в X–XI классах / А. Д. Дейкина, Т. П. Малявина // Русский язык в школе. – 2011. – № 5. – С. 8 – 12.
2. Карабанова Н. В. Новые подходы к преподаванию русского языка в школах Казахстана: теория и практика текстоориентированного подхода / Н. В. Карабанова, Е. А. Сердобинцева, С. А. Уланова // Гуманитарные науки и образование. – 2018. – Т. 9. – № 1. – С. 44 – 49.
3. Касперская О. В. Методика обучения интерпретационной деятельности старшеклассников в профильной школе в процессе преподавания русского языка : автореф. дис. ... канд. пед. наук (13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (русский язык) / Ольга Всеволодовна Касперская. – М., 2010. – 28 с.

4. Пахнова Т. М. Текст как основа создания на уроках русского языка развивающей речевой среды / Т. М. Пахнова // Русский язык в школе. – 2000. – № 4. – С. 4 – 12.
5. Романенкова О. А. Редактирование текста как эффективный прием развития речи учащихся / О. А. Романенко // Гуманитарные науки и образование. – 2016. – № 2 (26). – С. 74 – 77.
6. Уланова С. А. Обучение филологически одаренных школьников русскому языку в условиях дополнительного образования / С. А. Уланова, О. А. Романенко // Гуманитарные науки и образование. – 2017. – № 3. – С. 98 – 103.

АННОТАЦИЯ

Балко М. В. Тексториентированный подход к обучению студентов нефилологических профилей интерпретационной деятельности

Статья посвящена определению основных методов, приёмов и форм работы по обучению студентов-нефилологов интерпретационной деятельности с опорой на тексториентированный подход. Интерпретационная деятельность определена как разновидность коммуникативной деятельности, охарактеризованы её этапы и структура. Основное внимание уделено тексториентированной методике обучения русскому языку и культуре речи. Приведены примеры практических заданий, в основу которых положено изучение текста.

Ключевые слова: интерпретационная деятельность, тексториентированный подход, текст, русский язык и культура речи.

SUMMARY

Balko M. V. Text-oriented approach to teaching students of non-philological profiles to interpretative activity

The article is devoted to the consideration of the main methods, techniques and forms of work on teaching non-philologists students to interpretative activities based on a text-oriented approach. Interpretational activity is defined as a kind of communicative activity, stages and its structure are characterized. The main attention is paid to text-oriented methods of teaching Russian language and speech culture. Examples of practical tasks are given, which are based on the study of the text.

Key words: interpretational activity, text-based approach, text, Russian language and speech culture.

О. А. Головачева
(г. Брянск, РФ),
С. Н. Стародубец
(г. Новозыбков, РФ)

УДК 81'373.7': 8138(045)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ИДИОСТИЛЕВЫЕ КОМПОНЕНТЫ ДИСКУРСА Н. С. ЛЕСКОВА-ПУБЛИЦИСТА

Н. С. Лесков, выдающийся русский писатель и публицист, в своих литературных произведениях широко использовал многочисленные средства национального языка, в т.ч. пословицы и поговорки, слова с фразеологически связанным значением, а также цитаты, устойчивые выражения, ставшие крылатыми; в случае необходимости подвергал авторской трансформации обозначенные единицы. В его художественных и публицистических текстах употреблены паремии, которые заключают выверенную не одним поколением русских людей народную мудрость, точно, емко и образно сконцентрированную в неословной единице, ставшей основой жизни социума (*Дорогое мило, дешевое гнило; Брань на вороту не виснет; Бог не выдаст, свинья не съест; За одного битого двух небитых дают, да не берут; Свой своему поневоле брат; Каков поп, таков и приход* и др.), например:

Наш край, друзья, дубровен: у нас дураков не орут и не сеют, а они сами рождаются// Поповка парижская все равно что поповка рождественная, гостомельская и всякая другая поповка. Идя туда, конечно, надо помнить, что *за чем пойдешь, то и найдешь*// ...русскому солдату напоминают пословицу, что *«только плохой солдат не надеется быть генералом»*// Сказали только: *«не знавши броду, не суйся в воду»* // Г-н Авенариус знает, что такая *брань на вороту не виснет* [4, здесь и далее цитирование по указанному источнику].

Наряду с рекомендациями прагматического плана (*Не знавши броду, не суйся в воду; Не побожиться – не обмануть, а не обмануть – не продать; Кто палку взял, тот и капрал* и др.) паремии содержат культурные константы (*Коли нет души, так что хочешь пиши; Чему посмеешься, тому поработаешь*), в т.ч. и различные запреты, которые защищают общество от деградации, например: *С одного вола двух шкур не дерут; Нечего пенять на зеркало, когда лицо криво; На волка слава, а овец таскает Савва* и др. В ряде случаев автор прибегает к пословицам и поговоркам, где имеет место табуирование имплицитного плана: *Ниточка доводит до клубочка; На воре шапка горит* и др.

Фразеологические единицы выступают одним из ярких языковых средств создания экспрессивности, что выпукло представлено в публицистике Н. С. Лескова, где частотно употребляются как исконно русские устойчивые обороты (*Закон – что конь, куда повернешь, туда и поедешь; канитель мотать; ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец; по губам помазать*), так и заимствованные (*per fas et nefas* [Всеми правдами и неправдами – Лам.]; *conditio sine qua non* [Непременное условие – Лам.]; *“audiat et altera pars”* [Пусть будет выслушана и другая сторона – Лам.]; *ничто же бысть еже бысть; arrière pensée* [Задняя мысль – Франц.] и др.). Это свидетельство широты кругозора литератора, его умения подкрепить свою мысль умозаключениями предков, зафиксированными в паремиологическом фонде, в т.ч. других народов. Русские фразеологические единицы, выступающие как символ жизненных констант и постулирующие истинные ценности, являются в творчестве Н.С. Лескова, как правило, средством оценочности лица или ситуации, например:

О “панах советниках” *отдатчик мало заботится и, случается, обходит его вовсе, говоря: “Э! это ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец”* [«Несколько слов о врачах рекрутских присутствий»]// ...хотите купить “*алтынное за грош*”, тогда как это положительно невозможно! Вы говорите: “*было бы болото, а черти будут*”; черти-то, господа, будут, да людей-то у вас нет [«Торговая кабала»].

Нетранслитерированные латинизмы и выражения из других языков частотно включены в тексты в качестве свернутого, компрессионного средства или для создания комического эффекта (*Там и aneurismata, lithiasis, vesania, stultitia, mania, amentia fatuitas, nostalgia, haemoptysis, praedispositio ad phthisin pulmonalem* и множество других *morbi simulati u morbi dissimulati*), а также для интеллектуализации текста: *Врач-член – это factotum* [Доверенное лицо – Лам.] *всякого, без него ничто же бысть еже бысть* // *Метрические книги в еврейских обществах ведутся крайне неаккуратно и часто вовсе не ведутся или утрачиваются, надо полагать, с умыслом, под влиянием arrière pensée* [Задняя мысль – Франц.]. – Прим. Лескова.] [«Несколько слов о врачах рекрутских присутствий»].

Чем актуальнее представлялась Н.С. Лескову проблема, тем больше он использовал метафор, эвфемизмов, тем ярче структурировал текст. Например, одним из актуальных в России на протяжении последних столетий был и остается вопрос пьянства, о причинах появления которого в некогда трезвом государстве высказывались многие отечественные литераторы. Н.И. Либан

интерпретировал это так: «...Герцен писал, что мужик в кабаке идет потому, что там он барин. Успенский возражает: его туда тянет, потому что он свинья. Русский мужик не страстотерпец, а «пьяная рожа» [5, URL]. Н.С. Лесков же считал, что «народ пьет, потому что беден» [3, URL]. Вопрос борьбы с недугом пьянства был из тех, над решением которого размышлял Н.С. Лесков (*Что делать с этой страшной язвой нашего народа? Где рожон против этого губительного зла?*) [«Вопрос об искоренении пьянства в рабочем классе»]. Аннинский Л.А. отмечает, что Н.С. Лесков «пишет о российском пьянстве много и остро». И рассматривает «питие водки как естественный способ глушения больной совести русского мужика... Лесков все время пробует разные выходы. Он колеблется между мерами воспитательными, которые гуманны, но бессильны, и мерами принудительными, которые ему как гуманисту отвратительны, но... тоже мало помогают» [2, URL].

*Хороший пьяница перескачет все препятствия и (как говорят) украдет да достанет денег на то, чтобы **напиться до чертиков*** [«Вопрос об искоренении пьянства в рабочем классе»].

Здесь устойчивое выражение *напиться до чертиков* фиксирует крайнюю степень падения личности, когда утрачиваются моральные основы (*пьяница перескачет все препятствия*) и нарушается закон (*украдет*).

Паремия *Мужик год не пьет, два не пьет, а как черт прорвет, так все пропьет*, взятая в качестве эпиграфа к статье «Вопрос об искоренении пьянства в рабочем классе», отмечает действия мужика (*не пьет – (все) пропьет*) через однокорневые антонимы. Причину такой перемены в поведении фиксирует глагол *прорвать* – «о внезапном проявлении у кого-либо долго сдерживаемого...» [7, Т.3, с. 515]. Употребление данного глагола в словосочетании (*черт прорвет*) указывает на то, что нехорошие поступки совершаются человеком не по своей воле, а под воздействием внешней страшной и мощной силы, что несколько извиняет слабость натуры пьяниц, но не оправдывает их. Авторская оценка порока пьянства однозначно отрицательная, что выражено через пейоративно маркированные адъективы (пьянство) *буйное, дикое, отвратительное, обесмысливающее*.

В своих ранних публицистических работах Н.С. Лесков указывает и на другие негативные проявления натуры человека, в частности, чрезмерной привязанности к деньгам, неоднократно обращаясь к библейскому выражению *Легче верблюду пройти сквозь углиное ушко, чем богачу войти в царствие небесное*, которое в ряде текстов обыгрывается автором, например: *...а до тех пор, пока все, что имеешь, не роздано будет неимущим, не*

уйдешь дальше верблюда, собирающегося пролезть в игольное ушко [«Русское общество в Париже»]. Посредством данного оборота публицист укажет, в частности, на грех стяжательства секты скопцов, у главы которых было огромное количество золота, серебра (пуды) и денежных средств.

Авторская модификация библеизма *Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное* раскрывает соответствие взглядов Н. С. Лескова принципам православной жизни в отношении к земному богатству.

В статьях экономической направленности литератор также употреблял фразеологические единицы, в образной форме указывая читателю на перспективы развития с учетом российской действительности:

Ничто так не важно для успехов экономического развития России, как устройство в ней железных дорог, и ни на чем, кажется, мы так не обожглись, как на железных дорогах, – а известно, что, кто обожжется на молоке, тот дует и на воду // Желаем, чтобы оно (новое предприятие) не встречало напрасной борьбы с рутинными предрассудками некоторых *квасных патриотов... О sancta simplicitas!* // Всякий новый слух о новой чугушке теперь встречается с решительным недоверием; говорят: *“это улитка едет; когда-то будет!”* [*О святая простота! (лат.)*] [«О новой железной дороге»].

Яркой идиостилевой чертой публицистики Н.С. Лескова является коннотативная и смысловая сгущенность, эксплицированная, в т.ч. концентрацией фразеологических единиц в границах небольшого контекста, например:

А парижская поповка есть во всех отношениях место злочно и спокойно, где Ирида хотя и катает свое золотое яблочко, но где все-таки каждый живет без печали и воздыхания, да еще и впереди видит для себя жизнь бесконечную”...[«Русское общество в Париже»].

В тексте очерка Н.С.Лескова «Русское общество в Париже» претерпел авторскую трансформацию фрагмент молитвы за умершего (Кондак, глас 8): «Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, **идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная**» [1, URL].

Расположенные дистантно части *без печали и воздыхания – жизнь бесконечная* в ином контекстном окружении приобрели новый смысл, отличный, в частности, от зафиксированного в словаре М.И.Михельсона, где нет ни печали, ни воздыхания (за гробом) – о невозмутимой тишине [6, URL].

В данном случае каждый компонент устойчивого оборота употреблен как самостоятельное слово в прямом значении, что

указывает на некоторую степень самонадеянности и авантюризма в подходе к жизни и выражает иронию автора.

Г. Герцен положительно не понял всех выгод своего свободного и обеспеченного положения; он *бил в далекие башни*, легкомысленно не внимая голосу русского художника, который докладывал ему отсюда, что *“жестокие, сударь, нравы в нашем городе”*...[«О заметке «Русского вестника и о характере действий г. Герцена»].

В данный контекст включено крылатое выражение из драмы Островского «Гроза» (*жестокие, сударь, нравы в нашем городе*), а также используется авторский фразеологизм *бить в далекие башни*, начальный компонент и грамматический строй которого создают эффект узнавания трансформированного языкового оборота *бить во все колокола* или синонимичную единицу *бить в набат* – «поднимать тревогу» [8, URL]; в первой ФЕ имела место субституция двух компонентов, во второй – замена одного компонента и вставка в структуру устойчивого оборота нового элемента.

Н. С. Лесков-публицист широко использовал устойчивые обороты как единицы, не только номинирующие ту или иную проблему, но и образно вербализирующие ее. Язык публицистических текстов демонстрирует нравственную платформу Н. С. Лескова в отношении различных современных автору социальных, религиозных, нравственных, бытовых вопросов, к решению которых можно направить читателя, в частности, через фразеологические единицы, соответствующие морально-духовной матрице русского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Азбука веры» – православный интернет-портал, URL: <https://azbyka.ru/molitvoslov/molitvy-o-umershix.html>
2. Аннинский Л. А., URL: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_1430.shtml
3. Головачева О. А., URL: <https://studref.com/338272>
4. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: В 30 т. / Н. С. Лесков; Редкол.: Н. И. Либан (гл. ред.) и др.; Вступ. ст. И. В. Столяровой – М.: Изд. Цетр.«Терра», 1996 – прод. – Т. 1. – 910 с., Т. 2. – 990 с., Т. 3. – 799 с., Т. 5. – 830 с., Т. 7. – 800с.
5. Либан Н. И., URL: <http://coollib.com/b/134612>
6. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. Т. 1-2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. СПб., тип. Ак.наук. М.И.Михельсон.

1896-1912. URL: <https://rus-michelson-talk-dict.slovaronline.com/10510>

7. Словарь русского языка в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стер. – М.: Изд-во «Русский язык», 1985-1988. – Т. 1: А-Й. – 702 с., Т. 2: К-О. – 736 с., Т. 3: П -Р. – 750 с., Т. 4: С-Я. – 797 с.
8. Ушаков Словарь фразеологизмов русского языка. URL: gufo.me/dict/ushakov/набат

АННОТАЦИЯ

Головачева О. А., Стародубец С. Н. Фразеологизмы как идиостроевые компоненты дискурса Н. С. Лескова-публициста

В статье рассматриваются особенности авторского стиля выдающегося русского писателя на примере использования им фразеологических единиц.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, фразеология, фразеологизм, авторский стиль.

SUMMARY

Golovacheva O. A., Starodubets S. N. Phraseologisms as idiosyncratic components of discourse N. S. Leskov-publicist

In the article the investigators consider the peculiarities of the author's style of the outstanding Russian writer on the example of his use of phraseological units.

Key words: N. S. Leskov, phraseology, phraseologism, autor's style.

*А.Г. Голодов
(г. Рязань, РФ)*

УДК 811.112(05)

МЕТОД КОСВЕННОЙ ДИФФАМИИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ (на материале немецкой массовой прессы)

Информационная война всегда имеет два фронта – внутренний и внешний. Наиболее интенсивное наступление осуществляется на внутреннем. Оно направлено на создание соответствующего настроения у основной массы населения, что необходимо для победы в следующих выборах, а также для создания образа врага, который вписывался бы в политическую картину, актуальную для политической элиты в данный исторический момент времени.

Кроме того, средства ведения наступления на внешнем фронте у любого государства ограничены, поскольку невозможно организовать равное внутреннему применению средств СМИ на территории противника.

Для тотального наступления на внутреннем фронте необходимо «оружие массового поражения» – это в первую очередь ТВ и массовая пресса, которая имеет большие тиражи. В качестве примера можно привести немецкий таблоид БИЛЬД, который (по немецким данным) имеет около 13 миллионов читателей.

Критерием успеха наступления как на внутреннем, так и на внешнем информационном фронте считается массовость внедрения в сознание населения точки зрения правящей элиты и обслуживающих её «свободных» СМИ.

Для наступления на внешнем фронте используются электронные СМИ (радиостанции «Свобода» и пр.), а основная ставка делается на «внутренние ресурсы», фактически «пятую колонну», которая поддерживается как финансово, так и морально из-за рубежа. Одновременно объединённый Запад старается не терпеть у себя дома ответное, очень ограниченное по объёму контрнаступление российских СМИ. В результате этого радиостанция „Russia today“ испытывает постоянное давление, нередко переходящее в откровенное преследование в «светочах свободы и демократии».

«Как и «горячая война», информационная состоит из двух вариантов ведения действий: обороны и наступления. В качестве обороны можно рассматривать изучение методов (приёмов) ведения информационной войны противником (в частности язык его СМИ), а в качестве наступления – свою собственную активную контрпропагандистскую кампанию, включающую все современные средства и методы её ведения» [2, с. 22].

Информационная война имеет свою стратегическую цель, тактику и динамику. Стратегическая цель информационной войны, которую интенсивно ведёт объединённый Запад, очевидна – ослабление России (в частности, за счёт санкций) до такой степени, чтобы она ни в какой области не могла конкурировать с западным сообществом. Для этого необходимо реализовать основную на сегодняшний день тактическую цель – любой ценой добиться смены «режима Путина» на удобно-приемлемый для Запада (лучше «либеральный», по образцу девяностых годов).

Интересно упомянуть в этой связи недавно изданную в ФРГ книгу журналиста и автора Михаэля Людерса (Michael Lüders), где он следующим образом характеризует задачу своего исследования: «Эта книга представляет собой своего рода раскладку с политикой Запада (eine Abrechnung mit

westlicher Politik), которая с удовольствием претендует на то, что она в своих действиях «ориентируется на ценности» (für sich in Anspruch nimmt, „werteorientiert“ zu handeln), а на Ближнем и Среднем Востоке многократно оставляла после себя выжженную землю. Действующие лица в первую очередь США и их ближайший союзник Великобритания. Но самое позднее с 9/11 (автор статьи имеет в виду 11 сентября – А.Г.) к ним относятся также и другие страны-члены ЕС, не в последнюю очередь Германия...». Далее автор пишет: «Хорошие – это мы, западная политика, потому что мы за свободу, демократию и права человека. Западные политики, по возможности, избегают говорить об интересах...» [7, S. 7].

Собственные ошибки, просчеты, ложь и преступления, которые только в арабо-исламском мире с сентября 2011 года стоили жизни сотням тысяч людей, при этом «великодушно» не замечаются (werden großzügig übersehen). И естественно хорошие имеют право наказывать плохих, например, посредством экономических санкций. Всё ещё с маленькой надеждой на изменение режима... Хорошие верят, что их мораль превосходит другие, потому что они выступают за свободу Украины или права человека в Иране.

«Однако в первую очередь речь идёт о том, чтобы нейтрализовать, ослабить или не дать подняться геополитическим противникам» [7, S. 7-8].

Меняются фронты и направления наступления на информационном фронте, возможно некоторое затишье или даже отступление. Однако потом наступление может возобновиться с ещё большей интенсивностью с применением новых методов и средств, которые адаптированы к произошедшим на «фронте» изменениям.

Основной стратегический метод информационной войны со стороны Запада сегодня – это своего рода *Blitzkrieg*, который однажды уже не помог объединенной Европе в 1941 году, но вновь возник уже на другом уровне, а именно информационном, в наше время.

Его суть заключается в том, что после любого события (например: сбитого над Донбассом БОИНГа, «отравления» Скрипалей, использования химического оружия в Сирии, даже терактов или жёлтых жилетов во Франции), не дожидаясь расследования и не имея никаких реальных фактов, западные СМИ производят *молниеносный вброс* (Blitz-Einwurf), в котором противная сторона сразу объявляется виноватой и таким образом вынуждена с самого начала уходить в оборону и оправдываться.

Таким образом ведётся игра на опережение, в результате которого противник вынужден сразу уйти в оборону, поскольку ему приходится оправдываться. А, как известно, оправдывающийся всегда находится в невыгодном положении и как бы автоматически загоняется в пассивную оборону. Это чревато потерей инициативы и, в конечном итоге, локальным поражением в данном эпизоде информационной войны.

Следующая, более «мягкая ступень», которая может последовать после неудавшегося «Блицкрига» – это нейтрализация своей явной негативной роли в эпизоде за счёт обезличивания или автоматического разделения вины по модели: «в этом виноваты обе стороны». Кстати, вариант «в этом виноваты обе стороны» довольно охотно использует и немалая часть западного населения, для которой удобно не напрягать мозги анализом и попыткой разобраться в проблеме, а отделяться лишь ничего не значащей общей фразой.

Исходной для прессы при этом является предпосылка, что любое государство, декларирующее свою «прозападность» и противопоставляющее себя России, виноватой стороной в любом конфликте априори быть не может (и не должно, по мнению западных элит). Следовательно, Россия априори виновата в любом конфликте и в любой ситуации.

Если же вина «прозападного» партнёра слишком уж очевидна, как в это было в случае с Грузией в 2008 году или с трагедией в Одессе в мае 2014 года, то для такой ситуации предусмотрен нейтрализующий вариант – обезличивание виновной стороны по принципу «виноваты все» или безличное предложение (в немецком это пассивный залог или неопределенно-личное местоимение *man*).

Эпизод подаётся без указания виновника (зачинщика) конфликта именно в том случае, когда вина «своего» довольно очевидна. В принципе, такое обезличенное представление виновника конфликта можно рассматривать как косвенное признание Западом вины «своего» партнёра (ставленника), что, однако, совершенно не очевидно для среднестатистического западного обывателя и потребителя СМИ.

После мощного блицкрига, который обрушили на Россию западные СМИ в 2014 году, их наступление несколько выдохлось. Невозможно бесконечно повторять одни и те же тезисы, опираясь при этом на изобретённые в процессе клише, призванные подменить отсутствующие реальные факты.

Фронтальное наступление на Россию ожидаемых результатов не принесло. Прозападная часть «элиты» и поддерживающая

её крайне малочисленная либеральная оппозиция не получили никаких дополнительных шансов добраться до власти.

Направление главного удара западные СМИ начали реализовывать обходным маневром с флангов – через американские выборы (частично также и французские), а после их завершения через атаку на новоизбранного президента Трампа.

На украинском направлении, которое около двух лет было «направлением главного удара», наступление несколько застопорилось и продолжалось в виде спорадических боёв местного значения.

Основными направлениями антироссийского наступления в западных СМИ в 2016-18 гг. стали следующие: *«Российская антитеррористическая операция в Сирии»*; *«Дело Скрипалей»*; *«ЧМ 2018 и война на спортивном фронте»*, *«Дестабилизация» Россией Германии*; *«Друзья и понимающие («пониматели») Путина»*.

На периферию оказались вытесненными темы, которые долгое время доминировали на страницах таблоида, например эпизод со сбитым БОИНГом МН 17, хотя реальное расследование с убедительными выводами так и не состоялось. Время от времени на страницах появляются, как правило, небольшие заметки («мини-вбросы»), которые призваны убедить читателей в виновности донбасских «сепаратистов» и России.

Как уже было отмечено ранее, кроме прямых (непосредственных) атак на Россию или президента, западная пресса, в данном случае БИЛЬД, интенсивно применяют тактику фланговых, обходных атак. При этом диффамации подвергаются известные политики и бизнесмены, которые находятся в дружеских отношениях с Путиным и выступают за сотрудничество с Россией и против конфронтации с ней. Как известно, все эти персоны получили в немецкой прессе специальное обозначение *«Putin-Versteher»* = *понимающие (дословно – пониматели) Путина*.

Известный немецкий политолог и журналист Петер Шолл-Латур назвал в своей последней книге «Проклятие дурного поступка» (Peter Scholl-Latour: „Der Fluch der bösen Tat“) словосочетание «пониматели Путина» (Putins Versteher) «... глупейшим выражением, которое пришло на ум немецким комментаторам, чтобы диффамировать те голоса, которые требуют минимум объективности при оценке русской дипломатии...» (Der dümmste Ausdruck, der den deutschen Kommentatoren in den vergangenen Monaten eingefallen ist, um jene Stimmen zu diffamieren, die ein Minimum an Objektivität bei der Beurteilung der russischen Diplomatie anforderten, lautet „Putin-Versteher“) [8, S. 18].

Самыми именитыми «понимателями» Путина следует считать двух экс-канцлеров Германии и членов социал-демократической партии Хельмута Шмидта и Герхарда Шрёдера.

«В течение всего 2014 года бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт в своих интервью (в частности газете BILD) неоднократно заявлял о том, что с пониманием относится к политике президента Путина, за что был включён наряду с рядом других известных людей в список *Putins Versteher* (понимающие Путина), который, по мнению его авторов, должен восприниматься общественностью исключительно в негативном ключе.

А в конце 2014 года (очень вовремя) появляется книга автора Sabine Pampriegen, в которой она подвергает критике «нацистское прошлое канцлера», поскольку он был в нацистской молодёжной организации Hitlerjugend и служил в качестве офицера люфтваффе (BBC). Эти факты биографии Хельмута Шмидта были давно известны общественности, но новая их интерпретация появилась очень уж кстати, в тот момент, когда бывший канцлер попытался, используя свой авторитет, выступить с критикой евроатлантической политики и высказал понимание целого ряда позиций России». В газете BILD появляется статья под названием: „**Was ist dran an den Nazi-Vorwürfen gegen Helmut Schmidt?**“ (Что является правдой в обвинениях Хельмута Шмидта в нацизме?) [BILD, 01.12.2014, S. 2].

Анализ публикаций BILD о событиях на Украине и российской политике в течение всего 2014 года наводят на мысль, что возвращение к давно закрытой теме (служба Гельмута Шмидта в люфтваффе) именно в данный период не является случайностью» [2, с. 158].

После смерти Гельмута Шмидта 10 ноября 2015 года главным «понимателем Путина» и соответственно главным объектом фланговой атаки на Путина массово-бульварная пресса ФРГ сделала его личного друга и экс-канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера.

В этом случае наблюдаем классический вариант обходного (флангового) наступления на Россию опосредованно – через атаку на бывшего федерального канцлера, который смеет не следовать политическому мейнстриму в Германии и объединённого Запада в целом.

При этом Шрёдер, публично комментируя включение Крыма в состав России, признался, что сам во время конфликта в Югославии нарушил международное право. Будучи канцлером, он использовал в войне в Косово самолёты «Торнадо» против Сербии без мандата ООН и нарушил основной закон ФРГ, запрещающий применения бундесвера за пределами страны.

В 1999 году при освещении натовской агрессии против Сербии БИЛЬД данный факт «не заметил».

Особенно раздражало немецкие СМИ активное участие экс-канцлера в руководящих органах российских концернов «Газпром» и «Роснефть», а в особенности, его реакция на критику с их стороны.

«Сотрудничество с российским концерном «Роснефть» – это моя жизнь, и это решаю я, а не немецкие СМИ», – заявил экс-канцлер Германии Герхард Шрёдер в ходе интервью с кандидатом социал-демократов на выборах в бундестаг Ларсом Клингбайлем, широко освещённый немецкой прессой.

Внешняя политика Дональда Трампа, особенно «*через Twitter*», «*чрезвычайно опасна*», и по сравнению с Трампом Владимир Путин – «*очень рациональный человек*», отметил экс-канцлер Германии...» [9].

Для диффамации любого официального мероприятия в стране с «неправильными выборами», и, соответственно, неправильным руководством, тут же находятся соответствующие характеристики, как в следующем предложении: «Самый важный исполнитель роли второго плана в цирке Путина – Герхард Шрёдер» (Wichtigster Nebendarsteller im Putin-Zirkus ist Gerhard Schröder) [BILD, 8.05.2018, S. 2].

В качестве примеров использования негативно-дискредитирующей лексики можно привести одну из многочисленных статей таблоида, посвящённых экс-канцлеру Г. Шрёдеру.

1. Уже само название статьи в принципе не нуждается в комментариях. Такой стиль вполне соответствовал бы стилю пропаганды соответствующих СМИ Германии во времена Второй мировой войны: «*Бывший канцлер получает теперь кровавые деньги Путина. Стыдитесь, господин Шрёдер! Шрёдер – великодушная реклама для Кремля*» (Altkanzler kassiert jetzt Putins blutiges Geld. Schämen Sie sich, Herr Schröder!..... Schröder ist großartige Werbung für den Kreml).

Можно предположить, что многим читателям таблоида вполне будет достаточно чтения заголовков и подтитлов, что вполне вписывается в стратегию БИЛЬДа.

В заголовке присутствует и соответствующая *дискредитирующая лексика* (кровавые деньги Путина), и *провокационные призывы-обвинения* (Стыдитесь, господин Шрёдер!).

2. В начале статьи БИЛЬД заявляет: «В течение семи лет он руководил Германией, теперь он перешёл на другую сторону» (Sieben Jahre lang regierte er Deutschland, jetzt hat er die Seiten gewechselt).

Этой фразой авторы показывают, что Россия является для ФРГ (и, соответственно, для объединённой Европы) другой стороной, т.е. противником (точнее *врагом*).

Вероятно, и российской прессе, и политологам следует перестать злоупотреблять такими «миролюбивыми и толерантными» характеристиками, как «партнёры», поскольку это несколько сбивает с толку. И факт продолжения бизнеса с «партнёрами» ничего в этом не меняет. Во время Второй мировой войны американские фирмы не прекращали сотрудничество с концернами гитлеровской Германии. Но даже в США «партнёрами» Третий рейх официально тогда называть не решались.....

3. Даже описание места действия в статье выдержано в соответствующих тонах:

– интервью: «Инаугурация вчера: Режущая глаза роскошь. Много золота. Очень много необязательной декорации» (Die Amtseinführung gestern: Pomp pur. Viel Gold. Ganz viel Staffage).

– описание места действия в соответствующих тонах: «Мрачная местность... Мрачнейшая, продуваемая ветрами бетонная глушь... безобразный центр для проведения конференций «Горный» (Die triste Gegend... Trübste, zugige Beton-Einöde... das monströse Tagungszentrum „Gornyy“) [BILD, 30.09.2017, S. 3].

Такая *негативно-дискредитирующая лексика* вполне подошла бы для начала романа или фильма ужасов.

Исследуемый материал позволяет утверждать, что тема «Шрёдер – понимающий («пониматель») Путина» стала чуть ли не основной во «фланговой» атаке немецких СМИ на Путина. Пожалуй, это можно объяснить следующим образом: мощнейшей атакой и попыткой тотальной диффамации экс-президента немецкая элита через массово-бульварную прессу демонстрирует всем потенциальным «понимателям Путина», что их ожидает, если они будут открыто выступать против мейнстрима за нормализацию и развитие отношений с «путинской Россией».

Как известно, экс-канцлер Г. Шмидт попал в число «понимающих (понимателей) Путина за то, что критически высказывался о немецкой политике по отношению к России после 2014 года. При этом он подчеркивал, что обострение отношений Россия-Запад началось задолго до Крыма и украинского переворота с расширения блока НАТО, руководители которого открыто говорили о планах по включению в состав «оборонительной» организации Украины и Грузии.

Как уже было отмечено выше, в результате в 2014 году оперативно появилась книга автора Sabine Pamperien „Helmut

Schmidt und der Scheißkrieg“, в которой вновь был извлечён на свет божий общеизвестный факт службы экс-канцлера Шмидта в вермахте, чтобы использовать его как дискредитирующую уязвимого политика сенсацию.

В 2015 году похожая ситуация сложилась вокруг другого бывшего социал-демократического канцлера – Герхарда Шрёдера. Его лояльно-дружеское отношение к В. Путину и России в целом послужило поводом для мощной идеологической атаки со стороны СМИТ ФРГ, в первую очередь массово-бульварного таблоида BILD.

Как и в ситуации с Х. Шмидтом, в нужный момент «вдруг» на книжном рынке появляется книга, на этот раз автора Gregor Schöllgen „Gerhard Schröder – Die Biographie“. BILD реагирует молниеносно статьёй «Новая книга разоблачений. Отец Герхарда Шрёдера воровал бельё» („Neues Enthüllungsbuch. Gerhard Schröders Vater war ein Wäschedieb“) [BILD, 14.09.2015, S. 2].

В своих статьях-обвинениях БИЛЬД использует *тактику полуправды*, как, например, в цитате: «Незадолго до окончания своего канцлерства Шрёдер простил Путину миллиардные долги и обеспечил вопреки совету экспертов немецкими государственными миллиардными гарантиями российский газопровод „Nord Stream“ (Kurz vor Ende seiner Kanzlerschaft hatte Schröder Putin Milliarden-Schulden erlassen und die russische Ölpipeline „Nord Stream“ gegen Experten-Rat mit einer deutschen Milliarden-Staatsbürgschaft abgesichert) [BILD, 30.09.2017. S. 3].

Действительно, Шрёдер активно поддерживал крайне выгодный для ФРГ российский газопровод. В то же время:

1) большинство настоящих экспертов (а не пропагандистов из Брюсселя) как раз считали целесообразным прокладку газопровода, что и подтвердила в конечном итоге сама жизнь. Похоже, что авторы пытаются убедить сами себя, поскольку сегодня крайне неубедительно выглядят аргументы о сооружении „Nord Stream 1“ «вопреки совету экспертов». Общеизвестный факт, что в результате этого проекта в большом выигрыше оказалась именно немецкая сторона, иначе бы сегодня Германия не поддерживала, несмотря на мощнейшее давление со стороны США, строительство второй ветки газопровода;

2) какие миллиардные долги простил Путину Шрёдер во время своего канцлерства, не уточняется, поскольку никто никому ничего не прощал.

Уместно бы таблоиду в этой связи вспомнить о том, как президент СССР М. Горбачёв фактически «простил» Германии (в лице тогдашнего канцлера Г. Коля) компенсацию за вывод Группы

советских войск в Германии и оставленную там недвижимость. Но данный факт в немецкой свободной прессе практически табу.

В заключение следует отметить следующее:

Прямолинейное фронтальное наступление на Россию ожидаемых результатов не принесло. Невозможно добиваться положительного для себя результата, бесконечно повторяя одни и те же тезисы, опираясь при этом на изобретённые в процессе клише и фальсифицированные факты.

Направление главного удара западные СМИ начали реализовывать обходным маневром с флангов. Исследованный материал позволяет утверждать, что тема «Шрёдер – понимающий («пониматель») Путина» стала одной из основных во «фланговой» атаке немецких СМИ на Россию, используя Путина в качестве «маркера негативного».

Попыткой тотальной диффамации экс-президента Г. Шрёдера немецкая элита через массово-бульварную прессу демонстрирует всем потенциальным «понимателям Путина», что их ожидает, если они будут открыто выступать против мейнстрима за нормализацию и развитие отношений с «путинской Россией».

Для диффамации любого официального мероприятия в стране с «неправильными выборами» и, соответственно, неправильным руководством тут же находятся соответствующие характеристики. При этом используется как фальсификация фактов, так и соответствующая негативно-дискредитирующая лексика.

Фактически речь идёт о *методе косвенной диффамации*, так как в качестве дискредитирующего «ярлыка» для своих собственных общественно значимых персон используется имя российского президента. При этом одновременно происходит параллельно и дополнительная дискредитация последнего, поскольку таблоид пытается показать, что любой контакт с ним (и тем более дружеские отношения) должен считаться «токсичным».

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев А.Д. Очерки политической лингвистики. – Москва, Флинта, 2018. – 138 с.
2. Голодов А.Г. Язык информационной войны (на материале языка немецкой массовой прессы): моногр. – Рязань, 2015. – 195 с.
3. Голодов А.Г. О методах ведения информационной войны в массовой прессе (на материале немецкого языка) // Вестник Рязанского университета им. С.А. Есенина. – Вып. 2 (33). – Рязань, 2015. – С. 104-115.

4. Голодов А.Г. Стратегия информационной войны и её вербальные приёмы // Вестник Рязанского университета им. С.А. Есенина. – Вып. 2 (33). – Рязань, 2015. – С. 127-134.
5. Шрёдер о трудоустройстве в «Роснефти»: это мне решать, а не немецким СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://russian.rt.com>
6. Golodov A.G. Einige Besonderheiten der politischen Sprache im Informationskrieg // // Иностранные языки в высшей школе. – Вып. 1(32). – Рязань, 2015. – С. 20-24.
7. Krone-Schmalz G. Russland verstehen. Der Kampf um die Ukraine und die Arroganz des Westens. Verlag C.H. Beck, München 2015. – 176 S.
8. Lüders M. Wer den Wind sät. Was westliche Politik im Orient anrichtet. Verlag C.H. Beck. München 2016. – 175 S.
9. Scholl-Latour, Peter. Der Fluch der bösen Tat. Propyleän Verlag. 7. Auflage 2014. – 351 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Bild-Zeitung (Hamburg, Deutschland).
2. BamS – Bild am Sonntag (Hamburg, Deutschland).

АННОТАЦИЯ

Голодов А. Г. Метод косвенной диффамации в информационной войне (на материале немецкой массовой прессы)

В статье анализируется изменение стратегии ведения информационной войны немецкими массовыми СМИ. Тема «Шрёдер – понимающий (пониматель) Путина» стала одной из основных во «фланговой» атаке немецких СМИ на Россию. При этом имя самого Путина используется в качестве «маркера негативности». Для косвенной диффамации президента России используется имя экс-президента ФРГ Г. Шрёдера, который, в свою очередь, дискредитируется также и с помощью соответствующей негативной лексики.

Ключевые слова: информационная война, немецкая массовая пресса, метод косвенной диффамации, дискредитирующая лексика.

SUMMARY

Golodov A. G. Method of indirect diffamation used in information war (on the material of German mass media)

The article analyzes changes in the strategy of holding information war by German mass media. Its topic „Schreder is the supporter of Putin“ being the chief one in the German mass media „flank“ attack against Russia. The very name of Putin is used as a negative mark. They turn to the name of ex-president G. Schreder for negative defamation of the Russian president being in his turn discredited by the corresponding negative vocabulary.

Key words: information war, German mass media, method of indirect defamation, discrediting vocabulary.

*Л. В. Соснина
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 811.161.1 + 81'373.6

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА

Понятие словообразовательного гнезда является одним из ключевых в словообразовательной системе русского языка. **Актуальность** нашего исследования определяется существованием множества научных концепций, которые позволяют классифицировать словообразовательные гнезда с учетом их структурных особенностей. Мы ставим перед собой **цель** рассмотреть разные языковые подходы к изучению вхождения соматизмов в крупные структурные образования. Разработка системного анализа словообразовательных актов, характерная для современной теории словообразования, выдвинула проблему иерархической организации деривационных отношений. В этом плане особое значение приобретает анализ словообразовательных гнезд (далее СГ – Л.С.), которым в указанном процессе отводится важная роль.

В. М. Никитевич полагает, что «индивидуальность словообразовательного гнезда обусловлена многими и известными причинами: общей и конкретной семантикой исходного слова (лексической морфемы), морфонологическими свойствами его финали, исторически неодинаковыми вспышками и затуханиями продуктивности разных моделей, по-видимому, и общей тенденцией к аналитизму, а также внелингвистическими факторами» [8, с. 14].

В. Г. Фатхутдинова, вслед за В. М. Никитевичем, указывает на то, что «ни одно словообразовательное гнездо в русском языке не повторяет другого ни в семантическом, ни в структурном отношении», поскольку «каждое производное слово, входящее в словообразовательное гнездо, обладает уникальным лексическим значением», из чего следует, что «все комплексные единицы ... также уникальны и неповторимы» [10, с. 24].

С точки зрения когнитивной науки словообразование трактуется как система, образуемая «совокупностью производных лексических единиц» и состоящая из «ряда подсистем, которые выражены комплексными единицами, реализующими парадигматические отношения» [1, с. 10]. Выбор словообразовательного гнезда в качестве некой организующей единицы обусловлен двумя причинами, во-первых, данная комплексная единица соответствует естественным классификациям и дает возможность проследить переходы от исходного слова к производному; во-вторых, СГ дает возможность «обнаружить главные типы языковых отношений в сжатом виде» [там же, с. 11].

В последнее десятилетие внимание ученых-когнитологов обращено к словообразовательным гнездам, которые признаются «комплексными единицами, способными отражать действительность через взаимодействующие мотивировочные признаки, и таким образом, выявлять когнитивную природу и механизмы словообразования» [4, с. 6], интенсивность исследований и разнообразие подходов к решению данной проблемы М. Ю. Казак оценивает как «гнездовой бум» [6, с. 3]. Современная теория концептуализации в рамках когнитивного направления трактует лексико-словообразовательное гнездо как «высшую форму организации однокоренной производной лексики, как целостный организм, в котором все компоненты взаимосвязаны» [5, с. 41], при этом СГ обладает «ярким прогнозирующим свойством, позволяющим выявить его деривационный потенциал» [3, с. 171]. Говоря об организующей и системообразующей роли словообразовательного гнезда, Л. А. Абросимова рассматривает его как «иерархическое объединение производной лексики, которое наделено внутрисловными межсловными структурными и семантическими отношениями и дает их наиболее полную картину» [1, с. 10]. По мнению М. Ю. Казака, СГ – одна из самых сложных и многогранных комплексных единиц словообразовательной подсистемы; двусторонняя единица словообразования, имеющая формальную и смысловую структуру; одна из высших форм организации и обобщения производной лексики; классификационная единица,

наиболее приближающаяся к естественным классификациям; микросистема, концентрированно отражающая все основные виды языковых отношений [6, с. 14].

Л. С. Абросимова считает такой тип организации производной лексики «эвристичным» при работе с соматизмами и их производными, поскольку «специфика соматической лексики заключается в ее универсальности, константности, она вербализует понятный обыденному сознанию человеческий опыт» [1, с. 11], а также учитывает экспериенциалистскую природу ментальной деятельности человека. Экспериенциальный подход в исследовании соматизмов и отсоматических производных позволяет отметить зависимость между частью тела и ее языковым именованием как отражение культурного опыта в картине мира, которая формируется практическими потребностями человека и представляет собой основу для его дальнейшей познавательной деятельности. Ученый отмечает, что «аксиологическая маркированность соматизмов дает возможность предположить, что части тела – наиболее важные для человека в сенсорном познании мира и предметно-практической деятельности – являются источником большего количества производных единиц» [там же, с. 12].

Поскольку значительную часть нашего исследования составляют именно соматизмы и их производные, считаем необходимым обратиться к рассмотрению разных языковых подходов. Нам представляются интересными работы И. В. Евсеевой, посвященные рассмотрению фреймовой организации дериватов, образованных от соматизмов, данное исследование считаем весьма перспективным и для анализа сложных адъективов. Соматическая лексика отражает «знание носителей языка о себе, о частях своего тела и о других телесных объектах, а также об окружающем мире» [5, с. 35]. Так, концепт *сердце* имеет несколько лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ), продуцирующих разное количество дериватов. Заложенные в базовом слове потенции формируют специфичные ситуации – слоты, сформированные пропозициональными схемами (ПС) и пропозициями (П). Полагаем, что интересующие нас прилагательные – композиты (преимущественно квазикомпозиты) имеют такое местоположение: слот «качество»: ПС – «признак – предикат – качество», П «признак, характеризующий качество человека» – *жестокосердый, твердосердый, сухосердный, чистосердый, чистосердечный, добросердечный, мягкосердечный, мягкосердый, простосердечный*. И *жестокосердый* нарком Николай Иванович Ежов по пути туда запел «Интернационал»

(Александр Терехов. Каменный мост (1997-2008); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); – *Не везет мужику, – сокрушался добросердечный соотечественник, попивающий чай в каком-нибудь Дальнереченске* (Борис Грищенко. Посторонний в Кремле (2004); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); «*При помощи моей машины можно отрубить голову в мгновение ока, без малейших страданий осужденного*», – уверял **мягкосердечный** доктор Гильотен депутатов (<http://sokrytoe.net/29437-myagkoserdechnyy-doktor-giloten.html>); *Так промолвит простосердечный человек, отчего-то всегда позабывая о себе; что мне несчастья иных, коли мучаюсь я сам, – так скажет самолюбивый человек* (Владимир Личутин. Любостай (1987); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); слот «функционирование»: ПС «признак – предикат – объект», П «признак, связанный с воздействием на признак эмоций» – **сердцеципательный, сердцекрепительный**; слот «форма»: ПС – «признак – предикат – объект», П «признак, названный по символической форме объекта» – **сердцевидный, сердцеобразный, сердцецистный, обратносердцевидный**.

И. В. Евсеева также отмечает, что самое большое множество по числу дериватов в ЛСГ «рука» образуют слова, характеризующие человека в связи с его руками: **большерукий, голорукий, двурукий, длиннорукий, долгорукий, короткорукий, косорукий, многорукий, однорукий, сухорукий, тонкорукий**, а также прилагательные, характеризующие человека по его действию руками: **голорукий** (с пустыми руками), **короткорукий, криворукий, косорукий** (все в значении неуклюжий, неловкий) [2, с. 166]: *Отсюда вывод: акселерант будет довольно коротконогим и короткоруким* (<http://www.ug.ru/old/01.17/t19.htm>); *Конечно, он узнает про себя много нового, какой он косорукий и безголовый, точно определится место, откуда у него растут руки* (Галина Щербакова. У ног лежащих женщин (1995); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

И. В. Евсеева делает вполне справедливое замечание о том, что «семанτικο-словообразовательные связи, последовательно проявляющие себя в структуре гнезда, соединяют постепенно все дефиниции производных слов, образованных от одной мотивирующей единицы» [3, с. 170]. По мнению исследователя, фреймовое описание разных ЛСГ с вершинами, называющими части человеческого тела, позволяет выявить «как точки пересечения этих гнезд, так и их специфику на уровне разных когнитивных структур» [5, с. 40]. А. Р. Попова, указывая на высокий словообразовательный потенциал лексемы **рука**, полагает, что данная единица в современном русском языке «находится в

активной фазе своего жизненного цикла» [9, с. 129]. Являясь вершиной словообразовательного гнезда и будучи полисемантом, рука имеет несколько значений. Первое, основное, соматическое значение слова «рука» – верхняя конечность человека, породило, по мнению ученого, 578 единиц лексического уровня, что составляет 52,5% – более половины всего словообразовательного гнезда. Самые распространенные ассоциации человека с понятием «рука» – трудовая деятельность и власть (символ власти, владычества), они обладают значительной словообразовательной активностью и участвуют в создании 56 деривационных единиц. Согласимся с А. Р. Поповой, что «самым существенным фактором, объясняющим наличие значительных словообразовательных возможностей у ЛСВ рука, оказывается его общеизвестность, актуальность, принадлежность литературному языку», вот почему «совокупность единиц, составляющих СГ с вершиной-полисемантом рука, в лексико-семантической системе занимает значительное место и играет заметную роль» [там же, с. 131]. Ученый приходит к выводу о том, что «в словообразовательном гнезде с вершиной рука активно реализуются парадигматические отношения: синонимические, антонимические, гиперогипонимические, но для однокоренных лексем такие отношения возможны лишь в пределах одного частного СГ (достаточно богатого и разветвленного), восходящего к определенному ЛСВ полисеманта рука» [там же, с. 132].

Напомним, что мы придерживаемся иного подхода в описании имен прилагательных с учетом основных положений теории композитостроения. Так, для прилагательного **длиннорукий** существует базовая структурная модель **предл + Прил5мн + Суш5мн (с длинными руками)**, которая универбилизуется по схеме **оснПрил5мн + инт + оснСуш5мн + парПрил**, композит существует в пределах ономаσιологического класса **физический признак человека, руки** относим к ономаσιологическому базису **орган**, а **длинные** реализует ономаσιологический признак **размер**: *Высокий, нескладный, с длинными руками и ногами, он чем-то напоминал марионетку, которая ожила* (http://samlib.ru/w/werbena/a_mar1.shtml); *Саша Иниаков – такой молчаливый, длиннорукий, с длинными волосами – покорила абсолютно всех своей сдержанностью, невероятным умением все делать тихо, спокойно и очень надежно* (Алла Сурикова. Любовь со второго взгляда (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

В. А. Карпов предпринимает попытку структурного описания соматизмов и трактует композиты как «сложные слова, где семантика ясна по причине наличия двух корней в слове,

представлявшем некогда словосочетание» [7, с. 3]. При назывании частей тела человека эти части могут иметь свои признаки, они передаются сочетанием согласуемых прилагательного и существительного – *длинные руки, светлые волосы, синие глаза*, ученый описывает их как триады: *рука – длинные руки – длиннорукий, волосы – светлые волосы – светловолосый, глаза – синие глаза – синеглазый, ноги – короткие ноги – коротконогий, уши – отвислые уши – вислоухий*. По его мнению, «все названия частей имеют сложные определения, первый корень называет признак части тела или части части, названной вторым элементом слова» [там же, с. 5]. В семантическом отношении первые компоненты представляют достаточно компактные группы: 1) названия цвета (*краснощекий*); 2) названия числа (*однорукий*); 3) название формы или вида (*кривошей*); 4) названия размера (*толстомордый*); 5) другие признаки (*жестокосердый*). Ученый представил важнейшие детали человеческого тела в виде сводной таблицы, используя метод квантитативного анализа. Существенным недостатком данной классификации считаем отсутствие прилагательных типа *сухопарый, долгоязыый, сухощавый, черномазый*, так как «их семантика далеко не столь прозрачна», а «их частотность не столь высока» [там же, с. 4]. Мы же такие прилагательные уверенно относим к квазикомпозитам.

Словообразовательное гнездо трактуется современными лингвистами как упорядоченное отношениями производности структурно-семантическое целое, в котором смысловые отношения между словами представлены на фоне их структурных связей, а семантический и деривационный аспекты тесно связаны. Каждое словообразовательное гнездо является уникальным благодаря уникальности лексического значения каждого производного слова, входящего в его состав. Существует несколько научных подходов к вхождению соматизмов в СГ, с точки зрения когнитивной лингвистики ведущим считается метод фреймовой организации. Опираясь на ономаσιологический аспект, мы предлагаем считать наиболее обоснованной теорию о соотносительности прилагательных-композитов (в т.ч. соматизмов) со словообразовательным гнездом по главному слову производящего словосочетания. Это позволяет проследить мотивационные отношения между базовым сочетанием и образованным на его базе композитом. Перспективы нашего исследования видятся нам в применении метода фреймовой организации к изучению деривационных отношений прилагательных-композитов, в состав которых включены различные полисеманты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абросимова Л. С. Теоретико-методологические установки когнитивного подхода к изучению словообразования / Л. С. Абросимова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2014. – Вып. 2. – С. 7 – 14.
2. Евсеева И. В. Концептуализация опыта человека посредством деривационных единиц / И. В. Евсеева // Вестник Кемеровского госуд. университета. – 2011. – Вып. № 4. – С. 161 – 167.
3. Евсеева И. В. Фреймовая организация комплексных единиц словообразовательной системы / И. В. Евсеева // Вестник Иркутского госуд. лингвистического университета. – 2011. – Вып. № 16. – Т. 4. – С. 163 – 170.
4. Евсеева И. В. Комплексные единицы русского словообразования: Когнитивный подход / И. В. Евсеева. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 312 с.
5. Евсеева И. В. Лексико-словообразовательное гнездо с вершиной именем соматического объекта: фреймовое устройство / И. В. Евсеева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – Вып. № 1 (22). – С. 33 – 41.
6. Казак М. Ю. Интегративная теория словообразовательного гнезда: грамматическое моделирование, квантитативные аспекты; потенциал; прогнозирование / М. Ю. Казак // Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Белгород, 2004. – 39 с.
7. Карпов В. А. Сложные слова и характеристика человека / В. А. Карпов // Традиционные и новаторские технологии в обучении русскому языку как иностранному: Тез. докл. Международной науч.-практ. конференции, Минск, 24-26 мая 2001 г. – Мин.: БГУ, 2001. – С. 3 – 6.
8. Никитевич В. М. О глубинной структуре деривационного ряда / В. М. Никитевич // Актуальные проблемы русского словообразования: матер. науч. конф. – Ташкент, 1976. – С. 12 – 16.
9. Попова А. Р. Реализация словообразовательного и фразеобразовательного потенциала лексической единицы русского языка / А. Р. Попова // Ученые записки Орловского госуд. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – Вып. № 3. – Орел, 2006. – С. 128 – 133.
10. Фатхутдинова В. Г. Комплексные единицы словообразования в русском и татарском языках / В. Г. Фатхутдинова // Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. – 250 с.

АННОТАЦИЯ

Соснина Л. В. Особенности когнитивного подхода к изучению словообразовательного гнезда

В данной статье рассматриваются особенности вхождения соматизмов в словообразовательное гнездо. Они анализируются с позиций лингвокогнитивного подхода с применением концептуальной методики изучения номинативных единиц. С точки зрения когнитивной лингвистики ведущим является метод фреймовой организации. Ономаσιологическая теория предлагает соотносить прилагательные-компози́ты со словообразовательным гнездом по главному слову производящего словосочетания.

Ключевые слова: соматизмы, словообразовательное гнездо, ономаσιология, когнитивный подход, фрейм, деривация.

SUMMARY

Sosnina L. V. Features of cognitive approach to the word-forming family studying

This article discusses the features of the somatisms occurrence in the word-forming family. They are analyzed with linguistic-cognitive approach to nominative items studying. Cognitive linguistics considers the frame organization to be the leading method. Onomasiological theory suggests that adjectives composites attachment to a particular word-forming family is determined by the main word of producing word-combination.

Key words: somatism, word-forming family, onomasiology, cognitive approach, frame, derivation.

*С. П. Волосевич
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81' 3737

**СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ЗАМЕНЫ КОМПОНЕНТОВ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ
НЕОСЛОЖНЕННЫХ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ**

Фразеологическая номинация обычно понимается как обозначение фразеологизмом явлений объективного мира. «Номинация есть процесс и результат наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначенными ими объектами» [1, с. 237]. Объект – это предмет, процесс, признак, ситуация и т.п. Фразеологическая номинация носит как узуальный, так и окказиональный характер.

В процессе своего преобразования в речи фразеологические единицы (далее ФЕ) подвергаются семантическому осложнению разной степени. Целью данной статьи является исследование преобразованных фразеологических единиц (далее ПФЕ), подвергшихся незначительным семантическим изменениям в результате замены компонентов.

Все ПФЕ, которые мы относим к неосложненным номинациям, подразделяются нами на два типа. К типу I относятся те ПФЕ, которые в номинативном аспекте идентичны исходным ФЕ. Денотативно-сигнификативный макрокомпонент семантики таких ПФЕ тождественен денотативно-сигнификативному компоненту значения исходной ФЕ. Коннотативный макрокомпонент также практически не отличается от коннотативного аспекта прототипа. ПФЕ типа I имеют то же образное представление, что и их исходные формы.

К типу I относятся ПФЕ, образованные от глагольных, наречных, субстантивных и адъективных ФЕ при замене компонентов ФЕ синонимичными или относящимися к одной тематической группе словами-знаменателями.

Рассмотрим некоторые примеры образования ПФЕ типа I от глагольных ФЕ *come off one's high horse* – *cease to be arrogant*; *separate the grain from the chaff* – *distinguish the genuine or good from the false or worthless*:

*I decided that I **would descend from my high horse**, and once more seek out Poirot at Leastways Cottage ... (A. Christie, The Mysterious Affair at Styles, p. 144).*

*They talk a lot of tosh, you know, mother; you'll have to **sift the grain from the chaff** (R. Macaulay, Dangerous Ages p. 108).*

Как видно из примеров, исходные ФЕ, у которых грамматически ведущие глагольные компоненты заменяются стилистически близким словом, **равноценны** в отношении именования. Все те различия, которые существуют между заменяемыми компонентами и словами-заменителями в системе языка, нейтрализуются в семантике ПФЕ. Так, слово-заменитель *sift*, замещающее компонент *separate*, имеет более конкретное значение *separate by putting through a sieve*. Формируя семантику ПФЕ, различающиеся элементы значения погашаются, так как оказываются нерелевантными относительно образных основ исходных ФЕ.

Замена других компонентов в глагольных ФЕ представляет аналогичный процесс. Замещаться могут именные, **адъективные** компоненты, причем такие замены не изменяют образной основы ПФЕ, например:

The men you like are the ones you can twist around your thumb (Kenk).

I'll handle him with silk gloves. If it will ease your mind any I'll drag my son along. He generally attends to our social obligations. (Kenk).

Замена компонентов little finger на слово thumb в ФЕ twist a person round one's little finger – have him entirely subservient to one's will и компонента kid на слово silk в E handle a person with kid gloves – deal gently обеспечивает тождественность образного представления. При расшифровке обновленного образа невозможно извлечь какую-либо дополнительную информацию, указывающую на то, что сформировался окказиональный смысл, отличный от значения исходной ФЕ. ПФЕ в данных примерах не отражают в своей семантике каких-либо дополнительных признаков в объектах наименования.

Проанализируем пример преобразования ФЕ cut blocks with a razor – try to apply one's abilities or means in a futile and incongruous way. Исходная ФЕ имеет прозрачную внутреннюю форму, поэтому существует возможность приписать внутрифразовые значения сочетаниям компонентов ФЕ, но характер замен таков, что в этом отсутствует необходимость:

Constance was relieved to find that Mr. Povey had no thought whatever of putting Cyril in the shop. No, Mr. Povey did not desire to chop wood with a razor! Their son must and would ascend (A Bennett, The Old Wives' Tale, p. 238).

В этом примере замене подвергается не один, а два компонента. Глагольный компонент cut замещается тематически близким словом chop, а именной компонент blocks также вытесняется словом одной тематической группы wood. Эту замену можно интерпретировать и иначе: сочетание компонентов заменено свободным словосочетанием, но суть от этого не меняется. Образ, лежащий в основе преобразованной ФЕ, так же нереален и гиперболичен, как и образ исходной ФЕ. По существу, это один и тот же, хотя и несколько обновленный, образ, что служит показателем тождества замещающего и замещаемого. Тождественная образная основа указывает на то, что при расшифровке модифицированного образа не выделяются какие-либо дополнительные признаки, лежащие в основе окказиональной номинации. Следовательно, все те различия, которые существуют между заменяемыми компонентами и словами-заменителями в системе языка в семантике преобразованной ФЕ нейтрализуются. Так, например, слово-заменитель chop более конкретно в семантическом плане, чем глагол cut, так же имеет дополнительный семантический признак cut with a blow. Ввиду тождественности образной основы этот признак в семантике преобразованной ФЕ погашается, оказывается несущественным. Подобным образом

нейтрализуются различия между компонентами blocks и словом-заменителем wood.

Рассмотрим пример преобразования частично предикативной, частично переосмысленной ФЕ know which side one's bread is buttered, имеющей значение know where one may have advantages, where one's interest lies:

We don't have censorship of the press in the country. We've something much more effective – topside proprietors and plenty of managing editors and feature editors who know how their bread's buttered (Kenk).

В номинативном отношении ФЕ является смешанной номинацией с непереосмысленным компонентом know. Замене подвергаются компоненты переосмысленной части ФЕ which side. Эта замена интересна тем, что одним словом-заменителем замещаются два компонента. Кроме того, подобное преобразование показывает, что связь между заменяемыми компонентами и словами-заменителями не обязательно должна быть морфологической, характеризующейся принадлежностью к одной части речи. В результате преобразования прототипа в речи проявилась ПФЕ, имеющая тождественную образную основу. Ни в денотативно-сигнификативном, ни в коннотативном макрокомпонентах семантики ПФЕ не появляются окказиональные семы, то есть номинативные потенции ПФЕ совпадают с номинативными потенциями прототипа. В данном случае оказывается совершенно безразличным тот факт, что, несмотря на ясность образной мотивировки исходной ФЕ, при расшифровке внутреннего образа не удастся приписать внутрифразовые значения переосмысленным компонентам ФЕ.

Выше были рассмотрены примеры, о которых было сказано, что слова-заменители при подобных заменах обеспечивают стабильность, тождественность образного представления. Тождественная образная основа не позволяет получить какую-либо дополнительную информацию об объекте именованного, так как слово-заменитель при формировании подобного образа теряет те семы значения, которые отличают его от значения заменяемого компонента как единицы языковой системы.

Однако замены, приводящие к формированию неосложненных окказиональных номинаций, происходят и в ФЕ, лишенных на современном этапе развития языка какой-либо мотивированности и, следовательно, являющихся необразными. Рассмотрим пример преобразования фразеологического сращения come/get down to brass tacks – discuss basic facts or really important matters.

Несмотря на то, что внутрифразовое значение не приписывается каждому компоненту, значение этой ФЕ легко

разлагается на части, так как в языке существует ФЕ-дериват brass tacks, которая фиксируется в словарях и имеет значение actual details, real business:

I know the whole gamut from personal experience, short of actual hunger and homelessness. So now let us come down to tin tacks (G. B. Shaw, The Intelligent Woman's Guide to Socialism, p. 237).

Внутрифразовые значения real и business не распределяются между компонентами brass и tacks, но сообщены всему сочетанию компонентов. Приписывание компоненту brass внесистемного значения actual, real носило бы искусственный характер, так как у фразеологизмов с утраченной внутренней формой внутрикомпонентные отношения на семантическом уровне не поддаются строгой оценке и выявить их невозможно [2, с. 80].

Как видно из примера, замена компонента – преобразование возможное и для сращения. Как и в предыдущих примерах, такое преобразование не носит семантический характер и направлено на внешнюю оболочку ФЕ. Языковой механизм преобразования сращения не отличается от рассмотренных замен во фразеологических единствах, так как основой его также служит нейтрализация сем, которые отличают значение слова tin от значения компонента brass в его свободном употреблении. Ввиду того, что внутренняя форма прототипа затемнена, замена компонента не может опираться на образ, который лег в основу наименования. Очевидно, что должны быть задействованы логические факторы. Замена компонента brass словом tin стала возможной благодаря тому, что гвоздь, изготовленный из олова, а не из меди, не воспринимается как нечто противоречивое и алогичное.

Слово-заменитель tin замещает компонент brass, опирается на прямое номинативное значение слова tacks, существующее в системе языка.

Остановимся на двух примерах окказионального преобразования ФЕ make a mountain out of a molehill – imagine a trifling difficulty to be insuperable obstacle; make a trivial matter seem important. Данная ФЕ относится к разряду единств с прозрачной внутренней формой. Фразеологический образ легко поддается расшифровке, причем таким образом, что удастся приписать внутрифразовые значения компонентам ФЕ. Так, компоненту mountain приписывается внутрифразовое значение smth. important, insuperable, obstacle, а компоненту molehill соответствует внутрифразовое значение a trivial matter, a trifling difficulty:

I may be making the mountain out of the anthill. In any case there is nothing, to be done but wait (Kenk).

“Men are such idiots”, Mimi said. She put an arm around me. “They either make mountains out of nothing or utterly neglect things that may – But come in. Here, let me help you” (D. Hammett, Selected Detective Prose, p. 236).

Процесс формирования окказиональных смыслов ПФЕ в этих примерах разный, несмотря на то, что именуют обе ПФЕ объект именования, в конечном итоге, равноценным образом. В их семантических структурах это проявляется в отсутствии окказиональных сем, как деннотативных, так и коннотативных. В первом примере слово – заменитель anthill, обладающее значением *small mound of earth over an ants’ nest*, имеет общий семантический признак с заменяемым компонентом molehill – *small mound thrown up by mole in burrowing*. Общий признак *small mound* актуализировался в слове molehill в процессе первичной фразеологизации, и он же актуализируется в процессе окказионального преобразования в слове anthill. Кроме того, слово-заменитель и заменяющий компонент имеют общий элемент плана выражения – *hill*. В результате замены компонента образ ПФЕ несколько освежается, но носит такой же гиперболический характер, как и в исходной ФЕ, и обеспечивает стабильность образного представления. Слово-заменитель anthill получает то же внутрифразовое значение, что и заменяемый компонент. Те различия, которые существуют в системе языка между словами molehill и anthill, в составе ПФЕ нейтрализуются. Несущественным оказываются такие семы значения слова-заменителя, как *“over an ants’ nest”*. Прозрачная внутренняя форма оказывается устойчивой и сознании индивида и подобное изменение ее словесного выражения приводит к оживлению образа, но не его разрушению.

Второй пример характеризуется тем, что слово-заменитель получает внесистемное, внутрифразовое значение, которое в составе ПФЕ совпадает с одним из системных, языковых значений данного слова: *nothing-something of no importance, trifle*. Происходит частичная дефразеологизация ПФЕ, частичная замена образного выражения на необразное, так как слово-заменитель входит в семантическую структуру ПФЕ на основе одного из своих прямых значений.

Обе ПФЕ относятся к неосложненным окказиональным номинациям, особенностью которых является аналогичное именование объекта по сравнению с узуальными номинациями, то есть в основе неосложненных номинаций лежат те же признаки, что и в узуальных номинациях. Но если в первом примере механизм преобразования исходной ФЕ является типичным для формирования неосложненных номинаций, то

второй пример – скорее исключение. Это обусловлено тем, что прямое значение слова-заменителя совпадает с внутрифразовым значением заменяемого компонента. Обычно же такой механизм формирования окказиональных номинаций свойственен осложненным номинациям. В большинстве случаев прямое номинативное значение слова-заменителя и «поставляет» тот окказиональный семантический признак, который ложится в основу окказиональной осложненной номинации и различает ПФЕ и исходную ФЕ.

ПФЕ с обновленным лексическим составом, но тождественные в номинативном отношении исходным ФЕ, образуются не только от глагольных фразеологизмов, но и от ФЕ других классов. Так, например, от качественной адвербиальной ФЕ меры, степени *to one's/the fingertips/finger-ends – completely and characteristically* образуется ПФЕ *to the fingernails*:

Though disciplined to the finger-nails as a craftsman, he reached and displayed the depth of human feelings (J. Galsworthy, Castles in Spain, Six Novelists in Profile, p. 183).

ПФЕ именуется полноту, степень действия таким же образом, что и исходная ФЕ.

Неосложненные окказиональные номинации часто являются результатом преобразования в речи компаративных адъективных ФЕ. Компаративные адъективные ФЕ относятся к разряду смешанных номинаций. Непереосмысленный компонент несет в основную семантическую нагрузку, а функция переосмысленного компонента заключается в усилении значения непереосмысленного компонента.

Неосложненные номинации типа I являются результатом замены как переосмысленного, так и непереосмысленного компонентов синонимичным или тематически близким словом-заменителем. Рассмотрим примеры преобразования ФЕ (as) *drunk as a lord – very drunk* и (as) *cool as a cucumber – not disconcerted or upset*:

“For God’s sake, look after Prendy”, said Grimes in Paul’s ear. “The man’s as tight as a lord and on one whisky, too” (E. Waugh, Prose, Memoirs, Essays, p. 85).

“Yes, you must take everything”, said Magdalen. “I’ll pay for the taxi if you like”. Now she was as cool as a lettuce (I. Murdoch, Under the Net, p. 12).

В первом примере непереосмысленный компонент *drunk* заменяется стилистическим синонимом *tight*, имеющим в словарях пометку «разг.» или «слэнг». Между тем, общего снижения стилистической тональности ПФЕ не происходит, несмотря на то, что заменяемый компонент относится к нейтральной лексике, поскольку исходная ФЕ в целом имеет разговорную окраску. Этот

же пример можно интерпретировать как контаминацию двух ФЕ ввиду того, что в системе языка существует ФЕ (as) *tight as a tick* с тем же значением.

Во втором примере переосмысленный компонент *cucumber* замещается словом-заменителем одной тематической группы – *lettuce*. В номинативном отношении ПФЕ равноценны исходным ФЕ.

Все рассмотренные окказиональные неосложненные номинации образованы от ФЕ со структурой словосочетания и являются элементарными номинациями. Неосложненные номинации могут образовываться от ФЕ со структурой предложения, как, например, при образовании ФЕ *everything in the garden is lovely/rosy – all is well* и ФЕ *you can't teach an old dog new tricks – you can't success fully get old people who are set in their ideas, methods of work, etc.*

In order to prove that everything in the garden is blooming a recent report estimated that by the year 2000 the United States would have one million millionaires (Kenk).

"How about bringing your own father round to a Marxist way of thinking", I asked. Ajit laughed – nervously. "You can't teach an old monkey new tricks. Moreover, I want to keep peace at home" (Kenk).

Механизм формирования ситуативных неосложненных номинация не отличается от механизма формирования элементарных номинаций. Компоненты фразеологизмов замещаются словами одной тематической группы.

Анализ ПФЕ в номинативном аспекте призван раскрыть специфику семантики ПФЕ – окказиональных номинативных образований, характеризующихся совместной с исходной ФЕ направленностью на объект именования и имеющих семантическую структуру, в разной степени отличную от семантики исходной ФЕ. Типу I неосложненной номинации свойственно полное совпадение семантических структур ФЕ и ПФЕ. ПФЕ типа I выполняют те же номинативные задания, что и исходные ФЕ. Так как в результате анализа не выявляется специфика номинативного задания, можно увидеть, что механизм окказиональной фразеологической номинации I типа приводится в движении факторами, находящимися вне сферы номинации. Не наполняясь новым содержанием, ПФЕ оказываются не более информативными, чем исходные ФЕ. Отсюда следует, что ПФЕ типа I не выполняют какого-либо особого номинативно-коммуникативного задания. Вместе с тем, их значительное количество и способность образовываться от ФЕ практически всех классов требуют объяснения появления неосложненных номинаций типа I в речи.

Некоторые лингвисты, опираясь на работы Э. Патриджа [10; 11] который рассматривает многие идиомы как клише, засоряющие речь, считают, что важнейшей причиной широкого распространения преобразования ФЕ является стремление обновить, оживить заложенный образ и избежать избитого, банального клише и, следовательно, преобразование идиом в речи представляет собой закономерное явление.

Считается, что в современной в художественной литературе, а также в речи образованных людей нормативным является употребление собственно идиом в преобразованном виде. Высказывается мнение, что для литературы прошлого характерно употребление идиом в узуальной форме, чего нельзя сказать о современной литературе.

Как представляется, рассмотрение использования ФЕ в речи в преобразованном виде в качестве их функционального свойства предстает явной абсолютизацией. У фразеологизмов, в том числе и у собственно идиом, есть не менее выраженное функциональное свойство быть использованными в речи в преобразованном виде. Вместе с тем, нельзя не согласиться с тем, что имеется четко выраженная тенденция к обновлению исходных форм ФЕ в современной художественной литературе. Именно стремлением избежать штампа мы объясняем появление окказиональных неосложненных номинаций типа I.

К типу II окказиональной неосложненной вторичной номинации относятся ПФЕ, которые, имея денотативно-сигнификативный макрокомпонент значения, аналогичный денотативно-сигнификативному макрокомпоненту исходной ФЕ, различаются в коннотативном макрокомпоненте. ПФЕ, относящиеся к типу II, не выделяют индивидуализирующие признаки структуры объекта именования, то есть не происходит дальнейшее рациональное познание объекта, но отражают интерпретацию объекта именования номинатором. В семантике ПФЕ появляются окказиональные коннотативные семы. Поскольку преобразования этого типа имеют коммуникативно-прагматическую, а не номинативно-коммуникативную направленность, они представляют интерес для отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак // Языковая номинация: Общие вопросы / Отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. - М.: Наука, 1977. – С. 230 – 239.
2. Жуков В. П. Русская фразеология: Учеб. пособие для филол. спец. вузов / В. П. Жук. – М.: Высш. школа, 1986. – 310 с.

3. Bennett A. The Old Wives' Tale / A. Bennett. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1962. – 672 p.
4. Christie A. The Mysterious Affair at Styles / A. Christie. – New York: Bantam Books, 1961. – 154 p.
5. Galsworthy J. Castles in Spain and Other Screeds / J. Galsworthy. – Leipsig: Tauschnits Edition, 1996. – 224 p.
6. Hammett D. Selected Detective Prose / D. Hammett. – Moscow: Raduga Publishers, 1985. – 485 p.
7. Ichikawa S., Mine T., Inui R., Kihara K., Takaha S. The Kenkyusha Dictionary of Current English Idioms / S. Ichikawa. – Tokyo: Kenkyusha, 1969. – 849 p. (Kenk.)
8. Macaulay R. Dangerous Ages / R. Macaulay. – New York: Boni and Liveright Publishers, 1921. – 242 p.
9. Murdoch I. Under the Net / I. Murdoch. – London: Chatto and Windus, 1994. – 286 p.
10. Partridge E. A dictionary of clichés: With an introd. essay / By E. Partridge. – 5th ed. – London: Routledge and Keagan Paul, 1980. – 261 p.
11. Partridge E. Eric Partridge in his own words. – London: Deutch, 1980 (a). – 251 p.
12. Shaw G. B. The Intelligent Woman's Guide to Socialism and Capitalism / G. B. Shaw. – London: Constable, 1937. – 494 p.
13. Waugh E. Prose, Memoirs, Essays / E. Waugh. – Moscow: Progress Publishers, 1985. – 571 p.

АННОТАЦИЯ

Волосевич С. П. Стилистический прием замены компонентов фразеологизмов как средство создания неосложненных окказиональных фразеологических номинаций

В статье рассматривается такой тип замен компонентов фразеологизмов, как неосложненные фразеологические номинации. Также исследуется семантико-стилистический результат преобразования. Особое внимание уделено номинативному потенциалу преобразованных в речи фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологическая единица, неосложненные фразеологические номинации, номинативный потенциал.

SUMMARY

Volosevich S. P. Stylistic device of replacement of idiom components as a means of creating uncomplicated nonce phraseological nominations

The article considers such type of component substitution of phraseological units as uncomplicated phraseological nomination.

The semantic-stylistic result of the transformation is also studied. Special attention is paid to the nominative potential of nonce idioms.

Key words: phraseological unit, uncomplicated phraseological nominations, nominative potential.

*Ю. Л. Дмитриева
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.161.1

ОБРАЗ ИВЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА С. ЕСЕНИНА И Н. КЛЮЕВА

Образ неоднократно становился предметом научного интереса филологов, философов, психологов, культурологов. Его рассматривают как неотъемлемый элемент процессов познания и мышления (Аристотель, Ф. Бэкон, Гегель, Т. Гоббс, Р. Декарт, И. Кант, Г. Лейбниц, Платон и др.), как компонент семантической структуры слова (Н.А. Илюхина, М.Я. Розенфельд, Е.А. Юрина и др.), как составную часть концепта (Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачёв, В.И. Карасик, З.Д. Попова, И. А. Стернин и др.), как базовую единицу лингвокультуры, связанную с процессами восприятия и категоризации предметного мира (В.В. Красных и др.), а также как частотную в использовании единицу универсального-предметного кода. Ю. Н. Караулов отмечает, что «образ, облекаясь в слова – эти одежды вербально-ассоциативного уровня, делает воспринимаемой саму структуру когнитивного уровня знаний о мире» [4, с. 178]. А упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся как в общественном, так и в индивидуальном сознании, называют картиной мира. Ее рассматривают как результат познания и одно из средств упорядочения информации [6, с. 51–52].

Целью данной работы является описание средств экспликации образа ивы в художественной картине С. Есенина и Н. Клюева.

Образ определяют как «отражение в сознании реальных предметов, действий и событий, которое отличается наглядностью, синтетичностью и синкретизмом, недискретностью, а значит, отсутствием детализации и известной схематичностью» [4, с. 189]. Согласно И. А. Стернину и З. Д. Поповой, он кодирует знания и несет рациональную информацию, становящуюся основой для расширения представлений о денотате [6, с. 40]. Кроме того, образ признан исследователями неоднородным, в него включают первичные (или перцептивные) и вторичные (или метафорические) когнитивные признаки. Так, первичные

когнитивные признаки формируются при взаимодействии органов чувств человека с отражаемым феноменом онтологического мира. А вторичные – при метафорическом познании реальности [6, с. 108].

Аксиоматичен тезис о фиксации перцептивных признаков в словарных статьях слов-репрезентантов образа в языковом сознании человека. Однако в словарных дефинициях закреплены лишь минимизированные и редуцированные знания о мире [4, с. 174]. Они объективируются при помощи имен прилагательных и имен существительных со значением признака.

В словаре русского языка слово-репрезентант *ива* трактуется как «дерево или кустарник, с гибкими ветвями и узкими листьями» [8]. При обращении к тезаурусному уровню языковой личности, выделяемому Ю. Н. Карауловым, мы способны реконструировать морфологию дерева: корневая система, ствол, ветви и лиственный покров. Этот стереотипный, недискретный, наглядный образу дерева конкретизируется когнитивными признаками «качество ветвей» и «форма листьев», эксплицированных адъективами *гибкий* и *узкий*. Итак, гибкость ветвей и форма листьев являются наиболее яркими признаками для отражаемого объекта онтологического мира, потому способны актуализировать в сознании индивида необходимые знания для опознавания реалии окружающей действительности.

В художественной картине мира носителей русской лингвокультуры С. Есенина и Н. Клюева образ ивы входит в образный ландшафт родного края. Это обусловлено присущими рассматриваемому образу когнитивными признаками. Во-первых, признаком «условия произрастания». Ср.: *Каждый оставил / Дом / С ивами над прудом, / Но не забыл о нем...* [3, с. 147]; *Каждый пришел в свой / Дом / С ивами над прудом* [3, с. 155]; *Хорошо бы, как ветками ива, / Окунуться в розовость вод* [1, с. 147]; *Край ты, край мой родимый, / Вечный пахарь и вой, / Словно Вольга под ивой, / Ты поник головой* [1, с. 100]. В приведенных фрагментах текстов анализируемый образ актуализирован лексемой *ива*. Однако употребление данного вербального знака с предлогами позволяет конкретизировать передаваемое значение и выявить когнитивный признак «условия произрастания». Так, предложно-падежная конструкция *с ивами* квалифицируется как указание «на предмет или лицо, участвующее в чем-либо вместе с кем-, чем-либо» [8]. В анализируемых примерах словоформа *дом* называет объект онтологического мира, совместно с которым ива выполняет определённую функцию. В языковом опыте этноса за словом *дом* закреплено значение «здание, строение, предназначенное для жилья» [8]. Следовательно, ива произрастает рядом с жильем

человека. Однако в поэтических текстах лексема *дом* может функционировать и в другом значении: «Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством» [8]. В рамках значений одного слова совершается семантическое движение, или метафора, от области источника к области цели, т.е. от неодушевленного культурного объекта к одному из значимых понятий для носителей русской лингвокультуры.

Следует отметить, что в приведённых примерах локализация ивы объективируется также предположно-падежной конструкцией *над прудом*, в которой предлог употребляется для «обозначения предмета, места, пространства и т.п., выше которых, поверх которых кто-, что-либо находится, располагается» [8], а словоформа *пруд* номинирует сам предмет онтологического мира: «небольшой искусственный водоем, а также место разлива реки, ручья перед запрудой» [8]. Итак, ивы произрастают у источника воды, что вербализовано в художественной картине мира писателей. Кроме того, в примере *Край ты, край мой родимый, / Вечный пахарь и вой, / Словно Вольга под ивой, / Ты поник головой* [1, с. 100] находим указание на типичность ивы для России. Родной край сравнивается С. Есениным с фольклорным персонажем *Вольгой*, который переживает определённое эмоциональное состояние (синтаксическая конструкция *Ты поник головой*) именно *под ивой*.

Однако ива может произрастать не только у водоемов, но и вдоль дорог. Например: *Вот уж вечер. Роса / Блестит на крапиве. / Я стою у дороги, / Прислонившись к иве* [1, с. 15]. Слово-репрезентант анализируемого образа вводится в текст в составе деепричастного оборота, выражающего сопутствующее основному действию. Это даёт основания заключить, что ива произрастает вдоль дороги, т.е. «места для прохода, проезда» [8]. В другом примере *Мокрый лист с осины / и дорожных ивок / Так и хлещет в спину...* [2, с. 169] имя прилагательное *дорожный* актуализирует значение «относящиеся к дороге, произрастающие вдоль дороги» [8]. Однако в данном тексте эксплицирован и другой когнитивный признак «возраст растения». На него указывает суффикс *-ок-*, выражающий представление о маленьком, т.е. молодом, только формирующемся дереве.

Наконец, в стихе *Снова я вижу знакомый обрыв / С красною глиною и сучьями ив* [4, с. 154] фиксируется признак опадения мелких ветвей и ответвлений у денотата образа, а также указывается на возможность произрастания ивы на краях обрывов для укрепления склонов. Кроме того, при ассимиляции человеком ландшафта данное дерево стали рассаживать и у могил умерших

родственников: *В этой могиле под скромными ивами / Спит он, зарытый землей, / С чистой душой, со святыми порывами, / С верой зари огневой* [4, с. 42].

Однако в художественной картине рассматриваемых авторов репрезентирован не только когнитивный признак «условия произрастания», позволяющий включить образ ивы в образный ландшафт родного края, но и темпоральный когнитивный признак. Так, в примере *Под ивушкой зеленой, / На муравчатом подножьи травном, / Где ветер-братик нас в уста целует, / Где соловушко-свирель поет-жалует...* [5], имя прилагательное *зеленый* указывает на цвет лиственного покрова дерева. При обращении к тезаурусному уровню языковой личности этот адъектив квалифицируется как маркер поры года: только поздней весной и на протяжении лета крона деревьев сохраняет зеленый цвет. Осень также распознается по цвету лиственного покрова растения. В тексте *И мне в окошко постучал / Сентябрь багряной веткой ивы, / Чтоб я готов был и встречал / Его приход неторопливый* [1, с. 191] словоформа *багряный* указывает на цвет кроны дерева. Кроме того, в примере с помощью вербального знака *ветка* эксплицирован признак «морфология дерева». Название одного из осенних месяцев также служит указанием на время года. Однако в художественной картине мира С. Есенина сентябрь приобретает антропоморфные черты и свой приход знаменует сменой окраски лиственного покрова деревьев. В другом тексте *В темной роще на зеленых елях / Золотятся листья вялых ив* [4, с. 150] есть два вербализированных указания на время года – лексемы *вялый* и *золотиться*. Первая соответственно указывает на замедление процессов жизнедеятельности растения, а вторая на окраску лиственного покрова. Кроме того, есть противопоставление по цвету «зелёный – золотой», которое создаёт яркий визуальный образ.

Следовательно, темпоральный когнитивный признак образа ивы позволяет автору художественного текста не только создавать контрастные образы описываемого, но и включить рассматриваемый образ в образный ландшафт «время года».

Отметим, что в художественной картина мира С. Есенина и Н. Клюева образ ивы сопровождается семантическим движением, или соотносением двух планов отображения. Это формирует определенную метафоричность. В. Н. Телия указывает, что «сам термин “метафора” используется в двух значениях – как результат и – реже – как процесс» [9, с. 173]. В когнитивной теории метафоры она понимается как основной познавательный механизм, который через легко постигаемые, как правило, конкретные объекты действительности «открывает мысли доступ

к далеким и ускользающим от нас понятиям» [5, с. 72]. Метафора позволяет отождествить два объекта различных логических порядков. Ср.: *Ты повторяла. «Туман – настоящее, / Холоден, хмур и зловеще глубок, / Сердцу пророчит забвенье целящее / В зелени ив пожелтевший листок* [5]. В примере есть конкретное и абстрактное понятия, которые соотносятся. Лексема *листок* эксплицирует когнитивный признак «морфология дерева», а вербальный знак *зелень* квалифицируется как указание на цвет коры растения. Образ ивы создаётся Н. Клюевым при сравнении основного цвета листьев и только появляющегося, а также на контрасте «большой – маленький» (на что указывает уменьшительный суффикс *-ок-*). Кроме того, слово *пожелтевший* также объективирует темпоральный когнитивный признак рассматриваемого образа и является указанием на осень. Эта пора года ассоциируется со временем, «когда Бог “печатает” землю, и до весны земля, согласно поверьям, “закрыта”, “мертва” или просто “спит”» [7, с. 568]. Таким образом, понятие «забвение» эксплицируется через описание прихода осени. Относящееся к абстрактной сфере понятия объясняется через конкретные, познаваемые предметы и процессы.

В стихотворении «Солдатка» актуализируются народные приметы жизни и смерти: *Мол, подожди меня, сударка, по куль ива зелена, / А как ива облетит, втымеж я буду убит...* [5]. Зеленое дерево олицетворяет жизнь, а его облетевшая листовая крона ассоциируется со смертью. Основанием для подобного отождествления выступают народные представления: если осень – время магического сна земли, то весна – пора ее пробуждения. Такое представление связано с активизацией жизненных циклов растений, возвращением и пробуждением животных, а также богатым обрядовым комплексом.

В тексте *Ивушка зелененька – / Девушка молоденька* [5] дерево отождествляется с человеком: обе словоформы имеют равное морфемное членение «корень – уменьшительно-ласкательный суффикс – флексия». Отметим, что грамматическое значение женского рода, выражаемое окончанием, свойственно обеим лексемам. Адъектив *зелененький* использован в значении «очень юный, не достигший зрелости; неопытный вследствие молодости» [8]. Все вербальные знаки в приведенном примере использованы с характерными для фольклорной речи морфемами, что позволяет сделать вывод о фиксации анализируемого образа в художественной картине мира Н. Клюева в соответствии с антропометрическим каноном. Согласно ему создается «та “наивная картина мира”, которая находит выражение в самой

возможности мыслить явления природы или абстрактные понятия как “опредмеченные” константы, как лица или живые существа обладающие антропоморфными, зооморфными и т. п. качественными, динамическими и ценностными свойствами» [9, с. 174].

Образ ивы обладает набором антропоморфных признаков, что позволяет отождествить дерево с человеком: *Так и хочется руки сомкнуть / Над древесными бедрами ив* [1, с. 125]. Словоформа *бедро* является основанием для отождествления растения и человека на основе элемента морфологии. Семантическое движение от человека как области источника к иве как области цели происходит и при использовании для создания образа наименований элементов одежды: *Только ивы над красным бугром / Обветшалым трясут подолом* [1, с. 42]. Кроме того, по фольклорной традиции в художественной картине мира носителей русской лингвокультуры С. Есенина и Н. Клюева образ ивы наделяется способностью к речи: *Ивы шепчут: «Сегодня с красною / Поменялся кольцом Солнопек»* [5]. Также дерево может обладать и спектром чувств и эмоций, присущих человеку: *Спит он, а ивы над ним наклонились, / Свесив ветви кругом, / Точно в раздумье они погрузились, / Думают думы о нем* [4, с. 42]. Лексемы *раздумье*, *думать*, *думы* объективируют способность дерева к мыслительной деятельности, а словоформа *наклониться* – выступать активным участником описываемого. Итак, в художественной картине мира С. Есенина и Н. Клюева образ ивы приобретает антропоморфные признаки, отождествляясь с человеком (девушкой или женщиной). Данные признаки квалифицируем как метафорические, вторичные. Метафоричность текста обусловлена тем, что «мышление не может в сколь-нибудь значительной степени обходиться без языка, а язык без метафорической деятельности, явной или скрытой» [10, с. 108].

Метафорическое мышление, по Э. Кассиреру, – это краткое обозначение концептуальной формы. Суть метафорического рассмотрения мира, согласно Х. Ортега-и-Гассету, состоит в наличии таких объектов, которые человек не можем назвать с помощью знаковых систем. О них трудно составить четкое, ясное и отдельное представление, поэтому индивид вынужден обратиться к уже исследованному, чтобы, приняв его за «отправную точку, составить себе представление об объектах сложных и трудно уловимых» [5, с. 72]. Метафора – это процесс перемещения, который может быть описан как «семантическое движение; представление о таком движении скрыто в самом

слове «метафора», поскольку движение (phora), включено в значение этого слова, есть именно семантическое движение – тот происходящий в воображении двойной акт распространения и соединения, который обозначает существо метафорического процесса» [10, с. 83].

В тексте *В просинь вод загляделися ивы, / Словно в зеркальце девка-краса* [5] семантическое движение происходит между двумя конкретными предметами онтологического мира: деревом и человеком. Фактически можно поставить знак равенства при описании двух отображений действительности: отражение в воде дерева; отражение в зеркале девушки. Эти два процесса равноценны, однако эксплицируют человеческое качество – потребность в самоубеждении эталонных внешних данных (ярко иллюстрирует и расширяет данный пример монолог Оксаны из произведения Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»).

В приведённых выше примерах антропоморфные признаки образа ивы позволяют осмыслить определённый феномен онтологического мира сквозь призму человеку как познающего действительность и интерпретирующего её. Однако отождествление человека и дерева позволяет также включить образ ивы и в образный ландшафт «человек и его внутренний мир». Например, в тексте *Схожа я с мишстой, заплаканной ивою, / Мне ли крутиться в янтарь-бахрому?* [5] эмоциональное состояние человека описывается через физическое состояние растения (лексема *мишстый*).

Итак, образ рассматривается как единица ментальной сферы, он характеризуется наглядностью и недискретностью. В его состав входят перцептивные (или первичные) когнитивные признаки «морфология дерева», «условия произрастания», «время», «возраст растения», а также метафорические (или вторичные) антропоморфные признаки «способность говорить», «способность переживать эмоции» и др. Кроме того, описанные когнитивные признаки позволяют включить образ ивы в образные ландшафты «родной край», «время года» и «человек и его внутренний мир», присущие художественной картине мира С. Есенина и Н. Клюева. Однако данное описание образа ивы не даёт исчерпывающего представления о его функционировании в художественной картине мира поэтов, что и является перспективой дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики : монография / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.

2. Вежицкая А. Сравнение – градация – метафора / А. Вежицкая // Теория метафоры : Сборник : Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. – М. : Прогресс, 1990. – С. 133–152.
3. Кассирер Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры : Сб. : Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. – М. : Прогресс, 1990. – С. 33–43.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры : Сб. : Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. – М. : Прогресс, 1990. – С. 68–81.
6. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток. – Запад, 2007. – 314 с.
7. Славянские древности : этнолингвистический словарь : [в 5 т.] ; под ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995. – 488 с.
8. Словарь русского языка : в 4-х т. [Электронное научное издание] ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа к словарию : <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
9. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 173–204.
10. Уилрайт Ф. Метафора и реальность / Ф. Уилрайт // Теория метафоры : Сб. : Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. – М. : Прогресс, 1990. – С. 82–109.

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

1. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7-ми томах. Т. 1. Стихотворения. Подготовка текста и коммент. А.А. Козловского / С. А. Есенин. – М. : Наука – Голос, 1995. – 672 с.
2. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7-ми томах. Т. 2. Стихотворения (маленькие поэмы). Подготовка текста и коммент. С.И. Субботина / С. А. Есенин. – М. : Наука – Голос, 1997. – 464 с.
3. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7-ми томах. – Т. 3 : Поэмы. Подготовка текста и коммент.

- Н. И. Шубниковой-Гусевой / С. А. Есенин. – М. : Наука. – Голос, 1998. – 720 с.
4. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7-ми томах. – Т. 4 : Стихотворения не вошедшие в «Собрание стихотворений». Подготовка текста и коммент. С. П. Кошечкина, Н. Г. Юсова / С. А. Есенин. – М. : Наука – Голос, 1996. – 544 с.
5. Клюев Н. А. Сочинения. [В 2-х т.] – Т. 1 / Н. А. Клюев ; Под общ. ред. Г. П. Струве, Б. А. Филиппова. – МБ. М. : А. Neimanis, 1969. – 212 с. – Режим доступа к ресурсу : <http://www.booksite.ru/klyuev/1.html>

АННОТАЦИЯ

Дмитриева Ю. Л. Образ ивы в художественной картине мира С. Есенина и Н. Клюева

В статье даётся определение образа, указаны основные его характеристики, описана структура. Автор выделяет и описывает основные перцептивные и метафорические когнитивные признаки образа *ива*, объективированные в языке поэзии С. Есенина и Н. Клюева.

Ключевые слова: картина мира, образ, когнитивные признаки, метафора, тезаурусный уровень.

SUMMARY

Dmitrieva J. L. The image of a willow in the artistic picture of the world by S. Yesenin and N. Klyuev

The article gives the definition of the image, indicates its main characteristics, describes the structure. The author identifies and describes the main perceptual and metaphorical cognitive signs of the image of the willow, objectified in the language of the poetry of S. Yesenin and N. Klyuev.

Key words: picture of the world, image, cognitive signs, metaphor, thesaurus level.

УДК 81'373.84(292.079):81'282.8

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «НАИМЕНОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ И ТАНЦЕВ» В КАРИБСКИХ КРЕОЛЯХ НА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВЕ

1.1. В данном исследовании на примере карибских креолов – ямайского, багамского, тринидадо-тобагского на английской основе рассматривается тематическая группа (далее ТГ) «Наименования музыкальных инструментов и танцев» (далее НМИТ). Заметим, что пиджин – межэтнический вспомогательный язык, выполняющий минимум функций в очень ограниченной сфере коммуникации. Пиджин не является родным ни для кого из говорящих... В определенных условиях развившийся расширенный пиджин может становиться родным для какого-либо языкового коллектива. При этом еще более расширяются его коммуникативные функции. Такой язык определяется как креольский [1, с. 8-9].

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим вниманием к вариантам (социальным, географическим) национальных языков, к процессам возникновения новых языковых общностей, и вместе с тем, недостаточной изученностью территориального варьирования карибских креолов на английской основе и механизмов формирования вариантных языковых систем, представленных ямайским, тринидадо-тобагским и багамским креольскими языками.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе: а) подвергнуты анализу лексические единицы НМИТ в ямайском, тринидадо-тобагском и багамском креольских языках; б) выявлены изоморфные и алломорфные признаки лексических единиц данной ТГ в исследуемых креолях.

Цель исследования заключается в том, чтобы на примере лексических единиц НМИТ показать, какие изменения претерпевает английский язык на новых территориях своего распространения – в англоязычных креолях Карибского бассейна.

Данная цель предусматривает решение следующих **задач**: 1) установить изоморфные дифференциальные признаки (далее ДП) НМИТ в ямайском, тринидадо-тобагском и багамском креолях Карибского бассейна; 2) выявить алломорфные дифференциальные признаки в ямайском, багамском и тринидадо-тобагском креолях; 3) показать семантическое развитие производных креольских

лексических единиц НМИТ в исследуемых карибских креолях на английской основе; 4) установить приемы семантической деривации данной ТГ в исследуемых креолях.

Задачи исследования и специфика материала обусловили применение таких **методов исследования** как метод анализа словарных дефиниций, метод компонентного анализа, сравнительно-сопоставительный метод, метод контекстуального анализа.

2.1. В багамском креоле в структуре лексемы *goombay*, *gumbay*, *gumbee* имеется несколько ЛСВ.

ЛСВ-1. *goombay*, *gumbay*, *gumbee* [ср язык конго *ngoma*, *nkumbi* ‘барабан’ DJE; суахили *ngoma* то же; тви *gumbe drum* ‘барабан’; на форму *gumbee* могло повлиять DAE *Gambia* ‘slaves brought from Gambia, Africa’ ‘рабы, привезенные из Гамбии’] п *Gombay* ЛСВ-1. А goatskin drum ‘барабан из сафьяновой кожи’. Например: 1978 *goombay drums have sheep or goatskin stretched and nailed over one end of discarded wooden barrels or kegs* [4, с. 90-91].

Язык тви *gumbe* ‘барабан’ → специализация → БагамКр *gumbay* ‘барабан из сафьяновой кожи’.

Gombay ЛСВ-2. музыкальный инструмент ‘басовый барабан, напоминающий по форме лохань для стирки’. Например: 1788 *The instrument called Gambee; a notched bar of wood, one end of which he placed against his breast. In his right hand he held a small stick of wood, split lengthwise into several clappers, in his left hand also a small, thin wooden stick, unsplit. Beating and rubbing both of these, vigorously and in time, over the notches of the first stick, he produced a hollow, rattling noise, accompanied by a song in the Guinea tongue* [4, с. 91].

Язык тви *gumbe* ‘барабан’ → специализация → БагамКр *gumbee* музыкальный инструмент ‘басовый барабан, напоминающий по форме лохань для стирки’.

Gombay ЛСВ-3. A particular drum rhythm ‘особый барабанный ритм’. Например: 1936 *D’pleeceman hit off wun li’l goombay on d’ drum* <Black>.

Семантическое развитие исходного лексического значения заимствования *gumbe* ‘барабан’ из языка тви в производное лексическое значение ЛСВ-3 *gombay* ‘особый барабанный ритм’ в багамском креоле происходит на основе метонимии.

Язык тви *gumbe* ‘барабан’ → метонимия → БагамКр *gombay* ‘особый барабанный ритм’.

На основе метонимии в багамском креоле происходит семантическое развитие производных значений ЛСВ-4 ‘любая нерелигиозная песня’ <San Salv> [4, с. 90-91] и ЛСВ-5

‘особый танец’ из исходного значения *gumbe* языка тви ЛСВ-1 ‘барабан’.

Язык тви *gumbe* ‘барабан’ → БагамКр *gombay* ‘особый барабанный ритм’ → метонимия → БагамКр *Gombay* ЛСВ-4 ‘любая нерелигиозная песня’.

Язык тви *gumbe* ‘барабан’ → БагамКр *gombay* ‘особый барабанный ритм’ → метонимия → БагамКр *Gombay* ЛСВ-5. ‘особый танец’. Например: *I go shake my belly and do the goombay* <Nassau> [4, с. 90-91].

В ямайском креоле в ТГ «Музыка и танцы» включатся лексические единицы *abeng, buru, conch-shell, shell, kettay, akete* [3, с. 6-7]. *Akete* /akete/ ср язык эве *kete* ‘флейта’; язык тви *kete* ‘флейта или трубочка, сделанная из камыша’.

Akete ЛСВ -1 аллоним или другое наименование инструмента *abeng*: ‘рог козла или коровы, используемый марунами как рожок; горн, сигнальная труба (*bugle*)’. (перевод наш). Ср *kettay*. Например: 1943 Gl StE, *Aketa, Maroon bugle* [3, с. 6-7].

Язык тви *kete* ‘флейта или трубочка, сделанная из камыша; язык эве *kete* ‘флейта’ → метафора → ЯмКр *akete* ‘рог козла или коровы, используемый марунами как ‘рожок; горн, сигнальная труба (*bugle*)’.

Семантическое развитие исходного лексического заимствования *kete* из языков эве или тви в значении ‘флейта или трубочка, сделанная из камыша’, в производный ЛСВ *akete* в ямайском креоле ‘рог козла или коровы, используемый марунами как рожок; горн, сигнальная труба (*bugle*)’ происходит на основе сходства функции в соответствии с метафорой.

Akete ЛСВ–2. Барабаны (*drums*), используемые (приблизительно с 1930 г.) при исполнении танцев *buru*. В 1940 г. последователи культа Рас Тафари также начали их использовать в г. Кингстоне. (перевод наш). Например: 1960 SAN report 18, *The old burra dance by which discharged prisoners were reintegrated with their slum communities was taken over into the Ras Tafari movement by Locksmen. The burra drums became known as akete drums and the old burra dance was replaced by the Niyabingi dance* [3, с. 6-7].

Buru; 1940 *buru, burru*; 1943 *burroo, boor-ru*, 1960 *burra*; ср тви *buru* ‘разврат’. Ср *bru-bru*. *Buru* ЛСВ-1. Разновидность (иногда вульгарного) исполнения танца, или случай, в связи с которым, устраивают такие танцы. Особенно, танцы в связи с годовщиной похорон. (перевод наш). Например: 1940 HPJ, *Buru – a kind of dance which Marion remembers being held in Kingston – somewhat indecent. Mr Thompson says ‘Indecent with posturing of the hip’*. 1943 Gl Clar, *Bhhurroo, a common place dance*; StJ, *Burru, a dance*

or picnic. StM, Boor-ru, a kind of celebration for 9 days after a person dies. 1954 LeP StE, Burru – general term for a dance or wild party – when the dance gets hot and wild [3, с. 83].

Семантическое развитие исходного ЛСВ *buru* ‘разврат’ из языка тви в производный ЛСВ *buru* ‘разновидность (вульгарного) исполнения танца’ в ямайском креоле происходит на основе семантического процесса сужения значения, для которого характерно увеличение числа дифференциальных признаков в производном ЛСВ. Сужение значения можно представить в виде следующей формульной записи:

тви *buru* ‘разврат’ → специализация → ЯмКр *buru* ЛСВ-1. ‘Разновидность (вульгарного) исполнения танца, или случай, в связи с которым, устраивают такие танцы. Особенно, танцы в связи с годовщиной похорон’.

Buru ЛСВ-2 обозначает ‘место, где исполняются такие безнравственные и неприличные танцы’. Например: 1955 FGC Map /*buru/ low-down dancing place [3, с. 83].*

Семантическое развитие производного ямайского значения от исходного значения языка тви происходит в соответствии с метонимией и может быть представлено в виде следующей метонимической формулы:

тви *buru* ‘разврат’ → метонимия → ЯмКр *buru* ЛСВ-2. ‘место, где исполняются такие безнравственные и неприличные танцы’.

Buru ЛСВ-3 ‘музыка, (особенно, игра на барабанах), используемая для вульгарных танцев’. Например: 1943 Gl Kgn, *Burru, drum. StT, Buru, an orchestra composed chiefly of drums at different pitches; No addr, Burru, yuletide negro music [3, с. 83].*

Семантическое развитие производного ЛСВ-3 *Buru* ‘музыка, (особенно, игра на барабанах), используемая для вульгарных танцев’ из исходного ЛСВ *buru* ‘разврат’ языка тви происходит в соответствии с метонимией. Метонимическую формулу переноса можно представить в виде следующей записи: тви *buru* ‘разврат’ → метонимия → ЯмКр *buru* ЛСВ-3 ‘музыка, (особенно, игра на барабанах), используемая для вульгарных танцев’.

Лексема ЯмКр /*kumuna, kumona, kumina, krumuna/* по своему происхождению восходит к языку тви, в котором ЛСВ *kom* обозначает ‘танцевать в состоянии ярости или экстаза, приписываемых туземцами действию фетиша – духу одержимости *nkot-moa*’ [Cassidy, с. 267] (перевод наш).

В ямайском креоле в семантической структуре данной лексемы имеется ЛСВ ‘церемония религиозных танцев, устраиваемая по случаю рождения, обручения, поминок, и т.д. При этом считается, что танцующие становятся одержимыми духами предков. Они выполняют различные ловкие трюки, теряют сознание и т.д.’

(перевод наш). Например: 1943 Gl, *Cummina n, a cult performance at night*; 1953 Moore 39, *Cumina – a ceremonial memorial dance for the dead – the first of which may be held within the first year, often on the first anniversary of the death of the individual*. Ibid 117, *Public Cumina dances begin usually at sundown Friday and last till sundown Saturday* [3, с. 267].

Исходный ЛСВ языка тви и производное значение лексемы *Cumina* в ямайском креоле связаны отношением производности в соответствии с специализацией значения.

Язык тви *kom* ‘танцевать в состоянии ярости или экстаза, приписываемых туземцами действию фетиша – *пком-тоа*, духу одержимости’ → сужение значения → ЯмКр */kumina, kumona, kumina, krumuna/* ЛСВ ‘церемония религиозных танцев, устраиваемая по случаю рождения, обручения, поминок, и т.д. Танцующие становятся одержимыми духами предков. Они выполняют различные ловкие трюки, теряют сознание и т.д.’

В (ТрТКр) исследуемая ТГ также включает некоторые наименования музыкальных инструментов.

Внешнее сходство денотатов лежало в основе и переосмысления лексической единицы БрА *pan*, которая имела в Англии значение ‘неглубокая кастрюля’ и получила в результате семантического развития на основе метафорического переосмысления новое значение в тринидадо-тобагском креоле *pan* ‘ударный инструмент, сделанный из днища стальной нефтяной бочки’. Основа сравнения – сходство сравниваемых предметов по форме, функции и внешнему виду. Такой перенос названия с одного предмета на другой на основе сходства внешнего вида, формы, функции называется метафорой.

При этом ТрТ Кр лексема *pan* имеет такую историю метафорических переносов.

Pan ЛСВ-1. In the making of sugar, one of the large relatively shallow, open-top metal containers used to boil sugar juice ‘(при производстве сахара) ‘один из больших, относительно мелких металлических контейнеров с открытым верхом для кипячения сока сахарного тростника’; *pan* ЛСВ-2. metal container, usually deeper than it is wide ‘металлический контейнер, глубина которого больше, чем ширина’ (< dial E *pan* – ‘металлический сосуд для воды, не обязательно мелкий’; < E *pan* ‘сосуд металлический или глиняный для домашнего использования, обычно широкий и мелкий, часто с открытым верхом; неглубокая кастрюля’; *pan* ЛСВ-3. An empty meal container used as a percussion instrument(арх.) ‘пустой металлический контейнер, используемый как ударный инструмент’; *pan* ЛСВ-4. A musical percussion instrument made from a steel oil-drum, the bottom end

hammered in, to make different notes, steel pan ‘музыкальный ударный инструмент, изготавливаемый из днищ стальных бочек для керосина, которые надо сделать вогнутой формы, чтобы получать различные ноты’; *pan* ЛСВ-5. Steelband in general as a musical and cultural genre ‘стальной оркестр как музыкальный и культурный жанр’ [5, с. 664].

Семантическое развитие производных тринидадо-тобагских значений из исходного британского диалектизма *pan* можно представить в виде следующих метафорических формул:

диал. англ. *pan* ‘металлический сосуд для воды, не обязательно мелкий’ → метафора → ТрТКр ЛСВ-3. (арх.) ‘пустой металлический контейнер, используемый как ударный инструмент;

диал. англ. *pan* – ‘металлический сосуд для воды, не обязательно мелкий’ < Е *pan* ‘сосуд металлический или глиняный для домашнего использования, обычно широкий и мелкий’ → метафора → ТрТКр ЛСВ-4. ‘музыкальный ударный инструмент, изготавливаемый из стальных бочек для керосина. При этом днище делают вогнутым при помощи молотка, чтобы получить звучание различных нот’.

диал. англ. *pan* ‘металлический сосуд для воды, не обязательно мелкий’ → метафора → ТрТКр ЛСВ-4. ‘музыкальный ударный инструмент, изготавливаемый из стальных бочек для керосина. При этом днище делают вогнутым при помощи молотка, чтобы получать звучание различных нот’ → метонимия → ТрТКр ЛСВ-5. ‘стальной оркестр как музыкальный и культурный жанр’.

Все звенья вышеприведенной цепи семантического развития значений ТрТКр *pan*–1 → ТрТКр *pan*–3 связаны на основе метафоры, за исключением семантического развития значения диал. англ. *pan* → ТрТКр *pan*–5, который основывается на метонимии.

В тринидадо-тобагском креоле в лексеме *Panorama* каламбурно обыгрываются следующие значения: англ. ЛСВ-1 ‘панорама: от греч. пан-‘весь, все’ + греч. – орама ‘широкий вид местности, открывающийся с высоты, с возвышенности’; ТрТ Кр ЛСВ-2 ‘многоэтапное соревнование стальных оркестров, проводимое ежегодно во время празднования Карнавала’ (< *pan* ТрТКр ‘стальной оркестр’ + греч. *-orama* ‘a complete and comprehensive survey or presentation of a subject’ ‘широкий и всесторонний осмотр «стальных оркестров» или представление темы «стальных оркестров»’).

Например: *The first Panorama, held in 1963, comprised ten participant steel bands, and the format required each of them to play their composition of choice as they paraded “on the move,” as they*

now call it, past the selected judges... In the early 1970s the decision was made to judge the bands performing in a stationary position... [5, с. 667].

Белые колонизаторы запрещали язык и музыку африканцев, ограничивали и, в определенном смысле, запрещали им играть на барабанах [2, с. 529], чтобы музыка не пробуждала в них бунтарские настроения.

Сегодня годовщину отмены рабства отмечают праздником Большого барабана. Одним из наиболее ярких проявлений «креольской», «африканской» культуры являются ежегодные фестивали-карнавалы, народная музыка «стальных оркестров», для которых музыкальные инструменты изготавливают из стальных бочек для нефти. Таким образом, *pan* – ‘музыкальный инструмент, изготовленный из стальной бочки для нефти’ (oil drum).

Можно сформулировать уточненное значение слова *panorama*. *Panorama* – это ежегодное соревнование стальных оркестров, инструменты которых традиционно изготавливают из стальных бочек для нефти.

3. Выводы.

3.1. Семантическое развитие лексических заимствований-инноваций ТГ «Наименования музыкальных инструментов и танцев» в карибских креолях происходит на основе использования следующих приемов семантической деривации: метафора, метонимия и сужение значения. В этом заключается изоморфизм рассматриваемых лексических явлений.

3.2. Характерной особенностью наименований музыкальных инструментов рассматриваемых карибских креолов является наличие аллонимов: один и тот же инструмент имеет различные наименования в разных креолях или в различных географических ареалах одного и того же креоля. В этом также проявляется изоморфизм исследуемой группы лексических единиц.

3.3. К зоне алломорфизма относятся особенности номинации лексических единиц тринидадо-тобагского креоля. Для этого креоля характерно полное переосмысление английских лексических единиц и создание специфичных лексических единиц, что приводит к появлению каламбуров с ярко выраженными тринидадо-тобагскими значениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьячков М.В. Креольские языки / М. В. Дьячков / Гл. ред. вост. лит. (Серия «Языки народов Азии и Африки»). – М. : Наука, 1987. – 106 с.

2. Allsopp R. Dictionary of Caribbean English usage / R. Allsopp. – OUP, 1996. – 697 p.
3. Cassidy F.G. Dictionary of Jamaican English / ed. by F.G. Cassidy, R.B. Le Page. – Cambridge At the University Press, 1967. – 489 с.
4. Holm J.A.. Dictionary of Bahamian English / John A. Holm, Allison W. Shilling. – Lexik House Publishers. – Cold Spring, New York, 1982. – 228 с.
5. Winer L. Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles / Lise Winer. – McGill-Queen's University Press, Montreal & Kingston. London. Ithaca, 2009. – 1039 с.

АННОТАЦИЯ

Дроздов В. А. Тематическая группа «Наименования музыкальных инструментов в танцев» в карибских креолях на англоязычной основе

В статье рассматриваются семантические пути развития заимствований-инноваций, представленных наименованиями музыкальных инструментов и танцев в багамском, тринидадо-тобагском и ямайском креолях. Цель исследования – выявить изменения в английском языке на новых территориях его распространения – в англоязычных креолях Карибского бассейна. Сделаны обобщения об алломорфных и изоморфных признаках в них.

Ключевые слова: метафора, метонимия, производное значение, исходное значение, алломорфизм, изоморфизм.

SUMMARY

Drozдов V. A. Thematic group «Names of musical instruments and dances» in English-based Caribbean Creoles

The study considers semantic development ways of musical instruments' names in the English-based Bahamian, Trinidado-Tobagonian, and Jamaican creoles. The aim of the investigation is to reveal the changes English undergoes in the new territories of its spreading – in the Anglophone creoles of the Caribbean area. The article reveals the allomorphic and isomorphic features in the creoles under investigation.

Key words: semantics, metaphore, metonymy, original meaning, derived meaning, allomorphism, isomorphism.

УДК 81'367.32

**МОДЕЛЬ МАНИПУЛЯТИВНОГО РЕЧЕВОГО
ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ТОК-ШОУ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТОК-ШОУ)**

Политические ток-шоу играют ведущую роль в формировании и пропаганде определенных политических взглядов, формирующихся в зависимости от политических пристрастий и пропагандистских задач журналистов и политологов, которые транслируют свою позицию, участвуя в ток-шоу. Как правило, участниками политических ток-шоу являются представители различных социальных институтов: политологи, эксперты, мнение которых воспринимается зрителем и является авторитетным. Роль ведущего заключается в регуляции взаимодействия между адресантом, прямым адресатом и адресатом-наблюдателем. Задача ведущего политического ток-шоу – организовать в студии горячую дискуссию. Она должна быть интересной, эмоциональной, с фактами, разными точками зрения. Таким образом, наметилась тенденция применения ведущим маски человека из народа, «своего парня». В этом случае гости программы, которые не придерживаются его политической точки зрения, зачастую оказываются «мальчиками для битья». Помимо всего прочего, очень сильное влияние на зрителей оказывает использование технических средств и работа телеоператора. У зрителя создается иллюзия коммуникации лицом к лицу с участниками ток-шоу (парасоциальное взаимодействие), а также его разновидности, парapolитического общения телезрителя и политика как участника ток-шоу. Этот термин был введен еще в 50-х гг. XX в. американскими авторами Дональдом Хортоном и Ричардом Волем для обозначения возникающих эмоциональных связей между телезрителями и так называемой «persona» – ведущим телепередачи, в особенности ток-шоу. Это стало следствием постоянного присутствия ведущего на экране, а также его прямого обращения к зрителю. По словам Гари Бенге и Беттины Фромм, концепт «парасоциального взаимодействия» изначально ориентируется на теорию символического интеракционизма и фактически исходит из такого способа коммуникации, который в нормальном случае совершается только в головах зрителей, но для которого имеются ясные правила речевого обмена и ролевые предписания. Г. Бенге и Б. Фромм считают, что у большинства

аудитории ведущие и участники ток-шоу рассматриваются не как потенциальные партнеры коммуникации, а как «представители» зрителей на телеэкране – «такие же люди, как мы», которые выражают «близкие нам» мысли и чувства [5, с. 27].

Если анализировать политические ток-шоу и их ведущих с точки зрения речевого воздействия, можно отметить следующее: адресант / субъект воздействия – это отправитель информации; сторона, которая осуществляет воздействие, представлен ведущим и редакционной группой, которая выполняет государственный заказ (поскольку политические ток-шоу транслируются государственными телеканалами). Адресат / объект воздействия – это получатель информации; сторона, на которую направлено воздействие. Адресат является двойным – это целевая аудитория (телезрители) и конкретные люди, с которыми ведет дискуссию ведущий. На этом основании можно выделить два вида воздействия: воздействие на телезрителей и воздействие на оппонентов. Первое встречается чаще и заключается в навязывании определенной точки зрения, изменении намерений, желаний, целей адресата. Второй вид воздействия представляет собой реализацию конфликтогенного поведения, которое выражается открытым недоверием; перебиванием собеседника, принижением его значимости; устойчивым нежеланием признавать свои ошибки и чью-то правоту; постоянным навязыванием своей точки зрения; неискренностью в суждениях; неожиданным свертыванием беседы.

Одной из важнейших задач, стоящих перед редакторами ток-шоу, является создание интересной программы, содержащей элементы интриги, которая призвана привлекать внимание аудитории телезрителей и формировать отношение к обсуждаемой теме, а также поиск пути решения проблемы. В ходе исследования мы пришли к выводу, что поиск пути решения проблемы в политических ток-шоу не реализуется, в то время как наличие интриги и попытки формирования общественного мнения присутствуют в каждом политическом ток-шоу, что характерно как для русскоязычных, так и для англоязычных ток-шоу. Изобилие различных инструментов речевого манипулирования сознанием собеседника включает также речевые стратегии и тактики. Инструменты речевого манипулирования – это набор приемов, которые делают речь более эмотивной, что придает высказываниям такое представление, которое соответствует целям манипулятора. Выступая в политических ток-шоу, его участники строят свое речевое поведение таким образом, чтобы ввести притягательные для зрителя концепты в свою речь. Семантическая связность медиадискурса объясняется тем, что в

нем используется определенный набор идеологем. Идеологема – языковая единица, значение которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, скрывающую неидеологический денотат [4, с. 217]. К семантическим стратегиям можно отнести использование лексем, связанных с традиционными идеологемами политического дискурса и их переосмыслением (*народ, партия, власть, свобода, патриотизм*), а также новыми идеологемами сознания (*честность, порядочность, достоинство, благополучие*). Семантическая стратегия направлена на создание у адресата представления о такой же системе ценностей, что и у адресанта.

По мнению многих ученых, самый короткий путь к подсознанию – языковая суггестия. Речь является средством сильнейшего воздействия на аудиторию; это ее свойство в полной мере проявляется в политическом дискурсе. По определению В. Г. Крысько, мы можем считать манипуляцией в политическом дискурсе господство над духовным состоянием реципиента, управление им путем навязывания соответствующих стереотипов мышления и влияния на его поведение, выгодное тем, кто осуществляет это психологическое воздействие [2, с. 127]. В процессе исследования мы пришли к выводу, что манипулятивные стратегии используются участниками политических ток-шоу достаточно часто. Происходит речевое действие на чувства, эмоции и подсознание аудитории с целью коррекции картины мира, создания и поддержания положительного имиджа, навязывания определенной точки зрения. Как пишет С. Г. Кара-Мурза, «речь политика наполнена символами, а ее успех предопределен тем, «насколько эти символы созвучны массовому сознанию, политик должен уметь: затронуть нужную струну, его высказывания должны укладываться во вселенную мнений и оценок» [3, с. 121]. Внушаемость посредством слова – глубинное свойство психики, возникшее гораздо раньше, нежели способность к аналитическому мышлению.

Суггестия (внушение), будучи необходимым компонентом человеческого общения, может также выполнять роль намеренно организованного вида коммуникации (манипуляционный), предполагающего некритическое восприятие сообщаемой информации, противоположной сложившимся убеждениям, и формирующегося при помощи вербальных (слово, текст, дискурс) и невербальных (мимика, жесты, действия другого человека, фон) средств. По мнению многих исследователей, это вид манипуляционного воздействия, основанного не на информировании и логической аргументации, а на внушении, т.е. подсознательное, завуалированное воздействие, связанное со

снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации. Спецификой суггестивной функции языка признается взаимодействие слова и действия. Исследователи рассматривают суггестию как возможность навязывания любых действий, так как это процесс речевого воздействия на психологическую сферу слушающего, в результате которого осуществляется управление человеком, подчинение его своей воле, влияние на его образ мыслей, установки, намерения, поведение и навязывание готового мнения адресату, а также обращение к эмоциям, чувствам зрителей. С целью воздействия на суггеренда (партнера по коммуникации), суггестор (адресант) влияет на коррекцию ценностей, влияет на принятие решений и меняет его картину мира. В политических ток-шоу суггесторы – это участники ток-шоу, суггеренды – аудитория, присутствующая в студии. Так как основная цель суггестора – осуществление влияния на аудиторию, его речь эмоционально насыщена и воздействует на чувства суггеренда, а также апеллирует к его основным ценностям при помощи языковых средств. Суггестор намеренно использует специальные словесные формулы с целью внедрения в психическую сферу суггеренда, которые впоследствии становятся активными элементами его сознания и поведения. Мы разделяем мнение Р. М. Блакара, утверждавшего, что выразиться «нейтрально» невозможно, так как даже неформальный разговор имеет своей целью «осуществление власти», а именно воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком [1, с. 5]. В процессе исследования мы пришли к выводу, что участники ток-шоу используют манипулятивные приемы, которые опираются на стереотипы, социальные нормы, авторитет. Стереотип – это принятое в обществе упрощенное представление о чем-либо, не основанное на личном опыте человека. В создании речевых стереотипов играют важную роль ключевые слова – слова, которые наиболее распространены в дискуссиях в тот или иной исторический период. Таким образом, эффективность суггестивного речевого воздействия будет зависеть от выбора языковых средств суггестором.

На лексическом уровне манипулятивным приемом, реализующим суггестию, является использование слов-эпистемиков (слов с общим значением «*знать*», «*понимать*», «*как известно*», «*как мы все знаем*», «*нет сомнения в том, что*» и др.). Эти слова придают высказыванию характер безусловной истины, не подлежащей сомнению. Также манипулятивная стратегия часто реализуется при помощи использования идентификационных формул (языковых оборотов, с помощью которых суггестор отождествляет себя

с говорящим с целью вызвать ощущение сопричастности, общности). Реализуется этот прием в русско- и англоязычном дискурсе политических ток-шоу при помощи использования личных и притяжательных местоимений. С одной стороны, использование индентификационных формул способствует консолидации и коллективной идентичности, а с другой – является манипуляционным, поскольку воля меньшинства в завуалированной форме навязывается большинству. В примере, приведенном ниже, этот прием используется в совокупности с принципом «плюс-минус», когда «свое» противопоставляется «чужому». Также подобное разделение дает возможность по-своему устанавливать круг «своих» и «чужих». «Свое» описывается единицами с положительной оценкой, «чужое» описывается негативными оценочными единицами:

Иван Коновалов: «Россия вам всем доказала, что сколько бы вы ни хотели с нами сделать то, что вы хотели!»

Томаш Мацейчук: «Мы заставим вас себя порядочно вести! Вот у вас информация – Польша маленькая страна, у нас армии нет. Бюджет польской армии это 11... сейчас 11 миллиардов долларов!» (Мир на грани? Время покажет. Выпуск от 26.01.2018) [8];

David Rennie: «What they want to do will be incredibly unpopular you're gonna to tell people out of their cars to turn down their heating to do all these unpopular things. Why on Earth do you think the regime as you call it really wants to do these incredibly unpopular things? / То, что они хотят сделать, будет невероятно непопулярным, вы собираетесь выгнать людей из их автомобилей, выключить им отопление, чтобы принять эти непопулярные меры? (перевод тут и далее – наш, Н. Ж., Е. Я.)» (The McLaughlin Group 5/30/14) [9].

Одним из часто применяемых инструментов в политическом дискурсе ток-шоу являются ярлыки, которые «навешиваются» политическим противникам. Суггестор использует их с целью опорочить или высмеять противника путем воздействия на чувства и подсознание – без приведения рациональных доводов:

Иван Коновалов: «Стоп, мне интересно, я хочу услышать, вы что ожидаете? Вы что ожидаете?»

Томаш Мацейчук: «Мы в 90-е все думали, что Россия станет нормальной, обычной европейской страной! Не получилось! Ладно!»

Иван Коновалов: «Предатели и мерзавцы!!!» (Мир на грани? Время покажет. Выпуск от 26.01.2018) [8].

С целью манипулирования сознанием аудитории суггесторы часто используют метод «повторения». Он состоит в повторении одного и того же слова или фразы:

Григорий Амнуэль: *«А у нас, к сожалению, у нас, к сожалению, военный бюджет, который действительно растет, не только Министерства обороны, а всех силовых ведомств Российской Федерации, ударяет и по социальному, и по медицине, и по культуре, и по...»*

Анатолий Кузичев: *«Но речь же не об этом!»* (Мир на грани? Время покажет. Выпуск от 26.01.2018) [8].

Прием «ссылка на авторитет» используется адресантом для ссылки на авторитетные и компетентные источники, но в то же время сам политик снимает с себя всю ответственность за предоставленную информацию, потому что он «лишь сослался на чье-то мнение»:

Анатолий Кузичев: *«Стоп, господа, внимание! Иван Павлович, сейчас скажете! Послушайте, во-первых, наличие армии не равно, так сказать, ее бюджету, потому что я сейчас цитирую не мои домыслы, цитирую военных экспертов, значит в армии Саудовской Аравии такие вливания, которые даже американцам покажутся фантастическими!»* (Мир на грани? Время покажет. Выпуск от 26.01.2018) [8].

Использование в политическом дискурсе ток-шоу чисел-метафор способствует созданию в воображении ярких образов, что усиливает влияние на суггеренда:

Екатерина Стриженова: *«... но меня больше всего здесь волнует, что министр обороны предупредил, что Россия готова жестоко убить тысячи и тысячи британцев!»* (Мир на грани? Время покажет. Выпуск от 26.01.2018) [8];

Mendi Hasan: *“They only show a hundred thousand, two hundred thousand people, you know, living pretty much in isolation, with no access to technology is that really the benchmark / Мехди Хасан: «Сто тысяч... двести тысяч человек, которых вы знаете, живущих в изоляции без доступа к технологиям, это действительно эталон...»* (Al Jazeera English Muslim Americans and US liberal values) [6].

Использование прилагательных также усиливает эмоциональное воздействие на аудиторию:

Анатолий Кузичев: *«Одна из самых бессмысленных и малобоеспособных армий Саудовской Аравии с чудовищным бюджетом. Повторяю, цитирую военных экспертов!»* (Мир на грани? Время покажет. Выпуск от 26.01.2018) [7];

Michel Friedman: *«So, Martin Schulz, I repeat, is as popular as Merkel... Whenever you look at this guy, Schulz looks energetic, passionate, Angela Merkel by comparison looks worn out / Итак, Мартин Шулц, я повторяю, так же популярен, как Меркель ... всякий раз, когда вы смотрите на этого парня,*

Шульц выглядит энергичным, страстным, Ангела Меркель по сравнению с ним выглядит изможденной» (Conflict zone with Michel Friedman) [7].

Речевое поведение суггестора мотивируется целями (побудить, убедить, информировать), управляется манипулятивными речевыми стратегиями, которые, в свою очередь, реализуются коммуникативными тактиками, которые представлены приемами и речевыми актами (прямыми и косвенными). Участники ток-шоу стремятся сделать свою речь более эмоциональной, что, в свою очередь, влияет на эффективность речевого воздействия. Контроль над дискурсом ток-шоу – это контроль над сознанием аудитории, а значит, косвенно над тем, что желает или делает аудитория. Если определять власть как контроль представителями одной группы над другой, то такие формы политической власти действительно становятся эффективными, если они обеспечивают особый доступ к средствам производства дискурса, а значит, и к контролю над сознанием аудитории. Политические ток-шоу отражают современную социально-политическую реальность, а также конструируют ее, «вызывают к жизни» влияющие на сознание, воображение, поведение, установки аудитории виртуальные образы, сюжеты, ситуации при помощи манипулятивных приемов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 88-125.
2. Крысько В. Г. Словарь-справочник по социальной психологии / В. Г. Крысько. – М. : Владос-пресс, 2004. – С. 123.
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М. : АлгоритмЭксмо, 2006. – 864 с.
4. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург – Пермь : ЗУУНЦ, 2005. – 145 с.
5. Bente G., Fromm B. Affektfernsehen: Motive, Angebotsweisen und Wirkungen / G. Bente, B. Fromm. – Opladen: Leske + Budrich, 1997. – S. 45 – 46.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Al Jazeera English Muslim Americans and US liberal values [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://yandex.ua/video/search?filmId=182191695812_15173289&text=Focus%20

- group%20of%20American%20Muslim%20talks%20with%20subtitles
2. Conflict zone with Michel Friedman [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://yandex.ru/video/search?filmId=8048717226173838820&text=conflicts%20political%20talk%20shows%20about%20russia&noreask=1&path=wizard>
 3. Мир на грани? Время покажет. Выпуск от 26.01.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.1tv.ru/shows/vremya-pokazhet/vypuski/mir-na-grani-vremya-pokazhet-vypusk-ot-26-01-2018>
 4. The McLaughlin Group 5/30/14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : youtube.com/watch?v=RLrd_c6wdrw

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А., Яковлева Е. П. Модель манипулятивного речевого поведения участника политических ток-шоу (на материале англоязычных и русскоязычных ток-шоу)

В статье рассматриваются манипулятивные средства и приемы речевого воздействия на зрительскую аудиторию политических ток-шоу. Исследуется речевое поведение суггестора, а также конфликтогенное поведение как реализация стратегии дискредитации по отношению к оппоненту.

Ключевые слова: адресант, адресат, суггестия, манипулятивные средства речевого воздействия.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Yakovleva E. P. Model of manipulative speech behaviour of the participant of political talk shows (on the material of English and Russian talk shows)

The article deals with manipulative means and methods of speech influence on the audience of political talk shows. The author investigates the speech behaviour of the suggestor as well as conflictogenic behaviour as the implementation of the strategy of discredit towards the opponent.

Key words: addresser, addressee, suggestion, manipulative means of speech influence.

УДК 81'367.32

ПЕРФОРМАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ГОВОРЕНИЕ»

Процесс говорения является неотъемлемой частью жизни человека. Данный процесс сложен и многообразен. Он представлен с помощью разных аспектов языка. Так, на лексическом уровне языка процесс говорения могут представить глаголы, в том числе и перформативные глаголы. *Перформатив* – это (от ср.-лат. *perfor-mo* – ‘действую’) высказывание, эквивалентное действию, поступку. Перформатив входит в контекст жизненных событий, создавая социальную, коммуникативную или межличностную ситуацию, влекущую за собой определённые последствия [6]. Таким образом, соответствующее перформативу действие осуществляется самим речевым актом.

Глаголы говорения составляют многочисленную группу лексических единиц, выражающих действие по отношению к собеседнику, связь адресата с адресантом, связь речи и мышления как двух категорий психологии. Они передают мысль говорящего, помогают передать уже сказанные кем-то слова (т. е. косвенная речь), эмоциональную характеристику речевого высказывания, оттеночной окраски речи говорящего. Поэтому данная группа широко представлена в языке, так как именно глаголы отражают важнейшую потребность человека – общение.

Стоит также отметить, что глаголы говорения являются одним из самых популярных объектов лингвистических исследований, отражая динамическую модель языковой картины мира. Считаем, что интерес к данной группе лексических единиц вызван сложностью их семантической структуры и полисемией (т. е. многозначностью) при определении синонимических рядов и тематических групп, а также категорией перформативности [5]. Однако, исходя из того, что глаголы по своему характеру многозначны, стоит всегда помнить, что разница между некоторыми из них очевидна уже из перевода, поэтому их употребление не вызывает сложностей; другие, в свою очередь, переводятся одинаково независимо от коммуникативной ситуации, и поэтому следует обращать особое внимание на их корректное употребление в том или ином контексте.

Так, лексическую систему английского языка представляют такие многозначные глаголы, как: *to say, to speak, to tell, to talk,*

to ask, to answer, to reply, to respond, to retort, to argue, to demand, to enquire, to question, to request, to beg, to implore, to announce, to state, to declare, to mention, to utter, to add, to comment, to remark, to express, to word, to phrase, to imply, to suggest, to hint, to repeat, to reiterate, to confirm, to whisper, to mumble, to murmur, to mutter, to call, to shout, to yell, to scream, to shriek, to chatter, to stammer, to stutter, to splutter, to slur, to chat, to gossip, to natter, to converse, to discuss, to debate, to negotiate, to confer, to advise, to communicate, to explain, to describe, to relate, to recount, to report, to inform, to announce, to convey, to reveal, to confide, to leak.

Но не только лексические средства широко используются для обозначения процесса говорения, но и фразеологические. Фразеологизмы представляют собой особый интерес для раскрытия полной картины речевых процессов в английском языке. Фразеологизмы отражают историю народа, образ жизни и национальный менталитет, «его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство» [3, с. 106].

Фразеологические единицы как единицы языка, заключающие в себе высокое культурно-ценностное и эмоциональное наполнение, можно определить как хранилище культурно-ценностных представлений языковой личности об окружающей картине мира [3, с. 106].

Фразеологизмы придают речи выразительности, эмоциональности, колоритности. Данные единицы речи способствуют более эффективному отражению чувств и эмоций человека в процессе коммуникации, а также в раскрытии его внутреннего мира через те средства выражения, которыми он пользуется в речи. В связи с этим изучение фразеологических единиц, обозначающих процесс речепроизводства, является актуальным.

Устойчивость и целостность значения является отличительной особенностью фразеологических единиц, таким образом, фразеологизм выступает в виде семантически-неделимой речевой единицы [4, с. 24]. Следует отметить, что фразеологизмы являются активной частью обогащения языка и обновления его словарного состава. Они служат основой для образования новых выражений, новых значений, их используют в разных стилях речи, что усиливает влияние на адресата речевого акта в том или ином контексте и стиле речи.

В своем труде В. В. Виноградов отметил, что, согласно классификации А. В. Кунина, принято выделять следующие четыре основных вида фразеологизмов [2, с. 146]:

1) **фразеологические сращения (идиомы)**, представляющие собой речевой оборот, значение которого не определяется

значением входящих в него слов, где нельзя переставлять слова местами или менять их на какие-либо другие (*to put smb. in the picture* – ‘вводить в курс дела / держать в курсе дела’; *to shoot the bull* – ‘болтать, трепать языком, трепаться; хвастать’, «заливать»);

2) **фразеологические единства**, устойчивые образные обороты, внутри которых сохранены признаки раздельности компонентов, когда каждое слово, входящее в их состав, имеет своё значение, но вместе выражения приобретают новый смысл (*to praise smb/smith. to the skies* – ‘расхвалить, превозносить кого-либо / что-либо до небес’);

3) **фразеологические сочетания**, значения которых складывается из значений составляющих его слов, как со свободным значением, так и с несвободным (т.е. употребляющиеся только в конкретном сочетании) (*to scream one's lungs out* – ‘кричать, орать’);

4) **фразеологические выражения**, устойчивые членимые конструкции, состоящие из слов со свободным значением, которые используются как готовые единицы речи с постоянным составом (*to tell it to Sweeney, to tell it to the marines* – ‘расскажи это кому-нибудь другому’, ‘я не верю’).

Взгляды лингвистов касательно групп фразеологизмов расходятся: некоторые исследователи ставят знак равенства между идиомами и остальными видами фразеологических единиц; А. И. Смирницкий, в свою очередь, разделяет идиомы на эмоционально-экспрессивно окрашенные единицы и непосредственно-фразеологические единицы – устойчивые сочетания, не обладающие эмоциональной маркированностью; И. В. Арнольд полагает, что термин «фразеологическая единица» относится только к «устойчивым выражениям, которые являются экспрессивными и эмоционально окрашенными» [1, с. 202]; Н. Н. Амосова настаивает на том, что этот термин применим только к тому, что она называет «устойчивые контекстуальные единицы», т.е. единицы, в которых невозможно заменить ни один из имеющихся компонентов, без того, чтобы не изменить значение не только всего единства, но также и тех элементов, которые остаются неповрежденными [3, с. 107].

На наш взгляд, во всем массиве фразеологических единиц английского языка можно выделить следующие группы фразеологизмов и фразовых глаголов:

1. **Фразеологизмы категории «мелиоративность»:** *to praise smb / smth to the skies* – ‘расхвалить, превозносить кого-либо / что-либо до небес’; *to keep it under one's hat* – ‘промолчать, сохранить в секрете’; *to keep schtum* – ‘промолчать, ничего не говорить’; *to*

put smb in the picture – ‘объяснить что-либо’; *to be in talks* – ‘вести переговоры’.

2. Фразеологизмы категории «нейоративность»: *to chew the fat (rag)* – ‘брюзжать, ворчать, ворчливо твердить об одном и том же’, «пилиль»; *to blow sth. sky-high* – ‘подвергнуть что-либо уничтожающей критике, разнести в пух и прах, не оставить камня на камне (от чьей-либо аргументации)’; *to run the gauntlet* – ‘подвергать жесткой критике, ожесточенным нападкам, сделать предметом насмешек’; *to bandy words* – ‘перебраниваться, препираться, обмениваться колкостями’; *to talk shop* – ‘болтать о работе’; *to talk nineteen to the dozen* – ‘говорить взхлеб, без остановки’; *to talk nonsense* – ‘нести чушь’; *to tell somebody where to get off* – ‘поставить на место’; *to tell tales out of school* – ‘рассказывать секреты, выносить сор из избы’; *to tell somebody a thing or two* – ‘сказать пару теплых слов’; *kiss and tell* – ‘рассказать секрет’; *to let the cat out of the bag* – ‘проговориться’; *to spill the beans* – ‘проболтаться’; *to give the game away* – ‘проболтаться’; *to break the news* – ‘сказать плохие вести’; *to let it slip* – ‘проболтаться’; *to talk through one’s hat* – ‘нести чушь, пороть чепуху’; *to talk turkey* – ‘поговорить с кем-либо со всей откровенностью’; *to talk in one’s sleep* – ‘бормотать, говорить во сне’; *to tell it to Sweeney*, *to tell it to the marines* – ‘расскажи это кому-нибудь другому, я не верю’; *to tell a thing or two* – ‘говорить прямо или сердитыми словами, ругать’; *to tell one where to head in* – ‘отругать’; *to speak through one’s nose* – ‘говорить невнятно’; *to talk a great deal* – ‘наговаривать’; *to talk bawdy* – ‘говорить непристойные вещи’; *to talk by the hour* – ‘болтать без умолку, тараторить’; *to talk oneself sick / hoarse* – ‘жаловаться, разговориться до хрипоты’; *to talk scandal / treason* – ‘распускать слухи’; *to shoot the bull* – ‘сплетничать’.

3. Фразеологизмы с нейтральной коннотацией, обусловленной контекстом: *to speak one’s mind* – ‘высказать свою точку зрения’; *to tell about the birds and the bees* – ‘говорить общепризнанные факты’.

4. Нейтральные текстообразующие фразеологизмы: *all told* – ‘в общей сложности’; *to put it in a nutshell* – ‘короче говоря’; *to say the least* – ‘мягко выражаясь (по меньшей мере)’.

Одной из фразеологических групп английского языка считаются фразовые глаголы, сложные лексические единицы, состоящие из смыслового глагола и послелого, выраженного предлогом, которые также можно выделить в следующие группы:

1. Фразовые глаголы категории «мелиоративность»: *to talk up* – ‘хвалить, расхваливать, выступать в поддержку чего-либо’;

to run through smth again – ‘повторить что-либо снова, прокрутить снова’; *to speak up* – ‘говорить громко, отчетливо’; *to pass on* – ‘передать сообщение, чьи-то слова’.

2. Фразовые глаголы категории «пейоративность»: *to talk back* – ‘возражать, дерзить, спорить’; *to talk down to* – ‘говорить снисходительно с (кем-л.); показывать своё превосходство над кем-либо’; *to tell off* – ‘ругать; отчитывать, бранить, разносить’; *to answer back* – ‘ответить грубо, дерзить, огрызаться’; *to get back to smb* – ‘ответить с опозданием’; *to call out* – ‘выкрикнуть’; *tell against* – ‘свидетельствовать против’; *to prattle on* – ‘лепетать, торохтеть’; *to rabbit on* – ‘щебетать, лепетать’; *to babble out* – ‘проговориться’.

3. Фразовые глаголы с исходной нейтральной, контекстуально-зависимой коннотацией,: *to talk into* – ‘переубеждать кого-л. сделать что-л.’; *to talk out of* – ‘отговорить от чего-либо, разубедить’; *to talk over* – ‘обсудить (подробно); дискутировать’; *to talk round* – ‘уговорить кого-либо, изменить точку зрения’; *to call on, to appeal for smth* – ‘призвать’; *to point out* – ‘указать’ [7].

Говоря о фразовых глаголах как части фразеологической системы английского языка, такие лингвисты, как А. И. Смирницкий, И. В. Арнольд, Н. Н. Амосова, рассматривали вопрос о сущности и объеме понятия фразового глагола, а именно, к какому из видов фразем стоит причислить фразовые глаголы, а также исследовали вопрос о том, что следует определять термином «фразеологическая единица».

Фразовый глагол во многом обеспечивает успешность коммуникации за счет своей эмоциональной экспрессивности и расширенных семантических возможностей, наряду с лаконичностью. Таким образом, фразовые глаголы носят в рамках английской фраземики двойную роль: могут быть причислены как к идиомам, за счет своей образности и в то же время лаконичности при передаче информации, так и к фразеологическим единствам, вследствие особенностей своей грамматической структуры [3, с. 106].

Таким образом, из приведенных выше примеров следует вывод, что изучение не только лексических, но и фразеологических единиц речепроизводства является необходимым для изучения лексико-семантического поля говорения, категории мелиоративности и пейоративности. Изучение глаголов говорения во фразеологической системе языка позволяет значительно расширить представление о том, как процесс говорения отражен в английском языке, о цели употребления и значении фразеологизмов речепроизводства, увидеть различные нюансы

и характеристики процесса говорения, заложенные в богатом, объемном и образном значении перформативных единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие / И. В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 376 с.
2. Виноградов. В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 140-161.
3. Дмитриева О. П. Фразовый глагол как часть фразеологической системы английского языка / О. П. Дмитриева // Филологические науки. Вопросы теории и практики № 8(62): в 2-х ч. Ч. 1. – Тамбов : Грамота, 2016. – С. 106–109.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М. : Высш. шк. ; Дубна : Феникс, 1996. – 381 с.
5. Сазыкина М. И. Семантические особенности глаголов речи в современном английском языке [Электронный ресурс] / М. И. Сазыкина. – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/20_PNR_2011/Philologia/3_90385.doc.htm
6. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/performativ/?q=486&n=2227>
7. Macmillan English Dictionary for advanced learners. Second edition. – UK : Macmillan Publishers Limited, 2007. – 1748 с.

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А., Мухина Д. С. Перформативное употребление лексических и фразеологических единиц со значением «говорение»

Статья рассматривает такой важный аспект деятельности, как говорение и способы его выражения в английском языке. В статье предпринята попытка показать, что всестороннее изучение процесса говорения является плодотворным только с учетом лексического и фразеологического уровней языка. Фразовые глаголы говорения рассматриваются как промежуточные единицы с неопределенным лингвистическим статусом.

Ключевые слова: глаголы говорения, лексическая единица, фразеологическая единица, мелиоративность, пейоративность.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Mukhina D. S. The performative use of lexical and phraseological units with the meaning “speaking”

The article deals with such important aspect of human activity as speaking and ways of its expression in the English language. The article attempts to show that a comprehensive study of the speaking process is fruitful only taking into account the lexical and phraseological levels of its realization. Such a peculiar part of the lexical word-stock as phrasal verbs of speaking are regarded as units with uncertain linguistic status.

Key words: verbs of speaking, lexical unit, phraseological unit, melioration, pejoration.

*Н. А. Иванова
(Горловка, ДНР)*

УДК 81'255.4

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОМИНАЛИЗАЦИИ И ВЕРБАЛИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В свете современной теории перевода проблема выбора стратегий достижения эквивалентности при передаче речевых единиц является чрезвычайно актуальной из-за различной выборочной способности языков, которую понимают как неодинаковое оформление информации о реальности. Номинализация и вербализация структуры русского предложения в процессе перевода художественного произведения на английский язык является недостаточно исследованным явлением, поэтому главным аспектом, требующим изучения, является описание этих трансформаций как с грамматической, так и из лексической точки зрения, а также определение основных причин и условий их применения.

Грамматические факторы использования трансформации вербализации обусловлены отсутствием в языках оригинала и перевода аналогичных языковых форм. В предложениях английского языка можно часто встретить личные и безличные формы глагола, тогда как русский язык является менее вербальным с грамматической точки зрения. При переводе с русского языка на английский, без учета этой особенности, возникает значительное количество интерференционных ошибок,

к примеру, чрезмерное использование глагольных форм или их смысловой и стилистический недостаток [6, с. 117].

Лексические факторы касаются различий в понимании и отражении реальности между английской и русской культурами, и, как следствие, наблюдается разное использование лексических и грамматических элементов. Многозначность слов в английском и русском языках также вызывает некоторые затруднения при переводе, и ее принято относить к лексическим факторам использования вербализации.

Жанрово-стилистические же факторы отображают отличия между стилевой и жанровой вариативностью английского и русского языков. В ходе исследований было замечено, что, даже имея в распоряжении одинаковые средства выражения в языке оригинала и перевода, не всегда удастся их использовать из-за отсутствия стилистической или жанровой эквивалентности [5].

Помимо этих трех факторов можно выделить и коммуникативно-переводческие. К ним относятся прагматические и индивидуально-переводческие особенности передачи информации оригинала на язык перевода. Оба этих фактора объясняют адаптацию текста для целевой аудитории, однако, если в первом случае выбор средств выражения включает еще и добавление дополнительных элементов (реже исключение), то во втором случае выбор форм слова остается непосредственно за переводчиком и не имеет основательных изменений в структуре предложения [8, с. 74].

Чаще всего трансформация вербализации применяется при отсутствии эквивалентных элементов, а также из-за расхождений грамматических структур в языках оригинала и перевода; то есть, в целом, учитываются только грамматические обстоятельства. Остальным факторам требуется уделить особое внимание при работе с художественными материалами, так как они требуют особенно тщательного соблюдения лексических, жанрово-стилистических и коммуникативных условий, имея широкую целевую аудиторию, определенные коммуникативные цели и обширное поле обрабатываемой информации.

По мнению В. И. Карабана, трансформация вербализации структуры предложения подразумевает появление в переведенном предложении личных и безличных глагольных форм или же увеличение их количества по сравнению с оригинальным предложением. Соответственно, происходит уменьшение количества именных форм [6, с. 182-183].

О. В. Борисова выделяет два типа трансформации вербализации:

1) трансформация вербализации в переводе эксплицитных слов и словосочетаний (включает такие виды, как вербализация существительных, прилагательных, безличных форм глагола, деепричастий);

2) экспликация-вербализация при передаче имплицитных глагольных сем (подразумевает структурный и контекстуальный тип) [2, с. 8].

При сопоставлении текстов русских сказок и их англоязычных переводов нами были выявлены такие случаи использования трансформации вербализации структуры предложения:

- Замена прилагательного на причастие:

*Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою **рябую** корову, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать.* – *Sometimes Wee Little Havroshechka would go out into the field, put her arms round the neck of her **brindled** cow and pour out all her sorrows to her.*

- Замена существительного личной формой глагола:

*Перед **смертью** пусти меня на речку сходить, водицы испить.* – *Ivanushka asked the merchant if he could go to the river for one last drink before he **died**.*

*А в лесу **стук, гром, свист**, чепена лес освещают.* – *It **crashed** and it **banged** and it **whistled** in the forest, and a weird light shone from the skull, hanging round.*

- Замена существительного на деепричастие:

*Хочу посмотреть, которая из ваших жён лучшая **рукодельница**.* – *I want to see which of your wives is **most skilled** with her needle.*

Номинализация как один из видов грамматических трансформаций означает расширение употребления именных форм за счет уменьшения частоты употребления смысловых глаголов, глагольных словосочетаний и наречий [4].

Многие исследователи английского и русского языков определяют, что, хотя русский язык более номинативный, чем английский [1, с. 72], однако, существуют определенные случаи, когда в переводе с русского языка на английский номинализируются полностью или частично именно русскоязычные синтаксические структуры, и это свидетельствует о том, что на некоторых языковых участках английский язык более номинативный, чем русский.

Причины применения трансформации номинализации при переводе с русского языка на английский можно разделить на: грамматические, словообразовательные, жанрово-стилистические и речевые. Грамматические причины связаны прежде всего с тенденцией английского языка к компрессии

синтаксических структур [3, с. 154]. То есть, там, где в русскоязычном тексте оригинала используются более развернутые синтаксические структуры с глагольным центром, в английском языке они переданы придаточными предложениями и другими синтаксическими конструкциями.

Словообразовательные причины использования номинализации при переводе зависят от морфологических различий между русским и английским языками, то есть от аналитического строения английского языка и синтетического – русского языка. В русском языке существует тенденция к основному акценту при построении речевых актов на слове, которое является основой для образования большого количества суффиксов и приставок, которые добавляют образующей основе глагола те или иные смысловые оттенки. Поскольку среди словообразовательных ресурсов аналитического английского языка в основном не существует эквивалентов русским суффиксам и приставкам, переводчик использует различные синтаксические и лексические средства [7, с. 118].

Речевые причины применения трансформации номинализации в русско-английском переводе также могут быть обусловлены культурно-системными различиями между английским и русским языками. Так, для аналитического английского языка с его тяготением к глагольной структуризации синтаксиса предложения характерно наличие устойчивых глагольных усилительных конструкций, которые не присущи синтетическому русскому языку, а потому в переводе они часто трансформируются в более номинативные средства воспроизведения эмфазы.

При анализе практического материала мы обнаружили следующие случаи использования трансформации номинализации структуры перевода:

- Замена инфинитива на существительное:

Перед смертью пусть меня на речку сходить, водицы испить. – *Ivanushka asked the merchant if he could go to the river for one last drink before he died.*

- Замена инфинитива на прилагательное:

Сколько ни бился, ни метался Кощей, сломал Иван-царевич у иглы конец, пришлось Кошею помереть. – *Prince Ivan broke off the point of the needle and Koshchei fell down dead.*

- Замена личной формы глагола на прилагательное:

А Марьюшка stout да молчит. – *But his youngest daughter Maryushka stood silent.*

- Замена личной формы глагола на существительное:

*Не бойся, Марьюшка, иди вперед. Будет еще страшнее, а ты иди и иди, не оглядываясь. – Have **no fear**, Maryushka, it will be still worse farther on, but go on and on and do not look back.*

*А те невестки, сперва-то **смеялись** над лягушкой, а теперь послали одну бабушку-задворенку, посмотреть, как лягушка будет печь хлеб. – Now those other daughters-in-law had made **fun** of the frog at first, but this time they sent an old henwife to see how the frog baked her bread.*

*А за ним другой заяц **гонится**, нагнал и в клочки разорвал. – The other hare, whose life Prince Ivan had spared, gave **chase**, caught it and tore it to bits.*

Таким образом, учитывая особенности художественного стиля, грамматические изменения являются значительным вспомогательным инструментом при переводе фольклорных произведений. Выбор трансформаций зависит от профессионализма переводчика, а опыт многих переводоведов убеждает в практичности употребления трансформаций как по отношению к языку перевода, так и в отношении переводческой деятельности в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин. – М. : Просвещение, 1989. – 254 с.
2. Борисова О. В. Трансформація вербалізації в англо-українському перекладі : автореф. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.02.16 / О. В. Борисова. – К., 2013. – 17 с.
3. Вейхман Г. А. Новое в грамматике современного английского языка: Учебное пособие для вузов / Г. А. Вейхман. – М. : ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2002. – 544 с.
4. Илькун А. В. Экспрессивность. Способы передачи экспрессивности при переводе общественно-политических текстов [Электронный ресурс] / А. В. Илькун, Е. Д. Лазицкая // Электронный журнал «Молодежный вестник ИрГТУ». – Сер. Гуманитарные науки. – 2012. – №3. – Режим доступа : <http://investnik.istu.irk.ru/?ru/journals/2012/03/articles/16/start>
5. Карабан В. І. Переклад англійської наукової і технічної літератури [Електронний ресурс]: Посібник-довідник / Карабан В. І. – Ч. 1. – М., 1997. – 317 с. – Режим доступа: http://npu.edu.ua/!e-book/book/djvu/A/iif_kgpm_karaban.pdf
6. Карабан В. І. Теорія і практика перекладу з української мови на англійську [укр./англ.] / В. І. Карабан. – Вінниця : Нова Книга, 2003. – 608 с.

7. Кузьміна К. А. Трансформація номіналізації в англо-українському та українсько-англійському напрямках перекладу: дис... канд. філол. наук: 10.02.16 / К. А. Кузьміна. – К., 2014. – 227 с.
8. Паршин А. Теория и практика перевода / А. Паршин. – СПб. : СГУ, 1999. – 117 с.

АННОТАЦИЯ

Иванова Н. А. Особенности использования номинализации и вербализации структуры предложения при переводе русских народных сказок на английский язык

Статья посвящена проблеме использования приемов вербализации и номинализации структуры предложения при переводе русских народных сказок на английский язык. Особое внимание уделяется лексическим, грамматическим, жанрово-стилистическим и коммуникативно-прагматическим факторам, которые влияют на особенности употребления вышеуказанных видов грамматических трансформаций при передаче русскоязычных грамматических категорий и форм в языке перевода.

Ключевые слова: номинализация, вербализация, фоновые знания, компрессия синтаксических структур.

SUMMARY

Ivanova N. A. Peculiar features of nominalization and verbalization of the sentence structure when translating Russian folk tales into English

The article deals with the problem of using the transformations of verbalization and nominalization of the structure of the sentence when translating Russian folk tales into English. Special attention is paid to lexical, grammatical, stylistic and communicative-pragmatic factors which influence the use of the above types of grammatical transformations while rendering the Russian grammatical categories and forms into the target language.

Key words: nominalization, verbalization, background knowledge, compression of syntactic structures.

УДК 811.161.1'37'38:32-1

СЕМАНТИКА И СТИЛИСТИКА НАЗВАНИЙ РОДСТВА В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ СУБПРОСТРАНСТВЕ XIX ВЕКА (на материале произведений А.С. Пушкина)

В поэтическом тексте словесные знаки создают симбиоз нравственного, эстетического и общественного идеалов во взаимоотношениях людей в то или иное конкретно-историческое время. Творчество основоположника русского литературного языка А.С. Пушкина связано с периодом культурной жизни в России, когда начала проявлять себя тенденция «национализации русского литературного языка», которая «обязывала к выработке языка светского общежития» [2, с. 49]. Именно язык Пушкина стал синтезом русской национально-языковой культуры, стал высшим воплощением национально-языковой нормы в области художественного слова. При этом не следует забывать, что поэту, «как никому другому, удалось осуществить синтез противоположностей: идеала и реальности, западничества и славянофильства, общечеловеческого и национального, России и Европы» [7, с. 34]. Эту тенденцию отслеживаем и на материале функционально-стилевой, содержательно-информационной нагрузки названий родства (далее – НР) в творчестве основоположника русского литературного языка – А.С. Пушкина, поэтический язык которого стал сегментом русского общелитературного лексикона.

Изучение языка А.С. Пушкина дает возможность не только раскрыть своеобразие его индивидуально-авторского стиля, понять особенности развития русского литературного языка, но и постичь глубину русской и мировой культуры, что подтверждает Ю.М. Лотман, назвавший его «первым писателем, участвующим не только в русском, но и в мировом литературном (и шире – культурном) процессе» [3].

Особенности языкового творчества А.С. Пушкина были в работах Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Е.Ф. Карского, Б.В. Томашевского, Л.А. Булаховского, И.С. Ильинского, Г.А. Гуковского, М.П. Алексева, Ю.М. Лотмана, В.В. Набокова, В.В. Макарова, В.А. Малаховского, В.Г. Гака, В.В. Макарова, М.В. Кашковской, А.Д. Григорьева, В.А. Гречко, Е.В. Савиной, Е.В. Макеевой, С.В. Горбуновой, Г.Ф. Ковалева, С.В. Рымарь, Е.С. Обуховой, Н.В. Ланге, Е.В. Кончаковой и др.

В системе устойчивых лексико-семантических признаков языкового творчества А. Пушкина определенное место занимают НР как показатели антропоцентричности, функционального проявления национального, взаимодействия общепотребительного и индивидуально-авторского, информационного, понятийного и образно-эстетического. Однако среди значительного количества работ, посвященных языку А.С. Пушкина, лишь Е.В. Соловьева рассматривала использование НР в качестве обращений в его прозаических текстах [6]. Вне поля зрения ученых остались образно-эстетические модели функционирования НР в русском поэтическом языке первой трети XIX века, тенденции обновления, модификации стилистической нагрузки одной из основополагающих и широко употребляемых лексико-тематических групп повседневной речи, что и обуславливает **научную новизну** нашей работы.

Цель нашего исследования – представить объем, употребительность, общую и индивидуально-авторскую функционально-стилевую модификацию НР в поэтическом языке А.С. Пушкина, которую обобщают смоделированные концептуальные цепочки.

Актуальность исследования именно НР в поэтическом языке начала XIX века на материале поэтических произведений А.С. Пушкина связываем с отслеживанием тенденций структурно-семантических изменений НР как носителей мифопоэтической, народно-разговорной, народно-обрядовой и литературной концепций русской картины мира, которые в некоторой степени аккумулирует поэтическое субпространство. В связи с отмеченным ракурсом исследования рассматриваем концептуальную трансформацию содержания НР в художественном тексте как начальный период становления современного русского литературного языка и его словесно-образной парадигмы.

Материалом исследования стали поэтические контексты А.С. Пушкина, в которых отмечены номинативные и собственно образно-речевые функции НР.

Основу методики анализа составило установление типологии концептуальных цепочек, в которых может быть ведущим или одно (в нашем случае – название родства), или два (концепты одной парадигмы либо отличных лексико-семантических парадигм) понятия. Между ними устанавливаются стойкие семантические отношения, выражающие в результате их раскодирования и ценностно-аксиологическое наполнение высказывания в целом. Дополнительные знаки $\leftrightarrow$, $\leftarrow$, $\rightarrow$, $=$ указывают направления семантического взаимодействия составляющих высказывания (корреляция, отождествление, следствие и т.п.).

Стоит учесть, что в силу своей функциональной нагрузки НР представили в литературной практике такую группу лексем, которая объединена понятием «славянизм», славянизм разговорный; НР вовлечены в стиль Пушкина и в структуре галлицизмов (метафорические переносные употребления). Своим творчеством А.С. Пушкин доказал, что «глубокие чувства» и «поэтические мысли» могут быть литературно выражены самой простой, народной речью, «языком честного простолюдина» [1, с. 201]. Отчасти эту функцию выполнили НР, выступившие в роли «прозаизмов», привнесших в высокую поэтическую речь начала XIX века социально-бытовое содержание, иную сюжетность, иной тон.

В поэтическом субпространстве А.С. Пушкина, как показывает авторская лексикография (Словарь языка Пушкина: в 4-х томах, 1-е издание (М., 1956 – 1961) – далее – СЯП; Меньшиков И.И., Мордань В.И., Подмогильная Н.В. Поэтическое слово Пушкина. Словарь (Днепропетровск, 1999. 325 с.) – далее – ПСП), зафиксированы 42 номинации НР: *бабка, бабушка, брат, братец, деде, дедушка, дети, детки, детушки, дитя, дитятко, дочь, дочер, дочка, дщерь, дядя, дядюшка, жена, жонка, мать, матушка, мать, мачеха (мачиха), маменька (маминька), муж, отец, папа, папенька (папинька), семейство, семья, сестра, сестрица, супруг, супруга, супруги, сын, тесть, тетинька, тетка, тетушка, теща, тятя*.

Согласно указанным лексикографическим источникам, наиболее употребительными в словаре произведений А.С. Пушкина являются следующие НР: *отец, жена, сын, брат, дочь, мать, муж, дети, сестра, семейство*. Поэтому дальнейший анализ концептуальной трансформации мифопоэтического содержания НР в художественном тексте периода становления современного русского литературного языка будет опираться именно на функционально-стилистическую роль этих ядерных поэтизмов.

Так, относительно художественно-образной нагрузки НР *отец* в поэзии А.С. Пушкина отмечаем, что в романтическом ключе прежде всего подчеркнуты сила и героизм поведения главы рода как воина, ср.: *Гроза луны, свободы воин, / Покрытый кровию святой, / Чудесный твой отец, преступник и герой, / И ужаса людей, и славы был достоин; Не два волка в овраге грызутся, / Отец с сыном в пещере бранятся*. Приведенные отрывки выразительно свидетельствуют о конкуренции в языке Пушкина двух стихий: риторической возвышенной (подражание французской поэтической манере) и сниженной просторечной (тут еще – народно-песенной, обратите внимание на соответствующий

этой манере параллелизм). Такими же контрастными представлены и образы отца. Также отмечаем конкуренцию двух концептуальных цепочек: 1) {[война] [отец-воин : отец-командир] [отец] /чудесный/}; 2) {[отец] ↔ [волок] ↔ [сын]}.

Поведение сына относительно отца может быть таковым, что сын может не пощадить родителя ({[сын] → [СМЕРТЬ] → [отец]}): *Сын бегом в пещеру воротился; / Его мать вышла ему навстречу. [...] / Догадалась она, завопила: / «Будь же богом проклят ты, черный, / Коль убил ты отца родного!»*. В иных ситуациях (например, длительного расставания) сын обращается к отцу с молитвой-благодарением ({[сын] → [МОЛИТВА : забота] → [отец]}): *В сиянье, в радостном покое, / У трона вечного творца, / С улыбкой он глядит в изгнание земное, / Благословляет мать и молит за отца*.

В поэтических контекстах А.С. Пушкина со словесным образом отца связаны эпитетные определения – *бедный, блаженный, добрый, дорогой, достойный, недовольный, ожесточенный, печальный, простой, родной, святой, скорбный, согласный, стареющий, сумрачный, увлеченный, чадолюбивый, чихоточный, чудесный и др.* [4, с. 52]. Отмечаем, что не во всех контекстах НР *отец* имеет атрибут: на тот или иной его конкретно-текстовый образ указывает более широкий контекст. Например, НР «отец» употребляется без эпитета, а на признаки персонажа указывает вторичная номинация, ср.: *Короля внезапный обнял холод: / Тут же видит он отца и брата. / Пред султаном старик бедный справа, / Униженно стоя на коленях, / Подает ему свою корону*.

По нашим наблюдениям, в ближайшем контекстном употреблении часто оказываются НР *жена – дети*: *Заступник кнута и плети, / О знаменитые князья, / За них жена моя и дети / Вам благодарны, как и я*. Средством интимизации выступает также местоименный эпитет *моя*. Внешний словесный образ жены конкретизируют эпитеты *смирренная, величаяя, гордая: Смирренная, одетая убого, / Но видом величаяя жена / Над школою надзор хранила строг; К неверной славе я хладею; / И по привычке лишь одной / Лениво волочусь за нею, / Как муж за гордою женой*. Но, как свидетельствует ПСП, эпитетный ряд могут продолжить, кроме приведенных, определения *бедная, благодарная, великая, верная, красная, молодая, испорченная, обреченная, окруженная, отличенная, полная, равная, святая, слабая, степенная, увенчанная, умная, утомленная, чернобровая, чистая, юная и др.* [4, с. 47].

НР *муж* и *жена* взаимосвязаны посредством концепта ВЕРА-ДУХ. В одном из произведений в песенно-романтическом ключе

супруги смотрят в окно, где видят храм, свет, свою судьбу: *Наконец он на родину воротился / И вошел в церковь святого Спаса. / Там день целый он молился богу, / Горько плача и жалостно рыдая. / Ночью он пришел к себе на дом / И отужинал со своею семьею, / Потом лег и жене своей молвил: / «Посмотри, жена, ты в окошко. / Видишь и церковь Спаса отселе?» [...] Помолвишись, он опять ей молвил: / «Посмотри, что ты видишь в окошко?» / И жена, поглядев, отвечала: / «Вижу, вон, малый огонечек / Чуть-чуть брезжит в темноте за рекою». [...] И жена, поглядев, отвечала: / «Вижу я на реке сиянье, / Близится оно к нашему дому». / Бей вздохнул и с постели свалился. / Тут и смерть ему приключилась.* Контекстную семантику отражает концептуальная цепочка {муж} ↔ [ВЕРА-ДУХ] ↔ [жена]}.

Традиционный постулат «жена – оплот ВЕРЫ в семье» трансформирует в поэзии А.С. Пушкина следующая сентенция: *О, расскажи ж ты мне, как жены там умеют / С любовью набожность умильно сочетать, / Из-под мантильи знак условный подавать; / Скажи, как падает письмо из-за решетки, / Как златом усыплен надзор угрюмой тетки; / Скажи, как в двадцать лет любовник под окном / Трепещет и кипит, окутанный плащом.*

В русском литературном языке времен Пушкина активно функционировали и славянизмы *супруг – супруга*. Именно их внутренняя форма сохраняет сему 'пара, соединенная венцом' = 'сопряженный браком, муж и жена, повенчанная чета'. Если представитель мужского пола охарактеризован в языке поэзии со стороны физического (*мертвый, молодой, почтенный, уснувший*), психологического (*дорогой, злобный, лукавый, ревнивый, счастливый, хороший*) восприятия, то поэтический образ супруги связан с большим акцентом на внешности женщины (*белоглавая, дородная, покрытая*), ее физического состояния (*молодая, юная*), психологических качеств (*верная, не верная; любезная, милая, печальная*) [4, с. 116]. Хотя СЯП не дает стилистической пометы к этим НР, однако выразительна высокая, официальная стилистическая коннотация, принадлежность к книжному (теперь архаическому) лексикону.

Среди шести морфологических и грамматических форм НР «дети» наиболее употребительным являются именно *дети* (209) – *дитя* (68). В значении 'сын или дочь'. По данным ПСП, эпитетные определения сосредоточены в семантических группах: физическое состояние (*нездоровый, утомленный, слабый*), двигательная активность (*играющий, резвый*), морально-этическое (*балованный*), психологическое восприятие (*беспечный, бессмысленный, благодарный, крылатый, любимый / нелюбимый*,

милый, ничтожный, послушный, прелестный, самолюбивый, спесивый), возраст (малое), близость, родственные отношения (родной) [ПСПС, с. 41]. Как и в поэтическом употреблении других НР, поэтизм «дитя» сопровождается интимизированный эпитетом-местоимением: *Ты спишь, дитя, мое мученье, Не знаешь горестей моих – / Откроешь очи и тоскуя / Ко груди не прильнешь моей, / Не встретишь завтра поцелуя / Несчастной матери твоей; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; Не ты ли, мое детище? не ты ли, мой Степушка?; В казармах содержалась уже несколько месяцев казачка Софья Пугачева, с тремя своими детьми.*

В прозе и в эпической поэзии А.С. Пушкина зафиксировано и употребление НР «дети» с семантикой ‘сын с его невестой (или женой) или дочь с её женихом (или мужем)’. Номинативная роль такого НР проявляется в народно-разговорном, ритуально-обрядовом и повседневно-бытовом контекстах: *Ну, дети, поцелуйтесь и будьте счастливы; Просим оба разрешения, / Твоего благословенья: / Ты детёй благослови / Жить в совете и любви; «Вставай, Земфира: солнце всходит, Проснись, мой гость! пора, пора!.. Оставьте, дёти, ложе неги!..».*

Словесно-образное употребление НР «сын» в поэтическом субпространстве А.С. Пушкина можно дифференцировать по нескольким семантическим признакам. Во-первых, возраст и старшинство в семье ({[сын] → [ОПОРА] → [отец]}): *Опора милая стареющих отцов, / Младые сыновья, товарищи трудов, / Из хижины родной идут собой умножить / Дворовые толпы измученных рабов.* Понятно, что определенный контекст может и не иметь дополнительных коннотаций относительно старшего по возрасту сына, а лишь указывать на общий признак: *В пятый день старший сын обезумел, / Стал глядеть он на мертвую мать / Будто волк на спящую козу.*

Во-вторых, психологическое восприятие – общее позитивное (Где иногда, в своей пустыне / Забыв войну, потомство, трон, / Один, один о милом сыне / В унынье горьком думал он). Согласно материалам словаря «Поэтическое слово Пушкина», именно эпитеты с семантическим признаком психологического состояния человека преобладают в поэтическом субпространстве пушкинских произведений: *беззаботный, беспечный, блестящий, вдохновенный, веселый, гордый, милый, нежный, озлобленный, послушный, равнодушный* и т. п. [4, с. 116-117].

В-третьих же, особенности характера и физических данных: *Раевский, молодец прежний, / А там уже отважный сын, / И Пушкин, школьник неприлежный / Парнасских девственниц-богинь, / К тебе, Жуковский, заезжали.*

Как показывает материал, НР «сын» сопровождают эпитеты, связанные с характеристикой физического (*больной, дряхлый, могучий* и др.) и материального состояния человека (*бедный*).

В традиционном народно-повествовательном ключе представлена эмоционально-оценочная сентенция ({[сын] = [РАДОСТЬ]}): *В славной в Муромской земле, / В Карачарове селе / Жил-был дьяк с своей дьячихой. / Под конец их жизни тихой / Бог отраду им послал – / Сына им он даровал.*

В тех микроконтекстных ситуациях, когда поэт стилизует эпический рассказ, более уместными становятся употребления НР «брат» в сочетании с понятийными эпитетами: *Сей свиток драгоценный, / Веками сбереженный, / От члена русских сил, / Двоюродного брата, / Драгунского солдата / Я даром получил; Закричал он старшему брату: / «Милый брат! не губи свою душу; / Ты напейся горячей моей крови, / А умрем мы голодную смертью, / Станем мы выходить из могилы / Кровь сосать наших недругов спящих!».*

Наиболее распространенным структурно-семантическим признаком того, что в поэтическом контексте речь идет именно о брате по крови, являются интимизирующие эпитеты – *свой, мой, твой*: *И меня **братья мои** любили, / И мне всякую оказывали милость.* Среди эпитетов-прилагательных к НР брат наиболее употребляемым является – *милый*: *Но где же он, **твой милый брат**, / Недавний рекрут Гименея?* А. Пушкин из общеупотребительных фразеологических выражений для уточнения семантики слова «брат» обращается к таким: *Я жду тебя. / Тебя со мною / Обнимет в сельском шалаше / **Мой брат по крови**, по душе, / Шалун, замеченный тобою; Жили вместе два **братца родные**: / Один Павел, а другой Радула; В церкви Спаса они братовались / И были **по богу братья**; / Но Кирила несчастливый умер / От руки им избранного брата.*

По данным ПСП, с НР «брат» также связаны эпитеты со значением: физического (*безмолвный, бледный, больной, большой, живой, здоровый, маленький, метрвый, могущий*), психологического состояния или восприятия его (*верный, бедный, коварный, любезный, любимый, милый, неблагодарный, несчастный, одинокий, прославленный, родимый, суровый, строгий, удалой* и др.), по особенностям внешности (*курчавый*) [4, с. 23].

Один из немногих словесных оборотов – использование народно-песенного параллелизма «дубочки – братья» ({[дуб] = [СИЛА] → [братья]}): *Два **дубочка** выросли рядом, / Между ними тонковерхая елка. / **Не два дуба** рядом выросли, / Жили вместе **два братца родные**: / Один Павел, а другой Радула.*

Не чужда и рецепция библейского выражения «Пусть каждый остерегается ближнего своего и не доверяет никому из братьев своих, ибо всюду брат предаёт брата и ближний клеветает на ближнего» (Иеремия 9:4): *И горд и наг пришел Разврат, / И перед ним сердца застыли, / За власть отечество забыли, / За злато продал брата брат*. Ведь известны предательства Каина, братьев Иосифа, порицаемые как зло, ненавистничество, подлость. Этот мифопоэтический концепт нашел отражение и в творчестве А.С. Пушкина: {[брат] ↔ [ПРЕДАТЕЛЬСТВО]} ↔ [брат]}. Интерпретацию текстов мировой культуры, в частности, сакральных, поэт использовал как повествовательно-риторические приемы, например, выражение, связанное с подражанием Корану: *Но дважды ангел вострубит; / На землю гром небесный грянет: / И брат от брата побежит, / И сын от матери отпрянет*.

Маловыразителен поэтический образ дочери. Одни контексты отражают понятийное употребление этого НР (*Оставим юный пыл страстей – / Вы старшей дочери своей, / Я своему меньшому брату*), ср. также ПСП [4, с. 43]: *купеческая, меньшая, царская, черкасская* и под. Или же позитивное восприятие внешних признаков персонажа: *Нимфа плод понесла влюбленного бога; / Меж говорливых наяд, мучась, она родила / Милую дочь. Ее прияла сама Мнемозина*, а также ср. признаки по ПСП [4, с. 43] *живая, маленькая, молодая, нежная, прекрасная, прелестная, томная, резвая*, которые можно воспринимать зависимо от контекста или как носители физических качеств, или качеств психологического восприятия. Только как морально-этическое восприятие поведения дочери следует квалифицировать семантику эпитетов *послушная, виновная, любезная*, отношение к дочери родителей – *любимая*. Отметим, что негативно оценочных эпитетов значительно меньше (*бледная, несчастная, поруганная*).

Как и в текстовом функционально-стилистическом наполнении НР «брат», наиболее часто употребляется в единстве с местоименным эпитетом: *Дочь моя живет в Лизгоре; / С мужем ей не скучно там*.

Всего одно употребление церковнославянского *дщерь* против *дочка* (28) и *дочь (дочерь)* (209) свидетельствует о стилистической переориентации русского поэтического языка первой трети XIX века: *Цветы, луга, ручей живой, / Счастливый грот, прохладны тени, / Приют любви, забав и лени. / Где с Анджеликой молодой, / С прелестной дщерью Галафрона, / Любимой многими – порой / Я знал утеху Купидона*. В данном поэтическом образе отмечаем возвышенность, ирреальность божественного образа

прекрасной дочери-богини, дочери-идеала. Ср. ту же стилистику допушкинской поры и те же ассоциации «дочь-богиня – красота», стереотипность концептуальных связей: *Богиня, дочь божеств, науки основавших / И приращенье их тебе в наследство давших, / Ты шествуешь по их божественным стопам, / Распростираючи щедроты светлость нам* (М. Ломоносов); *О волны, красоты богиню / Я признаю за вашу дочь!* (П. Вяземский). В таких микроконтекстах реализуется концептуальная цепочка {красота} → [дочь] = [богиня]}.

Словесный образ матери скорее индивидуализирован, нежели представлен в типизированном народно-разговорном колорите, поскольку НР *мать* сопровождают характерные эмоционально-психологические эпитеты: *Клянет ревнивого супруга / Или докучливую мать; Не встретишь завтра поцелуя / Несчастной матери твоей; Но что сказала я?.. быть может, / Виновную ты встретишь мать, / Твой скорбный взор меня встревожит! / Возможно ль сына не узнать?*

В пушкинскую эпоху актуальны были идеализированные модели словесных портретов женщин, в частности и матерей, созданные со стилистикой древнегреческой поэтики, как вот: *А во-вторых, замечу я, / Благопристойные мужья / Для умных жен необходимы: / При них домашние друзья / Иль чуть заметны, иль незримы.*

В эпитетном ряду НР «мать» также отмечаем интимизирующее местоимение: *Хвалю, мой друг, ее охоту, / Поотдохнув, рожать детей, / Подобных матери своей; / И счастлив, кто разделит с ней / Сию приятную заботу.* Также, согласно данным ПСП [4, с. 68], НР «мать» в тех или иных контекстах сопровождают поэтические определения: физического (*брюхатая, полная, мертвая*), психологического (*виновная, добродетельная, милая, несчастная, печальная, родная, строгая, унылая, честная, чуткая*), духовного (*спасенная*) состояния.

Употребление НР *муж* связано со стереотипными ситуациями, наблюдаемыми в дворянском быту: следование за женой (*К неверной славе я хладею; / И по привычке лишь одной / Лениво волочусь за нею, / Как муж за гордою женой*); ревнивость мужа (*Остепенясь, мы охладели, / Некстати нам учиться вновь, / Мы знаем: вечная любовь / Живет едва ли три недели, / Сначала были мы друзья, / Но скука, случай, муж ревнивый...*).

Концептуальное наполнение НР «дети» проявляется в типичных микропоэтических контекстах, где утверждается единство матери и ее детей в семье: *Заступник кнута и плети, / О знаменитые князья, / За них жена моя и дети / Вам благодарны, как и я.* Стереотипны и оценочные эпитеты – *маленькие, резвые,*

игривые дети: В начале жизни школу помню я; / Там нас, детей беспечных, было много.

Маловыразителен поэтический словесный портрет сестры. В одной из поэзий «Песен западных славян» центральным является образ преданных брата и сестры: «*Ой, **сестра**, убей тебя божье! / Извела ты коня вороного / И в саду сокола заколола, / Да за что ты зарезала ребенка?»* / **Сестра брату с плачем отвечает:** / «*Не я, братец, клянусь тебе жизнью, / Клянусь жизнью твоей и моею! / Коли ж ты не веришь моей клятве, / Выведи мен в чистое поле, / Привяжи к хвостам коней борзых, / Пусть они мое белое тело / Разорвут на четыре части*». В ПСП зафиксированы следующие эпитеты к НР «сестра», они обозначают ее физические внешние данные (*белокурая*), психологическое состояние (*верная, ласковая, любезная, любимая*), статус в роду (*старшая, меньшая, двоюродная*) [4, с. 106].

Отмечаем и народно-разговорное употребление НР «сестра»: *Отвечает Радулова любя: «**По богу сестра моя, невестка**, / Я не знаю зелия такого; / Хоть бы знала, тебе б не сказала»; Мы гордимся не славою предков, но чином какого-нибудь дяди, или балами двоюродной сестры.*

Согласно нашим наблюдениям, контекстуальной особенностью употребления обобщающего названия «семья» является его единство с усилительным эпитетом *родная*: *Они [тени], бессмертные вкушая, / В Элизий поджидают их, / **Как в праздник ждет семья родная** / Замедливших гостей своих...; Везде его [злодея] найдет удар неожиданный твой: / На суше, на морях, во храме, под шатрами, / За потаенными замками, / На ложе сна, **в семье родной***. Синонимом отмеченного прилагательного является определение *своя*: *Ночью он пришел к себе на дом / И отужинал со **своею семьей***. Как ситуативные характеризуем эпитеты *резвая, неровная* относительно многодетной семьи: *В начале жизни школу помню я; / Там нас, детей беспечных, было много; / **Неровная и резвая семья***. Пожалуй, общей для всех процитированных строк является концептуальная цепочка {[РАДОСТЬ] → [ПРАЗДНИК] → [ЗАСТОЛЬЕ] = [семья]}.

В поэтическом контексте А.С. Пушкин делает также акцент на этнокультурном аспекте семьи – *русская: Я грозно в нем изображу, / Но просто вам перескажу / Преданья **русского семейства**, / Любви пленительные сны / Да нравы нашей старины.*

Таким образом, анализ представленного реестра НР свидетельствует о симбиозе церковнославянских и народно-разговорных, просторечных общеупотребительных форм и их грамматических вариантов, которые отличаются частотой

употребления. Семантика и стилистика названий родства в произведениях А.С. Пушкина свидетельствует об их активной текстовой функции, о творческом симбиозе общеупотребительных и индивидуально-авторских смыслов. Смоделированные концептуальные цепочки показывают постоянную связь НР з эмоционально-психологическим восприятием мира лирического героя через зафиксированные в его сознании константы народной русской и мировой культуры. Функционально-стилистическая нагрузка НР показывает, что этот сегмент в поэтическом субпространстве А.С. Пушкина является связующим звеном между «высоким» – «средним» – «низким» в характерных для того времени слогах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1978. – 320 с.
2. Виноградов В.В. Язык Пушкина / В.В. Виноградов. – М. – Ленинград: Academia, 1935. – 458 с.
3. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь [Электронный ресурс]. – URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/lotman-v-shkole-poeticheskogo-slova/etapy-tvorchestva.htm> (дата обращения: 11.09.2019).
4. Меньшиков И.И. Поэтическое слово Пушкина. Словарь / И.И. Меньшиков, В.И. Мордань, Н.В. Подмогильная. – Днепропетровск: Січ, 1999. – 325 с.
5. Словарь языка Пушкина: в 4-х томах. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956 – 1961.
6. Соловьева Е.В. Номинация лица в прозаических произведениях А.С. Пушкина : Автореферат на соиск. уч. степени канд. филол. наук / Е.В. Соловьева. – Казань, 2006. – 18 с.
7. Широкова М.А. Творчество А.С. Пушкина как выражение синтеза языковых и культурных систем России и Европы / М.А. Широкова // Филология и человек. – 2018. – №4. – С. 23–36.

АННОТАЦИЯ

Марфина Ж. В. Семантика и стилистика названий родства в русском поэтическом субпространстве XIX века (на материале произведений А. Пушкина)

В статье исследована лексико-тематическая группа названий родства в функции поэтизмов языка А. Пушкина. В центре внимания образно-эстетические модели функционирования

названий родства в русском поэтическом языке первой трети XIX века; модификации стилистической нагрузки данной лексико-тематической группы повседневной речи. Отмечено, что в функционально-стилистическом плане названия родства в поэтическом субпространстве А. Пушкина являются связующим звеном между «высоким» – «средним» – «низким» в характерных для того времени слогах.

Ключевые слова: поэтическое субпространство, названия родства, поэтизм, концептуальная цепочка, язык А. Пушкина, стилистическая функция, поэтическая семантика.

SUMMARY

Marfina Zh. V. Semantics and stylistics of kinship names in the Russian poetic subspace of the nineteenth century (based on the works of A. Pushkin)

The article investigates the lexical-thematic group of kinship names in the function of A. Pushkin's poeticism language. The focus is on the figurative and aesthetic models of the functioning of kinship names in the Russian poetic language of one third of the nineteenth century; modifications of stylistic load of this lexical-thematic group of everyday speech. It is noted that in functional and stylistic terms, the names of kinship in the poetic subspace of A. Pushkin are a link between «high» – «medium» – «low» in the syllables characteristic of that time.

Key words: poetic subspace, the name of the kinship, poetry, the conceptual chain, language of A. Pushkin, stylistic function, poetic semantics.

*І. Г. Коршунова, С. С. Царегородцева
(м. Сімферополь, РФ)*

УДК 81'27:81'246.3:81'06(045)

МОВНА ТОЛЕРАНТНІСТЬ У СУЧАСНОМУ ДИСКУРСІ

Сформовані в узусі, мовні норми є стихійною реакцією колективу щодо запобігання конфліктів. Певні функціональні типи норм опиняються поза межами стихійної нормотворчості, й тоді настає черга кодифікації, як правило, «уповноважених на це компетентних органів». Але їх нормотворчі можливості часто обмежені, й у такому разі низка мовно-мовленнєвих конфліктів, не розв'язаних природнім шляхом, напрацьованих повсякденною етичною практикою та мовним онтологічним механізмом, виходить на соціальний рівень конфліктності [1]. Остання

регулюється встановленими приписами, скажімо правописом, словником чи законом про мови, тобто мовні й культурно-етичні норми щільно переплітаються.

Зазвичай, переважають тенденції захисту мови шляхом заборон, оголошення усього не національного поза законом. Або навпаки, інша крайність, змінювати мову відповідно до суб'єктивних уявлень певної школи, групи, а інколи й посади. Тому дискусії з цього питання стали предметом аналізу вітчизняних і зарубіжних науковців: М. Голєва, Л. Масенко, А. Мейє та ін.

Відповідно до указаної актуальності стаття передбачає розгляд аспекту мовної толерантності, який, на нашу думку, лежить у площині взаємодії мов: української, російської та англійської.

Нині конфліктність мовної норми прагнуть обґрунтувати історичним розповсюдженням суржику, який все частіше лінгвістично хочуть узаконити під назвою «креольська мова». Однак, у такий спосіб відбувається звичайна підміна понять, що ще більше поглиблює мовну конфліктність і є ні не що інше, як спотворення мовотворення. Л. Масенко доводить, що суржик не є креольською мовою, оскільки креольські «формуються здебільшого між істотно відмінними мовами (наприклад, гаїтянсько-французький або ямайсько-англійський креоли) і часто не зрозумілі носіям стандартної панівної мови даної території (мови-суперстрату). Натомість носій суржику (гіпотетично) розуміє і українську, і російську мову (принаймні у найпростішому спілкуванні)» [7, с. 45]. Відтак креольські мови можуть стати, і стають, розвиненими й літературними (найвідоміший приклад – англійська), а суржик не може стати мовою – бо він є взаємоспотворенням мов.

Культуро-толерантно показово, що традиційно суржикомовні персонажі в українських літературних творах не обов'язково негативні (можуть бути просто неосвічені), на відміну від українсько-транскрибованих російськомовних. На нашу думку, подібне становище почасти немає нічого спільного з толерантним ставленням до мови, «дарованої» суспільству й нації попередніми поколіннями, а також як архетипному началу, що об'єднує націю.

Однак суржикове стало вже типовим ставленням до офіційних форм функціонування мови. Тобто мовленнєві норми, що виробляються суспільством протягом багатьох століть, часто стають засобом вирішення поточних політичних завдань (наприклад, на Україні). Водночас не враховується та обставина, що норми – культурне надбання суспільства, їх конвеціальність – символ і практичний прояв мови до єдності (у формі

взаємопорозуміння). Іншими словами, запровадження штучних лінгвістичних змін створює комунікативний дискомфорт в мовному середовищі, порушуючи сталий баланс між прагненням мови до стійкості й тенденції до варіативності як фактору розвитку.

Зазвичай вольовий вплив на мову виявляється на низовому рівні. Скажімо, рядових носіїв мови змушують силовими методами «перевчатися». Якщо ж носій не «перевчився» або «недоперевчився», то він опиняється перед дилемою, яка виникає у площині продукування текстів та їх сприйняття. Тобто реципієнт змушений вирішувати, що він сприймає як читач або слухач – помилкове чи нормативне вживання (наприклад, прийменникової форми, парадигми іменника чи дієслова, їх написання). У такому разі норми «звичайної» мови підказують йому один варіант вирішення проблеми, а узаконені нововведення – інший.

При цьому доцільність зміни норми почасти є суто декларативною, але необґрунтованою, інколи взагалі недоведеною теоретично й практично. Думається, це відбувається тому, що не аналізується прив'язка до системних вимог мови, наслідки культурної, психологічної, а часом й економічної та політичної деформації [6], [9]. В українському правописі все частіше стикаємося з тим, що система письма вже не здатна повноцінно відображати ті чи інші нюанси звукового письма. Відповідно спрощення орфографії й тенденція до фонетичного письма може мати наслідки, порівнянні зі зруйнуванням бібліотек або руйнуванням архітектурних пам'яток, адже їх наслідки проявляться лише протягом тривалого часу [3, с. 34].

Отже, норми, разом із іншими проявами мови й культури, не можуть стати бар'єром у здійсненні якихось прагматичних цілей, що не стосуються власне мови. Тому нині, вважається, правильніше буде говорити про мовну поліфонію як спосіб мовної толерантності.

Поліфонія – музичний термін на позначення великого музичного стилю, традиційного для Європи середини XVIII ст. (до Великого класицизму). У поліфонії на відміну від гармонії немає поділу на мелодію й акомпанемент, усі голоси рівноправно ведуть свої партії, шляхом накладення яких утворюється поліфонічний стиль – стиль мотетів, фуг і поліфонічних фантазій. У літературознавстві першим цей термін застосував М. Бахтін щодо великої прози Ф. Достоевського [1, с. 136-137].

Саме поліфонія часто нівелює мовну конфліктність на рівні лексичних запозичень. Зазвичай конфліктність у цій сфері

виявляться в тому, що семантика запозичених слів дуже часто не збігається з семантикою їх прототипів у мові-джерелі. У новій мовній системі запозичені одиниці можуть зберігати своє значення повністю чи частково або змінювати його, оскільки лексичне значення слова визначається, з одного боку, його місцем в певному узусі, його синтагматичними та парадигматичними зв'язками з іншими лексемами, а з іншого – його предметно-понятійною співвіднесеністю в системі понять мови-реципієнта.

Під «міжмовними лексичними запозиченнями» зазвичай розуміються: 1) збіг звучання слова однієї мови з іншим словом чужої мови з метою творення нового значення; 2) використання іншомовних слів з певною метою, переважно для відповідного, часом контекстуального, емоційного чи смислового забарвлення (іронії, сарказму, конотативності й т.п.).

Прикладом першого є ставше класичним «кровосісі», «отделка», «йолка» і т. п. для «особливо непонятливих». Другий приклад, думається, загальновідомий. Адже фонетичне викручування слів і для акцентуації на мові реципієнта загальновідомі «дивчина (рос.), «номер перший» (у В. Висоцького: «Спекулянтка была номер первый» (рос.) тощо.

Взагалі ж, збіг звучання іншомовних слів прямо впливає на формування алюзій та підсвідомих асоціацій. Бо з позиції підсвідомого мовні неточності/заміни/обмовки пояснюються витісненням у підсвідоме якихось травматичних значень, що їх підсвідоме опосередковано «видає» у вигляді обмовок, описок тощо. Відтак сьогодні навіть окремі журналістські коментарі ясніють фразами «за Фройдом» [5, с. 145], що легко пояснюється пошуком заміни слова шляхом витіснені значення і формування лексичних асоціацій. Фактично, це відбувається через уподібнення звучання іншомовного слова з певним словом природної мови суб'єкта. У таких мовних ланцюгах-запозиченнях лексичних асоціацій почасти об'єднуються дві-три, а іноді й чотири, мови. Нагадаємо вельми розповсюджений зразок прояву російсько-української конфліктності на лексичному рівні. Це типовий російський жарт, до речі часто вживаний і українцями російськомовних регіонів: «как по-украински будет?...»: «геникология» – «бабазнаство» тощо. Натомість й українці знаходять багато слів, що негативно характеризують російську мову: «в них больница від «боль», а в нас лікарня від «ліків», «в них супруг від частини упряжі волів, а в нас дружина», «неделя» від нічого не робити і в українців тиждень тощо.

Показовим у розрізі даної теми щодо уживання англійської мови є художній прийом, використаний Ентоні Берджесом в

романі «Механічний апельсин» [6]. У художній тест англійською мовою зроблено вкраплення російських слів, записаних латиницею, як-то «devotchka», «mesto», «viddy» (видеть), «veck» (человек), «deng» (деньги) тощо («Or rather Alex and his three droogs tolchok an old veck, razrez his books, pull off his outer platties and take a malenky bit of cutter...»). Барато таких прийомів, до речі, у сучасній белетристиці. Безумовно, що для носіїв англійської мови подібне надто потворне. Але, з іншого боку, це яскравий приклад агресивної лексичної загрози, що у цілому підсилює химерну, апокаліптичну атмосферу роману. Смислове й емоційне навантаження російських слів може бути виражене єдиним словом «hororshow» – так Е. Берджес транскрибує російське слово «хорошо». Не останню роль в загрозливості російських слів в англійському тексті відіграє російська «червона загроза», що була актуальна для Заходу аж до розпаду СРСР (свого часу Е. Берджес побував в СРСР; можливо навіть, що він навмисне захотів поєднати мови США та СРСР).

Однак, глибше проясняється суть цього художнього прийому при перекладі текстів Е. Берджеса на українську і російську мови. Так, російський перекладач Е. Сінельщиков [8] вживає англійські слова: «Я и мои френды как раз заканчиваем по четвертой поршн... звездануть по хеду или подрезать какого-нибудь папика и обчистить его карманы, пока он будет барахтаться в луже собственной блад и юрин». У цьому простежується та тенденція, що до початку 1991 р. англійські слова у росіян користувалися надзвичайною популярністю, як символ «протесту» або як засіб виділитися з натовпу. Тому вони художньо увиразнювали для героїв Е. Берджеса, роблячи їх яскравішими (навіть прикладами для наслідування) в російському тексті, аніж в оригіналі.

Зі свого боку український перекладач О. Буценко також використовує російські слова [8]: «Кишені в нас були напхані деньгами, тож заради бабок зовсім не обов'язково було долбать у завулку старого хрена й дивитися, як він спливає в калюжі кров'ю, поки ми рахуємо здобич і ділимо її на чотирьох; або видєливать жорстокі штуки з тремтячою сивою ципою в крамниці, а тоді линяти, хапаючись із смєхом за животики». По-перше, якщо для англійців російські слова виглядають макаронічною мовою й розуміються лише за допомогою доданого глосарія, то для українців російські слова цілком зрозумілі й завдяки українській транскрипції вони потворно пишуться і потворно звучать. Тобто втрачається ефект екзотичности, чужорідности й новизни російських слів, а також їхня лексична загрозливість невідомого – натомість маємо фонетичну відразу до російських слів та їхню

конотацію особливої цинічності і агресивності. Саме російські слова, власне, і створюють отой ультрацинізм та агресію. Тобто вживання російських слів у тексті перекладу пристосовано до агресії, презирства й «механічності» оповіді.

Наведений вище приклад типовий. Чимало реципієнтів-українців, прекрасно розмовляючи українською, регулярно вживають російську лексику «неначе в лапках» у найпотворнішому звучанні й значенні. Також показово було б дослідити, які ще мови використовуються в іншомовних перекладах Е. Берджеса – російська, англійська чи, може, ще якісь інші? Також цікавий був би перекладацький монтаж з декількох мов, наприклад, для багатомовної країни, це був тоді б спосіб уникнути мовної конфліктності.

І ще один аспект даної проблематики. У добу глобалізації, добу регульованих конфліктів й актуалізації конфліктології загалом, окреслюється поліфонічний образ життя майбутнього суспільства.

Мовний поліфонізм, як бачиться, – свідоме мовноголосся, оперування кількома мовами з паралельним використанням їх у різних комунікативних сферах. При цьому виникають певні перепони: 1) порушення нормативності шляхом недотримання норми, заполіфонізованості, тобто коли іншомовність може створити власну мову для вузького кола користувачів, на зразок «комп'ютерного» чи мови шоу-бізнесу; 2) непропорційного знання мов щодо різних сфер мовлення (наприклад, у людини розвинена офіційно-ділова й наукова українська мова і побутова й літературна російська мова).

Л. Масенко [7] та А. Мейє зазначають, що «при двомовності не можна досягнути однакового рівня знань двох мов»; далі – «якщо друга мова поступово переймає всі функції рідної, виникає небезпека зникнення рідної мови і перетворення двомовців на одномовців»; і що індивідуальний (а не масовий, як в Україні) білінгвізм притаманний в основному перекладачам.

Зараз надзвичайно зростає міжнаціональна мобільність людей і деколи неможливо визначити, яку мову такі люди знають найліпше, яка є для них «рідною». Загалом у них простежується дуже сильна тенденція вставляти іншомовні слова, незважаючи на природну мову. Соціолог і футуролог Е. Тофлер передбачає безперервні глобальні, надзвичайно швидкі та інтенсивні зміни в житті людства, і це також стосується мов, тобто поява і зникнення нових слів буде постійно прискорюватись. Новий лад майбутнього він називає «адхократією», а це означає, що міжнаціональні корпорації майбутнього майже не матимуть постійних працівників, а раз у раз набиратимуть команди спеціалістів для

вирішення конкретних завдань – «проектний менеджмент». Тобто спеціалісти майбутнього не будуть жити і працювати в одному місці протягом більш-менш тривалого часу, вони весь час переїжджатимуть. Масштаби географічної мобільності людей увесь час зростатимуть, а отже, частка полілінгвів, «кількомовних людей» колись становитиме більшість населення. Можливо, тоді зникне поняття рідної мови, бо людина навіть буде виховуватися скрізь і потроху.

Таким чином безперечно, що нині у сфері мовних зрушень спостерігається тенденція до різкого збільшення кількості іншомовних слів, причому спільних для багатьох мов. У сучасних текстах усе більший загальний нібито зрозумілий усім іншомовним запозичень, що не може не призводити до певної конфліктності. Унаслідок глобалізації, у кінцевому підсумку, можливо, зникнуть національні культури, а, відповідно, й мови. Тобто у такий спосіб актуалізується повзуча (латентна) мовна поліфонія без домінування певної мови на умовах толерантної взаємодії, отже безконфліктності.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 томах. Том 2. Проблемы творчества Достоевского. – М. : Рус. словари, 2000. – 544 с.
2. Берджес Е. Заводной апельсин. – М. : Астрель : АСТ, 2010. – 134 с.
3. Бердженс Е. Механічний апельсин [Електронний ресурс]. – Режим доступа: ЭНТОНИ БЕРДЖЕС: Механічний Апельсин www.gramotey.com/books/1269045890.htm
4. Волков А. Грамматология. Семиотика письменной речи. – М., 1982. – 235 с.
5. Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема. – Барнаул: АГУ, 2000. – 302 с.
6. Коршунова И. Г. Лингвистическая толерантность как отражение современной политической реальности // Символ науки. – 2016. – №6 – 2 (18). – с. 74-76.
7. Масенко Л. Суржик: між мовою і языком. – К. : Києво-Могилянська академія, 2011. – 135 с.
8. Стоун И. Страсти ума: Биографический роман о Зигмунде Фрейде / Пер. с англ. – М., 2011.
9. Царегородцева С. С., Коршунова И. Г. Языковая толерантность как особенность дискурса «Крымской весны» //Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и

- практики. – Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2015. – С. 292 – 298.
10. Burgess A. Clockwork orange. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.artefacts.cns.ru
11. <http://www.you-books.com/book/E-Berdzhess/Zavodnoj-Apelsin-Peresinelshhikova>

АННОТАЦИЯ

Коршунова И. Г., Царегодцева С. С. Языковая толерантность в современном дискурсе

В статье рассматривается проблема языкового полифонизма. В результате глобализации в области языка наблюдается устойчивая тенденция к резкому увеличению количества иностранных слов, общих для многих языков.

Ключевые слова: дискурс, толерантность, языковая норма, полифонизм.

SUMMARY

Korshunova I. G., Tsaregodtseva S. S. Language tolerance in modern discourse

The present paper considers the issue of language polyphonicity. One of results of globalization in the sphere of language is traced in the sustained tendency to the dramatic rise of foreignisms common to many languages.

Key words: discourse, tolerance, language norm, polyphonicity.

*И. В. Рудковская
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 378.147:001.895:81

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ

В настоящее время резко возрастает интерес к проблемам этнопсихолингвистического уровня, рассматривающим язык как отображение социокультурной реальности, что соответственно делает необходимым изучение целостной картины мира, присутствующей в культурной традиции, как своего, так и изучаемого народа.

Современный мир предъявляет новые требования к процессу обучения иностранным языкам. Поэтому процесс обучения должен быть организован так, чтобы студенты приобретали не

только знания, навыки и умения, но и овладевали стратегиями их адекватного применения для достижения поставленных перед ними задач. Современные ответы на вопросы, чему учить и как учить, методика и дидактика обучения иностранным языкам ищет, основываясь на исследованиях, анализирующих соотношение языка, речи и мышления, мышления и коммуникации, коммуникативного и когнитивного в речи и т.д.

В отечественной системе образования имеют место глобальные изменения, а именно, с усилением роли иностранного языка во всем цивилизованном мире и с переходом на новую образовательную парадигму к отечественной системе образования предъявляются определенные требования в области методики преподавания языков. Для того чтобы сделать процесс изучения иностранного языка интересным, увлекательным и доступным, а также результативным, методисты разрабатывают и вводят изменения в методику обучения иностранным языкам.

Существует множество традиционных методик обучения иностранным языкам, которые достаточно эффективны. Однако современное развитие общества требует поиска и использования более продвинутых методов и технологий. В настоящее время назрела острая необходимость поисков результативных путей и способов активизации познавательной деятельности студентов и интенсификации учебного процесса, улучшения качества иноязычного образования в высшей школе. Требования жизни к выпускнику вуза сегодня очень высоки. Среди факторов, способствующих повышению уровня преподавания иностранного языка в вузе, основополагающая роль принадлежит использованию инновационных методов в учебном процессе. Знание нескольких языков становится нормой жизни. Для быстрого и эффективного обучения иностранным языкам необходимы инновационные методики, направленные на формирование практических навыков квалифицированного специалиста, способного решать профессиональные задачи на уровне иноязычной коммуникативной компетенции.

При обучении студентов иностранным языкам наиболее эффективными методами являются:

- мультимедийная презентация;
- метод проектов;
- тестирующие интерактивные программы on-line (например, TOEFL – Test of English as a Foreign Language);
- on-line модули;
- интерактивные доски;
- мультимедийные программы;
- создание языкового портфеля студента;

- кейс-метод (основан на ситуационной методике обучения);
- компетенционный анализ (представляет оценку игровых участников по компетенциям, построение профилиграмм по специальности);

- дистанционное обучение и др.

Инновационные методы позволяют достичь следующих целей:

- 1) доступность восприятия учебного материала,
- 2) систематизация знаний;
- 3) развитие творческих способностей обучающихся;
- 4) самообразование;
- 5) снятие психологического барьера (боязнь общаться, сделать ошибку);
- 6) осмысление учебного материала, анализ усвоенного материала.

Критериями отбора методов (технологий) выступают: интерактивность, деятельностный характер, направленность на поддержку индивидуального развития, наличие свободы для принятия самостоятельного решения, выбора содержания, способа учения, диалогичность, перенос акцента с запоминания информации на изучение действительности. Выбор метода каждым конкретным преподавателем основывается на анализе педагогической ситуации.

Рассмотрим несколько методов, которые, с нашей точки зрения, являются наиболее адекватными целям современного иноязычного образования.

Обучение в сотрудничестве (Cooperative Learning) – это использование малых групп обучающихся в реальной или виртуальной (при дистанционном обучении) группе. Методика обучения в сотрудничестве отвечает личностно-ориентированному подходу, так как предполагает рефлексию, избирательность, ответственность, автономность обучающегося. Эффективность усвоения при этом собственно предметного содержания возрастает благодаря тому, что это содержание обретает качественно новый личностный смысл, выступает как содержание и среда становления личностного опыта обучающегося. Этот метод предполагает постоянное самообразование и саморазвитие обучающихся. В его основе лежит деятельностный подход, так как совместная деятельность есть суть метода. Целью обучения являются не предметные знания, а компетенции, причем не только коммуникативная, а все в комплексе.

Метод проектов – один из наиболее эффективных способов организации самостоятельной работы студентов, который применяется на заключительной стадии изучения темы, т. е. в

качестве закрепления или в процессе повторения. Метод проектов позволяет индивидуализировать процесс обучения, предоставляет возможность обучающимся самостоятельно планировать, осуществлять и контролировать свою деятельность. Используя проектную методику, студенты могут самостоятельно выбирать источники информации, формы презентации материала и проявить в полной мере свои творческие способности. Работа над проектом, безусловно, повышает интерес к изучению иностранных языков. Мотивация помогает студентам активизировать свои когнитивные и коммуникативные способности.

Общеизвестно, что деловая игра является средством моделирования проблемных ситуаций в различных областях деятельности человека, позволяющим найти оптимальные пути решения множества проблем.

Деловая игра – это комплексный методический прием обучения, при котором обучающиеся в первую очередь рассматривают процесс принятия решения. Деловая игра является процессом воспроизводства на модели, в результате которой появляются определенные результаты и их следствия. Деловая игра направлена на развитие у студентов умений анализировать конкретные практические ситуации и принимать решения [1].

Метод «мозгового штурма» позволяет рассматривать разнообразные идеи: все участники дискутируют и доказывают свою рабочую гипотезу, подкрепляя её аргументами. В конечном итоге «мозгового штурма» принимается коллективное решение проблемы, взятой из реальной ситуации или придуманной. Таким образом, использование «мозгового штурма» позволяет обучающимся приобрести полезный управленческий и организационный опыт.

Кейс-метод (Case study) – метод анализа ситуаций. Суть его в том, что учащимся предлагают осмыслить реальную жизненную ситуацию, описание которой одновременно отражает не только какую-либо практическую проблему, но и актуализирует определенный комплекс знаний, который необходимо усвоить при разрешении данной проблемы. При этом сама проблема не имеет однозначных решений. Кейс может быть представлен как в мультимедийном, так и в печатном виде, так же может быть дополнен наглядным материалом в виде фотографий, таблиц или диаграмм. Другими словами, метод кейсов – это инновационный метод обучения, который учитывает все особенности предмета «Иностранный язык» и формирует необходимые знания, умения и навыки. Данный метод направлен на решение определенной проблемы, но данная проблема не дается в готовом виде, а формулируется преподавателем, исходя из условий реальной учебной ситуации, которая позволяет преподавателю

определить проблему при организации процесса обучения аспекту языка или виду коммуникации.

Одной из современных методик обучения иностранным языкам является использование компьютерной техники. Компьютерные языковые программы вносят разнообразие в процесс обучения, способствуют созданию благоприятной творческой атмосферы и, вместе с тем, индивидуализируют процесс обучения и облегчают осуществлять текущий контроль.

Мультимедийные программы повышают эффективность обучения, интерес к изучению иностранных языков, расширяют возможности восприятия и усвоения учебного материала (с помощью видео, графики, тестирования и т. п.), а также позволяют распределять задания в группе по степени сложности. Важным моментом в обучении иностранному языку является этап рефлексии. С помощью компьютера обучающиеся имеют возможность анализировать результаты своей деятельности [2].

Особый интерес для студентов представляют мультимедийные программы и приложения для изучения английского и немецкого языка – «Learn to speak English», Лондонский лингафонный курс «BBC» (средний и продвинутый уровни); «Duolingo» (благодаря этому приложению учащийся не только познакомится с лексикой, но и без труда освоит говорение, письмо, грамматическую часть языка. Программа построена от простого к сложному; «Слова Бегом» – особенность этого приложения заключается в том, что овладение иностранным языком происходит в так называемом «неосознанном режиме восприятия». Это уникальная методика изучения иностранных языков, позволяющая запоминать новую лексику в несколько раз быстрее (до 10 раз). Приложение снабжено специальными файлами, тренирующими аудирование, произношение и письменную речь. Лексика в программе расположена по темам; «Der Die Das» – популярное мобильное приложение для тех, кто стремится активно пополнить свой лексический запас. В доступной форме программа обучает правильному употреблению артиклей, с которыми у русскоговорящих людей часто возникают сложности; «Rosetta Stone» – приложение для тех, кому нужно подтянуть грамматику немецкого языка. Заучивать правила здесь не придется. В основе методики изучения языка в данном приложении лежит ассоциативный ряд. Все команды к действиям ведутся на немецком языке. Это сложно, но значительно повышает качество изучения. А также электронные энциклопедии – «Microsoft Encarta», «The British Encyclopedia».

Мультимедийные программы имеют ряд преимуществ, выражающиеся в следующем:

1) использование увлекательных страноведческих видеосюжетов с текстовой поддержкой, которую при задании повышенной сложности можно исключить;

2) виртуальный речевой контакт с носителями языка, возможность для обучающегося стать участником событий, проконтролировать качество иноязычного общения;

3) возможность обучающемуся произвести аудиозапись собственной речи и сравнить по оценочной шкале правильность произношения;

4) возможность не только слышать, но и видеть носителей языка, имитировать их жесты и артикуляцию;

5) возможность закрепления грамматического материала с использованием игр.

Таким образом, мультимедийные программы мотивируют студентов изучать иностранный язык, дают возможность эффективно отработать и самостоятельно проконтролировать фонетические, лексические и грамматические навыки. Компьютерные программы развивают познавательную деятельность обучающихся, их интеллектуальные способности, логическое мышление, память, внимание, воображение.

Большой интерес и эффективные результаты представляет методика работы с учебными Интернет-ресурсами:

1. «Список ссылок» («Hotlist») список аннотированных Интернет ресурсов по изучаемой теме.

2. «Мультимедийная коллекция» («Multimedia Scrapbook») – изучение коллекции мультимедийных ссылок (фотографии, карты, истории, факты, цитаты, аудиоклипы, видео фрагменты), выбор необходимого ресурса и создание своей коллекции мультимедийных материалов.

3. «Поиск сокровищ» («Treasure Hunt») – поиск информации, позволяющей ответить на вопросы конкретного характера по изучаемой теме; предполагает наличие проблемных вопросов по содержанию сайтов и итоговое задание.

4. «Коллекция примеров» («Subject Sampler») – обучающиеся исследуют коллекцию подобранных преподавателем ссылок, включая вопросы, основанные на содержании сайтов, и выражают свое отношение к нему; это более сложный вид деятельности, чем «поиск сокровищ», имеющий личностно-ориентированный характер.

5. «Веб-квест» («WebQuest») – проект, в котором используется подборка Интернет сайтов в качестве начала комплексной деятельности по исследованию различных точек зрения на решение проблемы, групповое сотрудничество и итоговый проект по выбору, интегрирующий иногда ролевую игру [3].

В последние годы в обучении иностранному языку активно используется скайп и социальные сети.

Использование интернет-сайтов осуществляется для поиска дополнительной/ новой (по отношению к учебнику) информации как обучающимися по заданию преподавателя, так и самим преподавателем для интеграции полученной информации в материал занятия.

Для эффективного обучения иностранному языку, наиболее интересными, с точки зрения преподавателя, являются сайты. Они помогают решать целый ряд задач:

- формировать навыки чтения;
- пополнять словарный запас;
- расширять кругозор студента, формируя его социокультурную компетенцию;
- повышать мотивацию к изучению иностранного языка

Обучение с использованием ресурсов Интернет можно смело отнести к новым педагогическим технологиям. Меняется позиция преподавателя – он перестает быть единственным источником знаний, а становится организатором процесса поиска, переработки информации (возможно, ее адаптации к уровню владения языком обучаемых той или иной группы) и координатором исследования и создания творческих работ студентов.

Таким образом, использование разнообразных инновационных методов обучения иностранным языкам имеет ряд преимуществ, которые помогают научить студентов активно получать новые знания, развивают их творческие и организаторские способности, дают мощный стимул к изучению языка. Инновационные технологии позволяют идеально совместить теорию с практикой, формируют знания по предмету, профессиональные навыки и умения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болтаева М. Л. Деловая игра в обучении / М. Л. Болтаева // Молодой ученый. – 2012. – № 2. – С. 252–254.
2. Денисова Л. Г. Место интенсивной методики в системе обучения иностранному языку в средней школе / Л. Г. Денисова // Иностранные языки в школе. – 1995. – № 4. – С. 6 – 12.
3. Татаринова М. А. Педагогические технологии обучения иностранным языкам с использованием веб-технологий // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slideshare.net/Vladimirova/ss-1899757>.

АННОТАЦИЯ**Рудковская И. В. Применение инновационных методов обучения иностранным языкам**

В статье рассматриваются возможности использования в современной методике преподавания иностранных языков инновационных методов и форм организации учебной деятельности. Инновационные методы предполагают возрастание роли обучаемого в учебном процессе, смещение центра (фокуса) учебного процесса от преподавателя к обучающемуся; усиление функции поддержки обучающихся, помощи ему в организации индивидуального учебного процесса; возможность обратной связи преподавателя с каждым обучающимся при использовании новых коммуникационных технологий.

Ключевые слова: инновационные технологии, мультимедийные программы, метод проектов, деловая игра, «мозговой штурм», Интернет-ресурсы, коммуникационные технологии.

SUMMARY**Rudkovskaya I. The use of innovative methods of teaching foreign languages**

The article deals with the possibilities of using innovative methods and forms of organization of educational activities in the modern methodology of teaching foreign languages. Innovative methods assume an increase in the role of the trainee in the learning process, shifting the focus (focus) of the learning process from the teacher to the learner; strengthening the function of supporting students, helping them to organize an individual educational process; the possibility of the teacher's feedback to each student when using new communication technologies.

Key words: innovative technologies, multimedia programs, project method, business game, «brainstorming», Internet resources, communication technologies.

УДК 811.112

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ РЕЦИПРОКНЫХ ГЛАГОЛОВ НЕМЕЦКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

1. Введение

В настоящей статье рассматриваются реципрокные глаголы (РецГ), которые относятся к синтаксическому способу образования, и в которых реципрокное значение путем добавления к глаголу специализированного анафорического взаимного местоимения, в немецком языке – местоимения *einander* ‘друг друга’ (*einander erzählen* ‘рассказывать друг другу’; *einander helfen* ‘помогать друг другу’ и др.) или путем соединения этого местоимения с предлогами (*miteinander* ‘друг с другом’, *aufeinander* ‘друг на друга’, *gegeneinander* ‘друг против друга’ и т.п.) [1, с. 78-88; 6, с. 468].

В украинском языке синтаксические РецГ образуются аналогично, то есть к глаголу добавляется взаимное местоимение *один одного* (*кохати один одного*; *бачити один одного*; *ненавидіти один одного* и т.п.) или обстоятельственные обороты *між собою*, *поміж* (*проміж*) себе (*гризтися між собою*; *зглядатися поміж себе*).

Материалом для настоящего исследования послужила выборка немецких и украинских производных РецГ, выполненная на базе толковых и переводных словарей, а также специальных исследований данных языковых единиц. Реципрокные конструкции (РецК) были взяты из произведений немецкой и украинской художественной литературы XX столетия. Корпус текстовой выборки РецК составляет 2275 примеров в немецком языке и 2524 в украинском языке.

Объем синтаксических РецГ в художественных текстах исследуемых языков неодинаковый. Так, количество РецК с синтаксическим реципроком в немецком языке (1136 ед.) почти в два раза превышает количество РецК украинского языка (686 ед.).

В текстах немецкой художественной литературы наиболее частотными оказались синтаксические РецК со взаимным местоимением *einander* и его предложными вариантами (*miteinander*, *nebeneinander* и т.д.) (1124 РецК), а в художественных произведениях украинского языка – РецК со взаимным местоимением *один одного* (619 РецК). Ср.:

(1) нем. ... *die meisten verstanden einander kaum* ‘...большинство (людей) едва понимали друг друга’;

(2) укр. *Дві живі істоти дивилися одна на одну, око в око*.

Наименее употребляемой в текстах немецкой художественной литературы является аналитическая конструкция *einer den anderen* ‘друг друга’ (12 РецК):

(3) нем. *Wir loben einer den anderen* ‘Мы хвалим друг друга’.

Обстоятельственный оборот *між собою* отмечен в 53 РецК украинского языка, что составляет 2,5% в общем корпусе исследованных РецК:

(4) укр. *І дивилися полки один на одного, лиш стрільці перестрілювалися між собою, і так було до вечора*.

Наименее употребимыми в украинском языке являются обстоятельственные обороты *поміж себе (собою)* и *проміж себе*, которые встречаются только в 9 РецК и 5 РецК соответственно:

(5) укр. *Насамперед обіт мирності, бо пастухи починали сваритися поміж собою, лаялися за кожну дрібницю, доходило часом і до бійки*;

(6) укр. *Не те що про своє вугілля не вигукували, а навіть проміж себе не перемовлялись*.

2. Особенности функционирования немецких синтаксических РецГ со взаимным местоимением *einander* и оборотом *einer den anderen*.

Наиболее распространенным типом синтаксического реципрока в художественной литературе немецкого языка являются РецК со взаимным местоимением *einander* ‘друг друга’. В общей текстовой выборке (2275 РецК) отмечено 1124 РецК со взаимным местоимением *einander*.

Взаимное местоимение *einander* возникло в средневерхненемецкий период (12-15 ст.) из более ранней формы *ein andar* ‘друг друга’, обе части которого со временем слились в одно местоимение. С этого периода данное местоимение начало конкурировать с местоимением *sich* при выражении реципрокности [3, с. 356; 6, с. 478-479].

Взаимное местоимение *einander* является синтаксически более универсальным средством для выражения значения взаимности по сравнению с реципрокным местоимением *sich* и может соединяться со многими предлогами (*aneinander*; *aufeinander*; *auseinander*; *beieinander*; *ineinander*; *gegeneinander*; *übereinander* и т.п.). Например:

(7) нем. *Sie haben miteinander angestoßen* ‘Они столкнулись друг с другом’;

(8) нем. *Sie warten aufeinander* ‘Они ожидают друг друга’.

Основными структурными особенностями РецК со взаимным местоимением *einander* являются:

1) Неизменяемость взаимного местоимения *einander* по родам;
2) Способность местоимения *einander* употребляться несколько раз в одной конструкции, в зависимости от синтаксического управления глагола:

(9) нем. *Sie stritten miteinander übereinander* ‘Они спорили друг с другом друг о друге’.

3) Предлог может занимать препозицию в составе местоимения *einander* (*zueinander*, *aneinander*, *voreinander* и т.п.) или употребляться отдельно от глагола (*beieinander halten* ‘держаться друг возле друга’; *ineinander schieben* ‘вталкивать друг в друга’; *zueinander ordnen* ‘упорядочиваться’ и др.). Значение соединения *предлог + einander* определяется семантикой глагола.

Несмотря на широкую дистрибуцию взаимного местоимения *einander*, существуют определенные ограничения на его употребление в РецК:

1) Взаимное местоимение *einander* не соединяется в нормативном немецком языке с местоимениями *sich* и *gegenseitig*.

Нельзя сказать (10) **Sie wuschen sich einander* ‘Они мыли друг друга’. Запрет на одновременное употребление *einander* и местоимений *sich* и/или *gegenseitig* предопределяется тем, что последние сами по себе уже придают глаголу значение реципрокности.

2) Местоимение *einander* не употребляется в конструкциях, в которых количество участников взаимонаправленного действия меньше двух, ср.:

(11) нем. *Hans und Maria küssen einander* ‘Ганс и Мария целуют друг друга’, но неправильно: **Marta küßt einander* ‘Марта целует друг друга’.

3) Взаимное местоимение *einander* используется преимущественно в письменной речи и принадлежит к возвышенному литературному стилю.

Синонимом к взаимному местоимению *einander* считается оборот *einer den anderen* ‘друг друга’, который состоит из неопределенного артикля *einer*, определенного артикля *den* и прилагательного *ander*. В текстах немецкой художественной литературы этот оборот встречается редко (7 примеров или 0,3%):

(12) нем. *Nach seiner Ankunft in Kossin hatten sie einer den anderen in den ersten Tag gefragt...* ‘После его прибытия в Коссин, в первый день они спрашивали друг друга...’.

Отметим, что оборот *einer den anderen* может употребляться вместо *einander*, если реципрокность необходимо выразить точнее. Например:

(13) нем. *Sie widersprechen einer dem anderen* ‘Они противоречат друг другу’.

Если симметричные актанты РецК обозначают референтов женского рода, тогда оборот имеет форму *eine die andere*:

(14) *Die Mädchen waschen eine die andere* ‘Девочки моют друг друга’.

3. Особенности функционирования украинских РецК со взаимным местоимением один одного и обстоятельственными оборотами *між собою, поміж себе, проміж себе*.

Синтаксические РецГ со взаимным местоимением *один одного* является наиболее частотным типом синтаксического реципрока в украинской художественной литературе. В общем корпусе исследованных РецК (2524 ед.) отмечено 619 РецК со взаимным местоимением *один одного*.

В РецК взаимное местоимение *один одного* выполняет служебную функцию. Сокращая языковые средства, оно помогает избежать повторного наименования субъектов, которые выступают в роли объектов друг относительно друга [4, с. 81].

Анафорическое взаимное местоимение может соединяться с предлогами типа *один з одним, один на одному, один проти одного*:

(15) укр. *Сліпий нахилився вперед і наставив у бік віщуна вуха, а хлопці, забувши про суперечку, притулилися один до одного*.

Главными структурными и грамматическими особенностями взаимного местоимения *один одного* являются следующие:

1. Двухкомпонентность, то есть взаимное местоимение *один одного* состоит из двух несамостоятельных частей;

2. Неизменяемость по падежам первого компонента, который всегда употребляется в именительном падеже;

3. Склоняемость второго компонента, что обусловлено синтаксическим управлением глагола (*бити кого-небудь/один одного; кричати кому-небудь/один одному; любитися ким-небудь/один одним* и др.). В случае употребления глагола с предлогом, соответствующий предлог ставится перед вторым компонентом местоимения (*летіти один до одного; закохатися один в одного*);

4. Фиксированное положение компонентов местоимения *один* относительно *одного*: первым выступает неизменяемый компонент (*один*), а вторым – изменяемый (*одного, одному* и т.п.), а не наоборот;

5. Отсутствие у взаимного местоимения *один одного* именительного падежа и, соответственно, невозможность выступать в роли подлежащего, поэтому это местоимение может функционировать лишь в роли дополнения или обстоятельства.

Например:

(16) укр. *Коли вони стали один перед одним (обстоятельство), подивилися один одному в очі (дополнение) та й побачили в них давню образу.*

Добавим, что в отличие от русского взаимного местоимения *друг друга*, в украинском языке местоимение *один одного* изменяется по родам, ср.:

(17) рус. *Сёстры (братья) обнялись друг с другом крепко, прощаясь навсегда;*

(18) укр. *Сестри (брати) обнялися одна з одною (один з одним) міцно, коли прощалися назавжди.*

Следует подчеркнуть, что местоимение *один одного* и его падежные варианты по аналогии с русским *друг друга* может выступать как средство, которое компенсирует значение взаимности, утраченное лексическим объемом глагольной основы в сочетании с рефлексивным показателем (РП) *-ся*.

Добавим, что украинское местоимение *один одного*, как и русское *друг друга*, в именительном и винительном падежах занимает более центральное место в системе языка, чем его оппозиция в именительном и предложном падежах [5, с. 86], ср.:

(19) укр. *Все відомо, все переговорене, з півслова вони розуміють одне одного*; рус. ... *они понимают друг друга.*

Несмотря на широкую дистрибуцию взаимного местоимения *один одного*, существуют определенные ограничения на его употребление в РецК:

1) взаимное местоимение *один одного* не соединяется с некоторыми взаимно-возвратными глаголами. Нельзя сказать (20) **Вони кусаються (цілуються) один з одним*. Запрет на употребление этого местоимения обусловлен наличием в структуре смыслового глагола РП *-ся*, который придает глаголу уже значение реципрокности;

2) местоимение *один одного* не употребляется в РецК, симметричные актанты которых имеют одинаковое морфологическое оформление, то есть занимают позицию подлежащего и выражаются разнолексемными актантами:

(21) укр. *Він там зараз почне розціловуватися з своєю дружиною, якої не бачив три роки, но неправильно: *Чоловік і жінка цілуються один з одним*; местоимение *один одного* не допускает менее двух участников взаимонаправленного действия.

Синонимичным взаимному местоимению *один одного* выступает обстоятельственный оборот *між собою*, который состоит из предлога *між* и местоимения *себе*. В исследуемом корпусе РецК этот оборот встречается в 53 РецК.

Следует отметить, что предлог *між* в своем пространственном значении обозначает симметричные отношения. Этим объясняется тот факт, что указанный предлог в украинском языке, подобно русскому, вводит синтаксические группы симметричных актантов в окружение многих отглагольных существительных, образованных от лексических реципроков [2, с. 340-343]. Ср.:

(22) рус. а. *Все в доме уже знали, что между Зинкой и Ольгой Васильевной вражда* ← б. *Все в доме уже знали, что Зинка и Ольга Васильевна враждуют между собой*, аналогично в украинском языке:

(23) укр. *Як не існувала між князями ворожнеча, а день прибуття галичан та волинців на лодях став для всіх святом* ← *Як не ворогували між собою князі, а день прибуття галичан та волинців на лодях став для всіх святом*.

Обстоятельственный оборот *між собою* занимает позицию второго участника симметричного отношения и подчеркивает, что количество участников описываемой ситуации ограничивается названными в этой конструкции.

Так, в РецК (24) укр. *І хоч зараз кесар і імператор Никифор посварилися між собою, дивиться він не на Київ, а на Константинополь* подчеркивается, что кесарь и император поссорились именно между собой, а не с кем-либо еще.

Обстоятельственный оборот *між собою* может употребляться в конструкции не только с двумя, но и с большим количеством участников, ср.:

(25) укр. *Як звичайно буває в поїзді, всі в купе зразу перезнайомилися між собою*.

Если взаимно-возвратный глагол обозначает действие, в котором принимают участие только два участника, то употребление оборота *між собою* является лишним, поэтому неправильно будет сказать:

(26) укр. **Двоє одружились/поцілувались між собою*.

Если в РецК отсутствуют ограничения на количество участников, то употребление обстоятельного оборота *між собою* допускается, и поэтому предложное местоимение *між собою* используется без ограничений с мультипликативными глаголами наподобие *пересваритися, перегризтися*.

(27) укр. *Бо не відаю, як воно водиться в монархів, як вони (прим. – монархи) перегризаються між собою*.

Синтаксические РецГ с обстоятельным оборотом *між собою* являются синонимичными РецГ с обстоятельным оборотом *поміж себе*. Отметим, что предлоги *поміж* и *проміж*, которые входят в состав взаимных оборотов *поміж себе* и *проміж себе*, являются вторичными относительно простого предлога *між*

и принадлежат к темпоральным предложениям украинского языка. Эти предлоги являются сложными и образуются с помощью двух первичных предлогов: *по* + *між* и *про* + *між*. РецК с предложным оборотом *поміж себе* являются малоупотребимыми в текстах украинской художественной литературы и представлены лишь 9 примерами:

(28) укр. *Отож хоча й затулили тоді поляки вуста українцям, щоб вони не говорили нічого поміж себе.*

В приведенной РецК оборот *поміж себе* допускает замену синонимичным предложным местоимением *між собою* без грамматического и семантического нарушения конструкции:

(29) укр. *Отам зараз гарячка. Страшний суд! – гомоніли поміж себе (= *між собою*) селяни.*

В 5 РецК украинского языка встречается оборот *проміж себе*, который, в свою очередь, употребляется синонимично к оборотам *між собою* и *поміж себе*:

(30) укр. *Доїла віви в повітчині, а під стінкою знадвору саме хлопці сиділи, жваво щось проміж себе (= *між собою*; *поміж себе*) розмовляючи.*

Отметим, что в художественных текстах обстоятельственный оборот *між собою* более чем в два раза чаще встречается в структуре РецК с рефлексивными глаголами (РГ) (38 ед.), чем с нерефлексивными (15 ед.). Это объясняется семантикой глаголов, с которыми соединяется оборот *між собою*; эти глаголы обозначают, как правило, общение и разные виды взаимоотношений между людьми (*ворогувати між собою*, *шепотіти між собою* и т. п.):

(31) укр. *Вони розмовляли, як двоє добрих сусідів, що здавна приятелюють між собою, але не мають бажаної змоги часто бачитися.*

В РецК с РГ оборот *між собою* является не главным, а дополнительным средством выражения взаимности и его отсутствие не влияет на реципрокность самой конструкции, например:

(32) укр. *Слуги здивовано переглядались між собою.*

При опущении в РецК (32) оборота *між собою* значение взаимности не устраняется, потому что главным средством выражения взаимности является сложный словообразовательный формант (префикс *пере-* и РП *-ся*), что придает исходному глаголу (*глядіти*) значение реципрокности.

Другое взаимное местоимение (*один одного*) почти в два раза чаще встречается в РецК с нерефлексивными глаголами (450 РецК) по сравнению с реципрокными рефлексивными глаголами (169 РецК), выступая единственным средством выражения взаимности, ср.:

(33) укр. *А тут вони щільно тудилися один до одного;*

(34) укр. *Аж до вух римського папи донесли жахливу й небажану для нього звістку – руські люди помагають один одному.*

При отсутствии в РецК (34) местоимения *один одного* глагол *помагати* теряет значение взаимности, а конструкция становится грамматически незавершенной, потому что переходной глагол *помагати* обязательно требует в своем окружении прямого дополнения.

Аналогично в РецК (35) укр. *Він бігав по юрті, а тисячники попрутулялися один до одного попід стінами, боялись вимовити слово* при отсутствии местоимения *один одного* реципрокность исчезает, поэтому употребление взаимного местоимения *один одного* в этой конструкции является обязательным.

4. Выводы

1. Синтаксические РецГ образуются в сопоставляемых языках путем добавления к мотивирующему глаголу соответствующего взаимного местоимения (нем. – *einander*; укр. – *один одного*) или оборота (нем. – *einer den anderen*; укр. – *між собою, п(р)оміж себе*).

2. Синтаксические РецГ в немецком языке (1136 ед.) почти в два раза преобладают над аналогичными образованиями в украинском языке (686 ед.), что объясняется, в частности, аналитичностью грамматического строя немецкого языка по сравнению с синтетичностью украинского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басыров Ш. Р., Юшкова С. А. Диатезы реципрокных глаголов в немецком и украинском языках: монография / Ш. Р. Басыров, С. А. Юшкова. – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. – 304 с.
2. Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 702 с.
3. Недялков В. П. Заметки по типологии выражения рефлексивного и реципрокного значений / В. П. Недялков // В. С. Храковский и др. 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. – М.: Знак, 2004. – С. 315–393.
4. Плющ М. Я. Граматика української мови: [підручник] / М. Я. Плющ. – К.: Вища шк., 2005. – Ч. 1. Морфеміка. Словотвір. Морфологія. – 286 с.
5. Радзиховская В. К. Функционально-семантическая категория взаимности в современном русском языке / В. К. Радзиховская. – М.: Прометей, 2005. – 136 с.

6. Wiemer B. Reciprocal and reflexive constructions in German / B. Wiemer, V. P. Nedjalkov // *Reciprocal Constructions*. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. – P. 465 – 512.

АННОТАЦИЯ

Юшкова С. А., Чехлянь Н. А. Особенности функционирования синтаксических реципрокных глаголов немецкого и украинского языков

В статье исследуются реципрокные глаголы в немецком и украинском языках. Описываются особенности функционирования синтаксических реципрокных глаголов в обоих языках, устанавливается набор взаимных местоимений и аналитических конструкций, а также определяется продуктивность реципрокных конструкций с синтаксическими реципрокными глаголами в немецком и украинском языках.

Ключевые слова: синтаксический реципрокный глагол, реципрокная конструкция, взаимное местоимение, аналитическая конструкция.

SUMMARY

Iushkova S. A., Chekhlan N. A. Functioning features of syntactic reciprocal verbs in German and Ukrainian languages

The article studies reciprocal verbs in German and Ukrainian languages. Functioning features of syntactic reciprocal verbs in both languages are described, the set of reciprocal pronouns and analytical constructions are established, the productivity of reciprocal constructions with syntactic reciprocal verbs in German and Ukrainian languages is determined.

Key words: syntactic reciprocal verb, reciprocal construction, reciprocal pronoun, analytical construction.

А. М. Авксентьева
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811'22(045)

ЗАГОЛОВОЧНЫЙ КОМПЛЕКС КАК СЕМИОТИЧЕСКИ НЕОДНОРОДНЫЙ ТЕКСТ

Важным аспектом изучения современного медиатекста как основной единицы медиадискурса является его рассмотрение как мультимодального (Н. В. Чичерина), креолизованного (Н. С. Валгина, Л. Г. Кайда) или поликодового текста (В. Е. Чернявская).

Под поликодовыми понимаются «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [1, с. 180]. Соединение в тексте элементов разных языковых систем отражает тенденцию к смешению кодов. При этом семиотически разнородные элементы, включенные в текст, «образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на комплексное воздействие на адресата» [7, с. 82]. Е. А. Елина определяет поликодовые тексты как «сложные семиотические образования, построенные на основе, с одной стороны, знаковой системы естественного человеческого языка (включая устную, письменную, печатную формы ее реализации, каждая из которых будет характеризоваться своими специфическими чертами) и, с другой стороны, любой другой знаковой системы (рисунков, фотографий, музыки, танцев, запахов и т. д.)» [4, с. 66].

В нашей работе мы придерживаемся точки зрения Е. Е. Анисимовой, которая утверждает, что поликодовый текст «предстает сложным текстовым образованием, в котором вербальные и иконические (имеющие другую природу) элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [1, с. 15].

В современной медиасфере поликодовость проявляется за счет добавления к тексту мультимедийных элементов, изображений, графического оформления текста, что позволяет привлечь внимание реципиента, передать максимум информации в пределах небольшого по объему высказывания, показать дополнительные оценочные суждения и смыслы.

На сегодняшний день масс-медиа становятся одной из основных сфер распространения поликодовых сообщений. Цель нашего исследования заключается в рассмотрении заголовочного

комплекса современных масс-медийных интернет-изданий как семиотически неоднородного (поликодового) текста. Необходимо отметить, что под заголовочным комплексом нами понимается сам заголовок, а также его компоненты: надзаголовок, рубрика, подзаголовок, вводки (лиды). Материалом исследования послужили заголовочные комплексы интернет-версий ежедневных изданий «Российская газета» и «The Guardian». Выбор данных типов текстов связан прежде всего с тем, что «уровень интегрированности всех изобразительных средств, равно как и других знаковых образований, в единое текстуальное пространство печатных и электронных изданий весьма высок» [2, с. 76]. Хотя заголовочный комплекс и его компоненты структурно находятся вне текста, однако представляют единое смысловое пространство вместе с текстом самой публикации и являются ее полноправными компонентами. Заголовочный комплекс тесно связан с текстом публикации, однако ключом к его пониманию он становится лишь при полной семантизации, которая будет возможна с учетом интерпретации всех изобразительных средств и других знаковых образований в составе заголовочного комплекса. Объектом исследования выступила невербальная и вербальная информация, представленная в структуре заголовочного комплекса.

К вопросу о взаимодействии и характере отношений между разнородными элементами в составе поликодовых текстов обращались многие исследователи (Е. Е. Анисимова, Е. А. Елина, С. Д. Зауэрбир, В. С. Мужев). Так, Е. Е. Анисимова отмечает, что вербальная составляющая может играть как главную, так и второстепенную роль в тексте. В первом случае вербальный компонент снимает возможную неопределенность в интерпретации смысла иконического компонента, во втором случае он только описывает и дублирует его информацию [1, с. 12]. При этом исследователь выделяет следующие функции иконических средств: аттрактивную (привлечение адресата), информативную (передача определенной информации), экспрессивную (воздействие на эмоции адресата) и эстетическую (воздействие на эстетические чувства адресата) [1, с. 17]. Однако мы разделяем мнение В. С. Мужева [6] и считаем целесообразным отметить пять основных функций заголовочного комплекса и его составляющих: номинативную, которая сложилась исторически, поскольку заголовки появились, чтобы обозначить, назвать текст; информативную (коммуникативную), так как любой заголовок информирует читателя о тексте; разделительную – заголовок выделяет текст из окружающего информационного пространства; экспрессивную

апеллятивную, благодаря которой заголовок может проявлять авторскую позицию, а также психологически готовить читателя к восприятию текста; рекламную, направленную на привлечение внимание читателя.

Ученые выделяют частичную и полную креолизацию масс-медийных текстов. Так, Е. А. Елина говорит о том, что в текстах с частичной креолизацией вербальная часть относительно автономна, независима от изображения, а изобразительные элементы текста оказываются факультативными, то есть могут быть удалены без значительного ущерба для понимания смысла языкового сообщения. Тогда как в текстах с полной креолизацией вербальная часть не может существовать отдельно, независимо от изобразительной части [8, с. 131]. В отличие от Е. А. Елиной другой лингвист – Е. Е. Анисимова – подразделяет масс-медийные тексты на три группы: тексты с нулевой, частичной и полной креолизацией. При этом под нулевой креолизацией автор понимает тексты, в которых невербальный компонент отсутствует. Считаем, что выделять тексты с нулевой креолизацией спорно: в современных масс-медиа не существует «чистых текстов» [3, с. 75].

Важно отметить, что немецкий лингвист С. Д. Зауэрбир, характеризуя отношения между невербальной и вербальной составляющими креолизованного текста, называет следующие соотнесенности: параллельная корреляция (содержание рисунка и вербальной части полностью совпадают); комплиментарная (содержание невербальной и вербальной частей частично перекрывают друг друга; субститутивная (невербальная информация замещает вербальную); интерпретативная (между содержанием вербальной и невербальной частей нет прямых точек соприкосновения и эта связь устанавливается на ассоциативной основе) [3, с. 76].

Невербальная (иконическая) составляющая современных медиатекстов может быть представлена схемами, таблицами, формулами, символами, иллюстрациями (фотографии и рисунки). Считаем, что изобразительный ряд эффективно влияет на восприятие, так как воспринимается и запоминается легче, чем вербальный текст. Не менее важным элементом медиатекста «выступает визуальная составляющая, его графическое, шрифтовое, цветовое оформление, шрифт, цвет, фон текста (цветной или иллюстрированный), иконические печатные символы (пиктограммы, идеограммы и т.п.)» [1, с. 98].

В заголовочном комплексе к невербальным (иконическим) составляющим относятся цвет, размер, гарнитура шрифта, которые направлены на реализацию заявленных выше функций данного компонента текста.

Цвет является одним из важнейших элементов поликодового текста: он привлекает внимание адресата и воздействует на эмоции (экспрессивно-апеллятивная функция), позволяет выделить наиболее важные, значимые в смысловом отношении элементы вербального компонента (разделительная функция). Если мы обратимся к интернет-версии газеты «The Guardian», то увидим, что элементы заголовочного комплекса подаются разным цветом шрифта. Например, рубрика – красный цвет; заголовок и подзаголовок – черный цвет. Данный выбор обусловлен тем, что красный цвет настраивает на решительность, способен быстро привлечь внимание читателя, в то время как черный помогает сконцентрироваться и углубиться в изучение интересующей информации. В интернет-версии «Российской газеты» мы также видим использование нескольких цветов в составе заголовочного комплекса: оранжевого цвета для обозначения рубрики, и черного для заголовка. При этом оранжевый характеризуется способностью к активности, стимуляции к действию, энергичности в принятии решения открыть ту или иную публикацию. Однако встречаются заголовочные комплексы, компонент которых оформлен одним – исключительно красным цветом, акцентирующим внимание на определенной острой социальной проблеме. Так, рубрика, собственно заголовок и лид публикации «Cocaine used as washing powder: police struggle with Pacific drug influx» («The Guardian», June 24, 2019) имеют красный цвет, сигнализирующий о проблеме наркоторговли и новом способе транспортировки и распространения наркотиков.

Кроме того, выбор цветового оформления связан с содержанием самой публикации, что подтверждает взаимосвязь между вербальной и невербальной (иконической) составляющей текста. Так, например, в заголовочном комплексе статьи «‘White supremacy’: popular knitting website Ravelry bans support for Trump» названия рубрики и надзаголовка оформлены розовым цветом, так как в публикации речь идет о женщинах в розовых головных уборах, которые вышли на протест против Д. Трампа.

Кроме цвета важное значение для заголовочного комплекса как поликодового текста имеет выбор определённого размера и гарнитуры шрифта. Использование различных типов шрифтов связано с реализацией ряда функций креолизованного текста, в числе которых номинативная, разделительная, экспрессивно-апеллятивная. Так, в газете «The Guardian» рубрика подается 15 кеглем; заголовок – 24 кеглем полужирным шрифтом; подзаголовок – 13 кеглем. В «Российской газете» рубрика подаётся

11 кеглем, заголовок – 20 кеглем, полужирным шрифтом.

Также в заголовочных комплексах используются такие невербальные элементы, как цифры, процентное соотношение, буквы и символы других алфавитов. Такие негомогенные компоненты направлены на информирование адресата, привлечение внимания, манипулирование его сознанием. Кроме этого, они добавляют образность и эмоциональность сообщению. Эта особенность отражена в следующих примерах «Российской газеты»: «Землетрясение магнитудой 3,7 произошло в Риме» («Российская Газета», 24 Июня 2019), «В Праге проходит крупнейшая за 30 лет акция протеста» («Российская Газета», 23 Июня 2019), «Крушение Boeing под Донецком» («Российская Газета», 17 Июня 2019).

Таким образом, в ходе нашего исследования мы рассмотрели заголовочный комплекс современных масс-медийных интернет-изданий как семантически неоднородный (поликодовый) текст и проследили использование элементов разных языковых систем в его составе. Мы выявили, что вербальные и невербальные (иконические) составляющие направлены на реализацию основных функций заголовочного комплекса, в числе которых номинативная, информативная, рекламная, экспрессивно-апеллятивная, разделительная, и способствуют более эффективному воздействию на адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизированных текстов): учеб. пособие / Е. Е. Анисимова. – М.: Academia, 2003. – 128 с.
2. Березин М. В. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия / М. В. Березин. – М., 2003. – 174 с.
3. Ворошилова М. Б. Креолизированный текст в политическом дискурсе / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3(23). – С. 73–78.
4. Елина Е. А. Семиотика рекламы: уч. пособие / Е. А. Елина. – М. : Дашков и Ко, 2009. – 136 с.
5. Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста / М. Ю. Казак // Лингвистика речи. Медиастилистика : кол. моногр., посвящ. 80-летию проф. Г. Я. Солганика. – М., 2012. – С. 320-334.
6. Мужев В. С. О функциях заголовков / В. С. Мужев // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вопросы романо-германской филологии. – М., 1970. – Вып. 55. – С. 86–94.
7. Щурина Ю. В. Прецедентные элементы в структуре малых речевых жанров комического / Ю. В. Щурина // Российский

- лингвистический ежегодник. – 2006. – Вып. 1(8) : научное издание. – Красноярск, 2006. – С. 77–84.
8. Юрьева Е. В. Слоган социальной рекламы: коммуникативно-прагматические и когнитивно-концептуальные функции: дисс. ... канд. филол. наук / Е. В. Юрьева. – Горловка, 2017. – 228 с.
9. <https://www.theguardian.com>.
10. <https://rg.ru/>

АННОТАЦИЯ

Авксентьева А. М. Заголовочный комплекс как семиотически неоднородный текст

В статье предпринята попытка анализа заголовочного комплекса современных масс-медийных ресурсов как семиотически неоднородного текста, содержащего элементы разных языковых систем. На материале интернет-версий современных информационно-новостных изданий рассматриваются вербальные и невербальные средства, использованные в заголовках

Ключевые слова: заголовок, заголовочный комплекс, масс-медийный дискурс, медиатекст, поликодовость.

SUMMARY

Avksenteva A. M. Headline complex as a semiotical heterogeneous text

The article presents an attempt to determine the headline complex of modern mass-media as a semiotical heterogeneous text that contains elements of different language systems. It regards verbal and nonverbal means used in the headlines of the internet versions of the modern information newspapers.

Key words: headline, headline complex, media discourse, mediatext, polycode text.

Е. И. Артамонова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811.133.1

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Прежде всего необходимо сказать, что название любого произведения несёт рекламную и аттрактивную задачи, которые служат для привлечения потенциальных потребителей. Оригинальные французские названия и их русские переводные аналоги привлекают интерес публики из-за использования притягательных французских имен, увлекательных комментариев, загадочных сжатых словосочетаний, эмоциональных вопросительных и побудительных предложений. Переводчик может позволить себе использовать различные трансформации в переводе, что объясняется желанием возбудить у аудитории любопытство, ассоциации, иногда ложные.

Назначением заголовка является, в первую очередь, идея определённой картины, влияние на успех или провал фильма, представляя собой первое впечатление зрителя, ведь перед просмотром фильма мы обращаем внимание на заголовок и уже, исходя из названия, рисуем картину, решаем, будем ли мы смотреть данный фильм. «Фильм как кинематографический конкурентоспособный товар для своей отличительности нуждается не только в заглавии, отражающем смысл сюжета, но в заглавии-рекламе: целенаправленном, завлекающем, особенном» [5, с. 76]. При условии высокого качества фильма верно подобранное название гарантирует успех на кинорынке. Перевод названия фильма не менее важен для реакции публики.

Для того, чтобы корректно перевести название фильма, необходимо:

- досконально изучить фильм;
- иметь определённые экстралингвистические знания и творческие способности;
- в некоторых случаях полагаться на интуицию.

Работая над данной темой, мы проанализировали и в качестве примеров сделали подборку названия фильмов с французского языка на русский [2, с. 28]:

1) Название заголовков, содержащих имена собственные (достаточно большое количество случаев перевода данного рода названий фильмов, в переводе используется транскрипция для того, чтобы сохранить уникальность французского имени) [3, с. 128]:

- “*Léon*” – «Леон» (реж. Л. Бессон, 1994);
- “*Marie-Octobre*” – «Мари-Октябрь» (реж. Ж. Дювивье, 1958);
- “*Paulette*” – «Полетта» (реж. Ж. Энрико, 2012).

2) Название заголовков, содержащих имена собственные с некоторыми текстовыми вкраплениями:

- “*Dalida*” – «Любовь и страсть. Дали-да» (реж. Л. Азулос, 2016);
- “*Fanfan*” – «Аромат любви. Фанфан» (реж. А. Жарден, 1993).

3) Перевод названий фильмов, содержащих имена собственные, с полной трансформацией:

- “*Ombin*” – «Я стану лучше» (реж. С. Каз, 2012).

При просмотре картины зритель будет воспринимать происходящее на экране через призму нескучного названия. Заголовок – это, своего рода, ключ к содержанию произведения, поэтому он должен ясно дать намёк публике на содержание произведения, дать возможность вообразить зрителю будущий сюжет и понять для себя, стоит ли это смотреть или читать. Нешаблонный сильный заголовок запомнится в памяти зрителя, впоследствии легко восстановится и воспроизведется.

Сравнивая оригинальные названия переводимого произведения с их переводами на другие, зачастую бывает трудно понять, что это одно и то же произведение, и возникает вопрос: «С какой целью переводчик или редактор до неузнаваемости меняет легкопереводимое название?» Опираясь на работы лингвистов о функциях заглавий, мы выделили три функции, которые выполняет название фильма:

1) Номинативная функция. Исторически сложившаяся исходная функция заглавий, так как они возникли, чтобы назвать текст. Функция объединяет все заголовки, независимо от их структуры и индивидуальных особенностей;

2) Информативная (коммуникативная) функция. Тоже универсальна, поскольку всякое заглавие, в том числе и название фильма, информирует, передает какое-либо сообщение;

3) Экспрессивно-апеллятивная функция. Название психологически готовит зрителя к восприятию фильма, затрагивает его чувства и воздействует на его эмоции. Экспрессивность названия может быть выражена с помощью как языковых, так и внеязыковых средств, например графических (оформление афиши).

Употребление переводческих трансформаций при переводе на русский язык названий французских кинофильмов различается. С одной стороны, в ходе анализа переводов названий

кинофильмов нам встретились трансформации, влекущие за собой относительно небольшое несходство переводного высказывания с исходным. С другой стороны, мы столкнулись со случаями преобразований, когда внешняя непохожесть исходного и переводного высказываний такова, что в конечном результате трудно сразу же распознать перевод.

Озаглавливая свою книгу, автор прежде всего адресует её публике, говорящей на его родном языке, и не задумывается, какой эффект будет производить то или иное заглавие на иноязычного читателя. Основная задача переводчика – передать интенцию автора, сохранив то же эстетическое и эмоциональное воздействие на читателя. Проанализировав названия книг Г. Мюссо и их переводы, мы выделили следующие приемы перевода заглавий [6]:

1) Буквальный или почти буквальный перевод:

“Parce que je t’aime” (2007г.) – «Потому что я тебя люблю».

2) Смысловой перевод с учетом содержания всего произведения. Например, название романа *“7 ans après”* (букв. 7 лет спустя) на итальянском языке звучит так: *“Sette anni senza di te”* (букв. Семь лет без тебя) [4, с. 968] и хорошо отражает сюжет: супруги развелись, и лишь через 7 лет определенные события сводят их вместе.

3) Подборка нового заглавия:

“Que serais-je sans toi?” (букв. Кем бы я был без тебя?) (2009 г.) – *«Кем бы я был без тебя»*.

Необходимо сказать, что во многих европейских языках перед именами существительными употребляются артикли. Категория детерминации во французском языке включает в себя определенный, неопределенный или партитивный артикли. Следует обращать особое внимание на артикль, потому что каждый вид артикля выполняет конкретную функцию и несет определенную смысловую нагрузку. Также неопределенный и определенный артикли могут выполнять обобщающую функцию. «Разница между ними заключается в том, что определенный артикль указывает на всех представителей данного вида, а неопределенный артикль на каждого представителя» [1, с. 207]. Сравним: *“Sept jours pour une éternité...”* (фр.) / *“Seven Days for an Eternity”* (англ.). Французский оригинал и его перевод на английский можно считать абсолютными аналогами.

На перевод названия произведения также может повлиять его экранизация. Так, например, по роману М. Леви *“Et si c’était vrai...”* (2000 г.) в 2005 г. был снят американский фильм *“Just Like Heaven”* (букв. Точно как на небесах), который вышел в российский прокат

под названием «*Между небом и землей*», и с тех пор название издаваемых книг было изменено. Иногда название содержит непонятные иноязычному читателю реалии. Так, заглавие романа бельгийской писательницы А. Нотомб «*Robert des noms propres*» не допускает дословного перевода. Во франкоязычных странах всем известно, что *Le Robert* – это популярное, заслуживающее уважения издательство многочисленных толковых словарей французского языка, таких как: *Le Petit Robert*, *Le Grand Robert*, *Le Robert Junior*.

Подводя итог, необходимо сказать, что перевод французских заголовков настраивает аудиторию на определённую эмоциональную тональность. Задачами оригинальных переводов названий фильмов с французского языка: максимальная передача смысла, привлечение внимания целевой аудитории. Французские заголовки всегда эффектные и интригующие, поэтому их перевод – одно удовольствие для специалиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов, В. Е. Особенности перевода франкоязычных заголовков: прагматический аспект / В. Е. Анисимов // Гуманитарные технологии в современном мире: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Калининград, 2018. – С. 206 – 208.
2. Горшкова, В. Е. Название фильма как единица перевода и составляющая образа-смысла / В. Е. Горшкова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2014. – № 10. – С. 26 – 37.
3. Коротаева, Е. В. Перевод названий фильмов / Е. В. Коротаева // Вестник Московского открытого университета. Серия: Общественно-политические и гуманитарные науки. – 2012. – № 1. – С. 5961.
4. Лиходкина, И. А. Анализ перевода названий современных французских художественных произведений на русский, английский и итальянский языки / И. А. Лиходкина // Молодой ученый. – 2015. – №7. – С. 967 – 970.
5. Панова, К. О., Бондаренко, Е. В. Факторы, осложняющие перевод названий фильмов / К. О. Панова // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2013. – № 16. – С. 73 – 78.
6. Wikipédia. L'encyclopédie libre / Guillaume Musso [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fr.wikipedia.org/wiki/GuillaumeMusso>.

АННОТАЦИЯ**Артамонова Е. И. Особенности перевода названий произведений с французского языка**

В данной работе мы рассмотрели вопрос о переводе названий произведений с французского языка. Этот процесс требует определённых лингвистических знаний и творческих способностей, так как правильно переведённый заголовок – это путь к успеху, которым может пользоваться произведение. Существуют различные приёмы перевода заголовков, стоит помнить о том, что процесс их перевода требует определённого подхода.

Перевод названий является творческим и кропотливым заданием, и оригинальность перевода – залог внимания публики.

Ключевые слова: заголовок, трансформации в переводе, буквальный перевод.

SUMMARY**Artamonova. E. I. Features of the translation of names of literature works from french**

In this work we considered a question of the translation of names of Literature works from French. This process demands certain linguistic knowledge and creative abilities as correctly translated heading is a way to success which the work can use. There are various methods of transfer of headings, it is worth remembering that process of their translation demands a certain approach.

The translation of names is a creative and laborious task and originality of the translation – guarantee of attention of public.

Key words: heading, transformations in translation, the literal translation.

*О. И. Баранова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'42

**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОСВЕННЫХ
РЕЧЕВЫХ АКТОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

В начале двадцать первого века как никогда остро стоит вопрос международного сотрудничества – профессионального, научно-технического, торгово-экономического, культурного, личностного. Межкультурная коммуникация предполагает обмен информацией и общение между представителями различных

культур. Эти различия существенно влияют на удачу или неудачу коммуникативного события. Межкультурная коммуникация характеризуется тем, что ее участники при прямом контакте используют специальные языковые варианты и дискурсивные стратегии, отличные от тех, которыми они пользуются при общении внутри одной и той же культуры. Все это говорит об актуальности осознания национально-культурной специфики коммуникантов в процессе интеркультурной кооперации.

Целью статьи является исследование диалогического соавторства собеседников при актуализации косвенных речевых актов в процессе межкультурного общения.

Речевой акт (speech act – речевое действие или поступок) считается минимальной, элементарной (далее неделимой) единицей речевого поведения человека. Еще в античные времена Солон говорил, что слово – это вид дела. Действительно, в каждый момент общения мы делаем разнообразные речевые поступки: информируем, угрожаем, приказываем, советуем, поздравляем, делаем комплимент, осуждаем и т.д. (Людвиг фон Витгенштейн назвал это явление «языковой игрой»).

Исследование не прямых (косвенных) РА в процессе межкультурной коммуникации представляется нам очень интересным, тем более в ситуации, когда представители различных лингвокультурных сообществ пытаются манипулировать (в широком смысле [3, с. 182]) поведением собеседника на фоне культурных и языковых барьеров.

Если иллокутивная сила (интенциональное значение) речевого акта выражена с помощью определенных грамматических и лексических показателей, закрепленных за ней узусом, то речевой акт является прямым. Если прямой акт имеет одно значение (оно называется также буквальным, личным, базисным), то в косвенных высказываниях присутствует более одной иллокутивной силы, т. е. на фоне эксплицированной (явно выраженной языковыми средствами) иллокутивной силы появляется и другая, т. е. в РА оказывается больше смысла, чем передает его поверхностная структура, и тот, кто слушает, должен об этом догадаться. Тут смысл высказывания говорящего практически всегда отличается от значения предложения, прагматическое значение шире семантического значения; первое включает второе, приглушая или аннигилируя второе. Косвенность предполагает имплицитность коммуникативных намерений говорящего.

Множество РА, которые не могут получить прямого высказывания (а также в силу «иллокутивного самоубийства»), осуществляются косвенно. Так, предусматривается возможность реализации нескольких иллокуций в РА, причем особо следует

отметить соблюдение иерархии в их осуществлении. Часто первичная иллокутивная сила реализуется одновременно с буквальной (вторичной). Дж. Серль определяет это речевое действие как собственно непрямой РА (например, типичное сообщение иллокутивных сил вопроса и побуждения: *Have you got an extra book?* = *Give me the book*. (если говорящий уверен, что лишняя книга есть), утверждения и побуждения: *it is cold in the room* = *Close the window*).

В современной прагматике существует несколько типов косвенных РА:

1. По фактору адресата. Косвенный РА может быть адресован одному или нескольким лицам. Согласно этому их подразделяют (Г.Кларк и Т. Карлсон) на непосредственные и косвенные, где адресатом является не тот, к кому непосредственно обращаются с речью, а другой человек или группа людей [9, с. 274]. Например: Отец (собаке в присутствии сына): Лесси, Даниел собирается с тобой погулять. С помощью косвенного МА отец приказывает сыну погулять с собакой.

2. По степени конвенционализации. Иллокутивная сила многих косвенных (конвенциональных) МА воспринимается слушателями однозначно. Говорящий при этом опирается на фоновые знания, пресуппозиции адресата, а также на конвенции, есть неписанные договоры, установка, принятые в данном обществе. Содержание подобных речевых актов легко распознается адресатом без контекста, только с опорой на ситуацию (фрейм). Е. В. Клюев пишет о том, что XX век проходит под знаком рафинирования языка, когда внимание переносится с предмета уведомления на форму (символизм, футуризм и др.) [4, с. 15]. Речь при этом все дальше уходит от прямых форм выражения, совершенствуя систему условных “сигналов”, непосредственно не связанных со значением единиц, его составляющих. Все, что сейчас формулируется слишком в лоб, обычно испытывает социальное осуждение на межкультурном уровне, поэтому реальные РА становятся все более осторожными, более этикетными.

Наиболее интересными среди всех косвенных речевых актов для изучения нам представляются директивные РА, отличающиеся достаточной частотностью в межкультурном диалогическом дискурсе, содержащие в своей семантике компонент «слушающий», так как предполагают обязательную реакцию адресата.

Так, например, исследуя англоязычные интеррогативные косвенные речевые акты (Дж. Серль считал вопросы подклассом директивов, т. е. РА, которые побуждают к ответу), И. В. Винантова

выделяет следующие их коммуникативно-прагматические особенности [2, с. 11]:

1. *Интеррогативные косвенные речевые акты со значением упрека* отличаются от русских/украинских по одному важному параметру – английские коммуниканты, упрекая, говорят о своих эмоциях, не нарушая границы мира адресата, тем самым, соблюдая принцип прагматического контроля. Русские же коммуниканты в рамках речевого акта “упрек” могут прибегнуть к обвинению, тем самым, вторгаясь в личное пространство адресата и показывая коллективное мировоззрение, позволяющее вторгаться во все сферы личной жизни человека. Поскольку упрек – потенциально опасное действие для упрекающего, говорящий выбирает стратегию косвенного выражения упрека. *“That’s all right, but what’s the use of all this secrecy? Why can’t you come out and tell what’s the matter with you? What’s the use of this whispering behind doors?”*

2. *Интеррогативные речевые акты со значением предложения и совета*. Тут адресантом совета обычно является лицо, обладающее большими знаниями или авторитетом. В русской лингвокультуре реакция на непрошенный совет положительная, в то же время абсолютное большинство представителей английской лингвокультуры считает, что давать непрошенные советы неприемлемо, потому как англичане боятся показаться слишком агрессивными и самоуверенными.

3. *Интеррогативные косвенные речевые акты со значением просьбы*. Во всех англоязычных словарях отмечается формальность и вежливость запроса, в то время как в русских лексикографических источниках дается лишь информация о желании выполнения определенного действия адресатом (что, тем не менее, не исключает употребление формул вежливости). Речевой акт просьбы – РА, вторичная функция которого представлена в намерениях адресата призвать коммуниканта удовлетворить нужды или желания. Выполнение просьбы напрямую зависит от адресата, адресант не в праве навязывать образцы поведения, но призывает к сотрудничеству (правда, в своих же интересах). *“Look, will you leave me alone, please?” Anna said. “I’m minding my own business, mind yours why don’t you.” She stood up, her towel sliding off, and tried to get past him to the land, but he side stepped in front of her.*

Назначение риторических вопросов – ввести в общее поле зрения коммуникантов «ответ», заведомо известный им, или ответ, к которому, по мнению говорящего, слушающий неминуемо должен прийти, исходя из того, что стало ему известно. *“Don’t you know what a pleasure it was to me to help you a little?”*

Среди интеррогативных косвенных речевых актов со значением приглашения выделяется два типа: явные (*unambiguous*) и неявные (*phony*). «Неявные приглашения» выражаются прямыми способами и нередко служат лишь этикетными формулами (*Drop in before you leave London* – не предполагает совершения называемого действия). Неявные приглашения с трудом различаются русскоязычными коммуникантами, так как подобного рода приглашения не типичны для русской культуры.

По мнению Е. Н. Беляевой, если учитывать тот факт, что вовлечение в разговор иностранца (в особенности малознакомого или старшего по статусу) является актом вмешательства в сферу его существования, то следует признать социально предпочтительной такую форму вопросительного высказывания, которая позволяла бы слушающему самому решать, вступать или не вступать в коммуникацию [1]. В данном случае косвенный вопрос представляет собой сложноподчиненное предложение, в главной части которого употребляются предикаты знания, а в придаточной части разъясняется характер желаемой информации, например: *I'm not quite sure how long you've known the Fieldings (Fowles); "I'm dying to know what you did with all the lions you slaughtered," said Susie Boyd (S. Maugham); I'd like to know why she's gone off like this (J. Fowles).*

Вариантом вежливого вопроса является также «вопрос в вопросе», в котором собственно информативный вопрос включен в качестве дополнения в состав общевопросительного высказывания, запрашивающего о степени информированности слушающего. Такие высказывания дают слушающему хороший шанс «выйти из игры», ответив лишь на формально выраженный вопрос, например: *"Do you happen to know when it is open? – Oh, no, no. I haven't been there myself" (L. Jones).*

Одной из функций косвенного директивного речевого акта в процессе межкультурного общения, является фатическая функция. С. В. Торлакян считает, что фатическая функция косвенных директивных актов связывается с функцией усиления/ослабления воздействия на адресата. В качестве прагматического задания в диалогическом общении функцию усиленного/ослабленного директивного воздействия способны приобретать, прежде всего, констативные речевые акты, в структуру которых входят модальные глаголы [6, с. 12]. Условия, благоприятствующие протеканию косвенно-директивного действия, могут обеспечиваться не только внешними, не зависящими от собеседников обстоятельствами, но и субъектом косвенного директивного акта. Подобная ситуация подготавливается предшествующей деятельностью говорящего,

его компетенцией, а поэтому реализуемая при этом возможность граничит с разрешением совершить действие. Модальный глагол “*may/мочь*” в этом случае способствует снижению категоричности высказывания, налаживанию фатического контакта между собеседниками. *She moved her hand to his lips, letting him taste the fear on her fingers. “You may see the witness right now,” she said. (СВНН).*

В данных примерах косвенный директив крайне завуалирован: адресату предоставляется лишь ненавязчивая возможность воспользоваться услугой, оказываемой говорящим, свойственная спонтанному диалогическому дискурсу в целом.

Очень важным, в свете изучения данной проблемы, нам представляется использование косвенных речевых актов с позиции теории вежливости в процессе межкультурной коммуникации.

Толчком к изучению вежливости в межкультурном аспекте послужила ставшая хрестоматийной монография П. Брауна и С. Левинсона *Politeness: Some universal in language usage* и их более ранняя публикация *Universals in language usage: politeness phenomena* [8, с. 114].

При рассмотрении вопроса о вежливости в межкультурном аспекте следует исходить из того, что понимание вежливости у разных народов различно. Как уже отмечалось, у одних народов вежливость может ассоциироваться с почтительностью и даже почитанием, у других – со скромностью, у третьих – с демонстративным вниманием к окружающим. В каждой культуре существует свой концепт вежливости. Разное содержание данного концепта находит свое отражение в языке и речи и проявляется в лексико-грамматических, функциональных, прагматических и дискурсных особенностях.

Среди существующих концепций выделяется несколько основных:

1) Вежливость как сохранение «лица». Авторы воспринимают вежливость собеседников как стратегии, служащие для сохранения лица («face»). По мнению ученых, человек имеет две потребности «лица» («face wants»). Негативной потребностью лица называется желание сохранения неограниченной свободы действий. Позитивная потребность лица проявляется в стремлении говорящего привести свои желания и желания слушающего к единообразию, то есть побудить собеседника рассматривать желания говорящего как свои собственные. Основоположителем этой теории, как мы указывали выше, были П. Браун и С. Левинсон.

2) Вежливость как речевые Максимумы. Г. П. Грайс вводит принцип кооперации, включающий в себя четыре Максимумы: качества, количества, релевантности и ясности.

3) Вежливость как этическая и прагматическая категория (Н. И. Формановская), направленная на соблюдение этикетных речевых норм, что особенно важно в начале общения, оно способствует установлению контактов между партнерами по общению для последующей реализации целей делового общения в необходимом для субъекта направлении. Вежливость как оценка социального статуса человека (Ю. Ю. Карасик). В зависимости от социального статуса коммуникантов, от субординации и других факторов, коммуниканты будут прибегать к определенным стратегиям поведения.

Надежным способом реализации принципа вежливости служит выражение коммуникативного намерения в виде просьбы его осуществить. Возможны разные способы выражения такой просьбы: с помощью отдельного высказывания, части высказывания, сложного предложения, например: *May I ask you where you are staying?* (C. Snow). *Might I inquire if you are the owner?* (L. Jones); *What are your main ideas so far, sir, if you don't mind me asking?* (K. Amis).

Подчеркнем еще раз, что вежливость является относительным понятием не только в «качественном» отношении (что считать вежливым), но и в «количественном» (в какой степени этот принцип реализуется той или иной языковой формой). Существуют, конечно, абсолютные маркеры вежливости типа «пожалуйста», но их в языке немного. Большинство лингвистических единиц приобретают этот признак определенном контексте.

Итак, в наши дни, на фоне развития информационных технологий, транспорта и туризма, современный человек «обречен» на межкультурное взаимодействие. Каждый представитель того или иного лингвокультурного сообщества, вступая в коммуникацию, несет в себе на подсознательном уровне архетипы родной культуры. Потому использование косвенных речевых актов в процессе межкультурного общения призвано сгладить «острые углы» общения, придать интернациональной беседе более комфортную для ее участников атмосферу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева, Е. Н. Принцип вежливости в вопросительных речевых актах [Электронный ресурс] / Е. Н. Беляева. – Режим доступа: <http://english4u.dn.ua/modules.php?name=Articles&op=Open&id=649>
2. Винантова, И. В. Исследование коммуникативно-прагматических особенностей интеррогативных косвенных речевых актов (на материале английских и русских

- художественных текстов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / И. В. Винантона. – Челябинск, 2011. – 22 с.
3. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко – М. : ЧеРо : Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.
 4. Ключев, Е. В. Критерии лингвостилистического анализа текста. Часть 2. / Е. В. Ключев – М. : ВИПК работников печати, 1989. – С. 15–16.
 5. Серль, Дж. Р. Что значит речевой акт? / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М., 1986. – С. 151–169.
 6. Торлакян, С. А. Косвенные речевые способы актуализации фактора адресата в информационно-когнитивной системе диалога : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 – теория языка / С. А. Торлакян. – Ростов-на-Дону, 2008. – 24 с.
 7. Austin, J. L. How to do things with words / J. L. Austin – Oxford : Oxford University Press, 1962. – 245 p.
 8. Brown, P. Universals of Language Usage: Politeness Phenomena / P. Brown, S. Levinson // Questions and Politeness. – Cambridge, 1978. – 156 p.
 9. Clark, H. H. Speech acts and hearers' beliefs / H. H. Clark, T. B. Carlson // Mutual knowledge. – London : Academic press, 1982. – P. 270–322.

АННОТАЦИЯ

Баранова О. И. К вопросу об использовании косвенных речевых актов в межкультурной коммуникации

В статье рассматриваются разные типы косвенных речевых актов с точки зрения их использования в межкультурной коммуникации. Употребление многих речевых актов рассматривается с точки зрения постулатов вежливости.

Ключевые слова: речевой акт, межкультурная коммуникация, иллокутивная сила.

SUMMARY

Baranova O. On the issue of indirect speech use in intercultural communication

Different kinds of indirect speech acts in terms of using of intercultural communication are discussed in the article. The usage of many speech acts is distinguished according to the postulates of politeness.

Key words: speech act, intercultural communication, illocutionary force.

М. С. Барбунова
(г. Москва, РФ)

УДК 81'38=111

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РИТМИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

В настоящее время лингвистические исследования ориентированы на системный анализ дискурса как макрознака. Методологическим сдвигам сопутствует изменение оценки лингвистического статуса и функциональной роли конкретных языковых средств, в особенности тех, которые непосредственно связаны с передачей коммуникативно-смыслового намерения говорящего в условиях реального дискурса [5, с. 3]. Просодические характеристики речи и их языковые соответствия являются примером такого изменения.

Дискурс, в частности художественный, включает в себя сложное единство когнитивного и коммуникативного способов концептуализации «мира произведения». Художественный дискурс отображает динамику авторского замысла, его комбинаторику и вместе с этим разноуровневые модели ритмизации пространственно-временного континуума [3, с. 116].

В когнитивном плане ритм – это закономерность, обеспечивающая процессы понимания и осмысления читателем событий через «чужие» миры и «правильного» восприятия авторской концептосферы. В то же время остаётся актуальной проблема исследования ритма, отражающего специфику синергетического процесса дискурса. Этот вектор углубленного изучения ритма как регулятора актуализации авторского замысла способствует дальнейшему развитию дискурсологии. Предварительный анализ ритмической организации дискурса нехудожественной коммуникации даёт основания для исследовательского поиска в этом направлении с целью установления факторов эффективности смысловосприятия, установления, прежде всего, степени корреляции лексико-семантического и фонетического (супraseгментного) ритма, который, в нашем понимании, обуславливает гармонизацию и когерентность дискурса [4, с. 273].

Следует отметить, что фонетические исследования ритма не отражают все специфические факторы ритмообразования в дискурсе, поэтому необходимым представляется обращение к ритму как к когнитивному способу передачи информации, отражающей лексико-семантическую экспликацию концептуального пространства. В связи с этим особую

актуальность приобретает рассмотрение ритмического строения вербального контекста как части когнитивной стратегии образования конструктивно значимых языковых моделей, направленных на восприятие дальнейшей информации. Такой подход позволяет рассматривать ритм как частично навязанный конструкт когнитивной системы, обеспечивающей смысловосприятие. Таким образом, на уровне слухового восприятия ритм выступает оптимизатором глубинных семантических отношений и обеспечивает возможность выхода глубинного смысла на поверхность самой структуры [2, с. 107; 9, с. 29]. Ритмичность и периодичность процесса развертывания целостности регулирует порядок и одновременно динамику поступления существенно новой информации.

Большинство лингвистов склоняется к мысли, что ритм обеспечивает стабильный режим функционирования дискурса как суперсистемы, в основе которой лежит многоуровневая ритмическая стратификация. Фонетический (супрасегментный) ритм в частности – это иерархически упорядоченный комплекс, который отражает специфические особенности перцептивной и акустической структурированности вербального контекста в различных жанрах языкового творчества. В нашем понимании, супрасегментный ритм пространственно-временного континуума обуславливает тембральные характеристики рецептивной модели дискурса, которая соответствует степени экспрессивности жанра с присущими ему особенностями логико-смыслового квантирования.

Базовым в иерархии фонетического (супрасегментного) ритма является слоговой ритм. Большинство лингвистов выделяет слог как минимальную ритмико-просодическую единицу, которая несёт в себе имеющуюся совокупность особенностей супрасегментного уровня языковой системы, и как минимальный перцептивный отрезок пространственно-временного континуума с присущей ему акцентной комбинаторикой. Однако, базовой ритмической единицей делимитации континуума является фоносинтагма как смысловая ритмическая единица. Целесообразно предположить, что вербальный контекст имеет определённый *акцентный рельеф*, отражающий просодическое маркирование смысловых квантов вербализации дискурса, в котором ритмическая схема актуализации сигнализирует сложную межуровневую иерархическую упорядоченность.

Профессор Т. И. Шевченко отмечает, что наряду с информационной новизной и семантико-прагматической категорией слов, просодия слова в дискурсе зависит от места слова в ритмической структуре интонационной фразы [8, с. 189]. По мнению

лингвиста, независимо от новизны слова в дискурсе и его семантико-прагматической значимости определенная позиция в ритмической структуре обеспечивает тот или иной уровень его просодической выделенности [8, с. 172]. Таким образом, можно утверждать, что данное явление указывает на контекстуально обусловленное планирование с точки зрения ритмической дистрибуции лексических единиц в определенных позициях ритмических комбинаций и рекомбинаций. Следует также отметить, что современные лингвистические исследования убедительно доказывают значимую роль средств супraseгментного уровня, оптимизирующих связность и целостность восприятия дискурса. При этом особое внимание уделяется изучению просодических техник маркирования жанровых характеристик. Поэтому вопрос просодической актуализации связности озвученного дискурса является одной из актуальных проблем в этом направлении исследований.

Изучение роли супraseгментных средств в обеспечении реализации авторского замысла свидетельствует, что акцентно-смысловую связность звукового фрейма можно трактовать как многомерный линейный процесс просодического выделения микро и макроединиц и одновременно объединение их в когерентную модель интерпретации художественного замысла. Следовательно, обращение к вербальному контексту озвученного художественного дискурса при параллельном анализе просодической аранжировки авторского замысла существенно расширяет поле деятельности для исследования просодического ритма, поскольку просодия рассматривается как важное трансляторное средство коммуникативной ориентации. Единство ритмических импульсов, то есть стабильность ритма, является признаком когерентности, что наблюдается в тематической, концептуальной и модальной связях [6, с. 17].

Средствами ритмизации могут выступать языковые единицы всех уровней в их взаимосвязи, явления повтора и градации [7, с. 97]. При анализе ритмической организации озвученного художественного дискурса целесообразно учитывать закономерности функционирования просодических средств адекватного маркирования вербального контекста.

По мнению профессора А. М. Антиповой, к средствам ритмизации относится и *ступень* как *ритмическая единица*, объединение синтагм, в котором последующая синтагма располагается на более низком тональном уровне [1, с. 131]. Исследуемый нами озвученный художественный дискурс даёт возможность утверждать, что *ступени* характерна своя специфическая регистровая динамика. Наши наблюдения позволяют утверждать, что *ступень* по своим инвариантным

регистровым характеристикам является нисходящей и восходящей, что отражает её базовую комбинаторику. Эти модели объединения фonoсинтагм имеют варианты реализации с гетерогенными регистровыми признаками.

В рамках этой публикации предпринята попытка изложить наши первичные наблюдения над спецификой функционирования *ступени* как макро-ритмической единицы, отражающей особенности концептуального ритма содержательно-концептуальной информации озвученного художественного дискурса. Корпус экспериментально-фонетического исследования составляют озвученные модели произведений Э. Хемингуэя. Перцептивные характеристики озвученных версий художественного дискурса сопоставлены с оцифрованными акустическими показателями частоты основного тона (далее ЧОТ) как акустического коррелята базовой, тональной подсистемы просодии по протоколу эксперимента с помощью компьютерной программы SFS / WASP version 1.54.

Наши наблюдения над *ступенью* вербального контекста художественных произведений дают основания утверждать, что акцентно-ритмический рельеф пространственно-временного континуума отражает роль *ступени* как маркера актуализации авторского замысла и его содержательно-концептуальной информации. Например:

*I remember (129) once (85) | out at St. Cloud (69). || It was a big (149) two (138) hundred (111) thousand (118) franc (102) race (98) | with seven (110) entries (118) | and Kzar (96) a big (83) favorite (76). || I went (117) around to the paddock (144) | to see **the horses (93)** | with **my old (80) man (82)** | and you (130) never (125) saw (120) such **horses (80)**. || This Kzar (138) | is a great (125) big (105) yellow (89) **horse (71)** | that looks (105) like (119) just (108) nothing (125) but run (70). || I never (137) saw (132) such **a horse (64)**. || [10]*

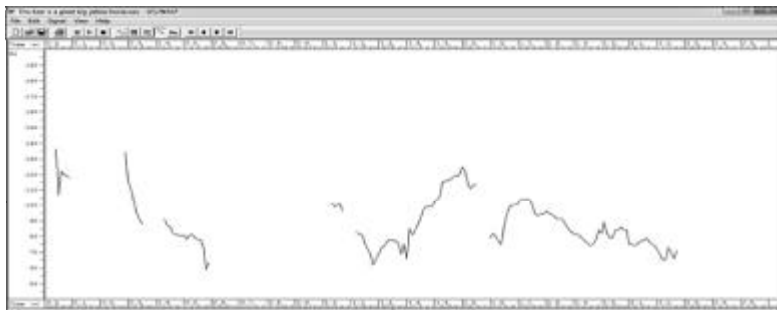

Рис. 1. Конфигурация ЧОТ *ступени* «*This Kzar (138) | is a great (125) big (105) yellow (89) horse (71)*»

Абсолютные показатели ЧОТ фоносинтагм отрывка из повести “My Old Man” отражают ступенчатый характер тональной реализации озвученной модели художественного дискурса и регистровые особенности нисходящей *ступени*. Результаты статистических подсчётов показывают, что наиболее частотной инвариантной моделью (75%) является нисходящая *ступень*.

Инициальная фоносинтагма акустического рисунка этой нисходящей *ступени* имеет самые высокие показатели ЧОТ, которые понижаются в последующей составляющей этой ритмической комбинации (Рис. 1). Приведённый в качестве примера отрывок из повести “My Old Man” отражает также лексико-семантические маркеры концептуального поля, интеграцию концептуальных категорий «Человек» и «Природа», которые создают базис содержательно-концептуальной информации проанализированного художественного произведения. Финальная синтагма *ступени* акустического рисунка 1 отражает частотные характеристики этого отрезка и символизирует особенности этой макроритмической единицы, которая является нисходящей, доминирующей в этом отрывке. Следует отметить, что *ступень* коррелирует с концептуальным пространством художественного дискурса, отражая его динамику и когерентность.

Наши наблюдения над *ступенью* вербального контекста художественного произведения “The Sun Also Rises” дают основания утверждать, что его акцентно-ритмический рельеф также отражает роль *ступени* как базиса ритмической актуализации содержательно-концептуальной информации. Например:

It was a warm (220) spring (170) night (128) | and I sat (148) at a table (130) on the terrace (111) of the Napolitain (98) | after Robert (102) had gone (97), | watching (125) it get dark (107) | and the electric (97) signs (99) come on (93), | and the red (112) and green (115) stop-and-go (116) traffic-signal (125), | and the crowd (110) going by (103), | and the horse-cabs (121) | clippety-clopping (145) along (117) at the edge (111) of the solid (121) taxi (109) traffic (122), | and the poules (161) going by (167), | singly (99) and in pairs (104), | looking (110) for the evening (108) meal (130). || I watched (168) a good-looking girl (109) | walk (108) past the table (106) | and watched (103) her (86) go up (89) the street (107) | and lost (90) sight (105) of her (101), | and watched (125) another; | and then saw (148) the first (190) one (142) | coming (117) back (161) again. || She (167) went (188) by once (118) more (152) | and I caught (123) her eye (91), | and she (98) came (124) over | and sat (116) down at the table (181). || The waiter (170) came up (107). || [11]

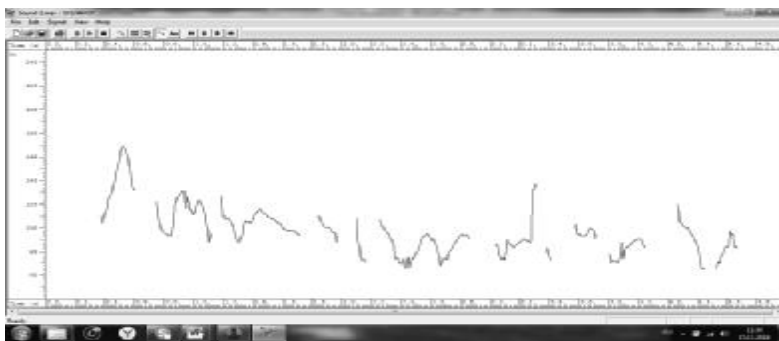

Рис. 2. Конфигурация ЧОТ ступени «*I watched (168) a good-looking girl (109) | walk (108) past the table (106) | and watched (103) her (86) go up (89) the street (107) | and lost (90) sight (105) of her (101)*»

Этот фрагмент отражает частотную нисходящую ступень озвученной версии, регистровую специфику просодического маркирования вербального контекста. Микроконцептуальная категория «психологическое состояние», специфически маркированная на лексико-семантическом уровне, отражает динамику психоэмоционального состояния главного героя.

Показатели частоты основного тона двух отрывков подчёркивают ступенчатый характер репрезентации авторского замысла благодаря регистровым характеристикам фоносинтагм, объединённых в *ступени*, сигнализирующие просодическую динамику вербального контекста. Результаты статистических подсчётов показывают, что наиболее частотной является нисходящая ступень. Инициальная синтагма фонофразы (Рис. 2), как показывает пример, имеет самые высокие показатели частоты основного тона, которые понижаются в последующих фоносинтагмах *ступени*. Наряду с этим, в проанализированных литературных произведениях объединение фоносинтагм в *ступени* имеет восходящую модель ритмизации, в также варианты реализации базовых моделей, что, в нашем понимании, напрямую коррелирует с особенностями интерпретации авторского замысла просодическими средствами, маркирующими градуальность смыслового развёртывания контекста художественного произведения. Таким образом, *ступень* как базовый ритмический пласт, маркируя смысловой контраст, отражает акцентный рельеф фоносинтагм и их ранговое соотношение, а также значимость регистровых изменений частоты основного тона как акустического коррелята тональной подсистемы просодии, стратегически

значимой подсистемы реализации когерентности озвученного художественного дискурса. Дальнейшее исследование в этом направлении будет способствовать выявлению динамических и временных просодических маркеров алгоритма концептуально-синергетической партитуры озвученной версии дискурса как фрейма интерпретации авторского замысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипова А. М. Основные проблемы в изучении речевого ритма / А. М. Антипова // Вопросы языкознания. – 1990. – № 5. – С. 124 – 134.
2. Бочкарёв А. Е. Ритмическая организация художественного текста (фонетические и семантические аспекты) / А. Е. Бочкарёв // Пространственно-временная и ритмическая организация художественного текста: Сб. научных трудов. – М., 1986. – Вып. 265. – С. 106 – 122.
3. Дейк Ван Т. А. Эпизодические модели в обработке дискурса / Т. А. Ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация. – Б. : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
4. Калита А. А. Просодична організація озвученого тексту / А. А. Калита // Наукові записки (серія: Філологічні науки (Мовознавство). – Кировоград, 2010. – Вып. 89 (4). – С. 273 – 275.
5. Кривнова О. Ф. Ритмизация и интонационное членение текста в «процессе речи-мысли»: опыт теоретико-экспериментального исследования языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Кривнова Ольга Фёдоровна. – Москва, 2007. – 53 с.
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 203 с.
7. Прохвятилова О. А. Ритмическая организация современной православной проповеди / О. А. Прохвятилова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2013. – № 3 (19). – С. 97–103.
8. Шевченко Т. И., Сибелева Л. Н. Фонетика и фонология просодии делового дискурса / Т. И. Шевченко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 580. – С. 186 – 204.
9. Chafe W. Cognitive Constraints in Information Flow / W. Chafe // Coherence and Grounding in Discourse. – Amsterdam : Verlag, 1987. – P. 21 – 52.
10. Hemingway E. My Old Man [Электронный ресурс] / E. Hemingway. – Режим доступа : <https://americanliterature.com/author/ernest-hemingway/short-story/my-old-man>.

11. Hemingway E. The Sun Also Rises [Электронный ресурс] / E. Hemingway. – Режим доступа : <https://gutenberg.ca/ebooks/hemingwaye-sunalsoarises/hemingwaye-sunalsoarises-00-h.html/>

АННОТАЦИЯ

Барбунова М. С. Просодические параметры ритмизации художественного дискурса

В статье рассматриваются особенности просодического ритма озвученного художественного дискурса. Исследование ритмизации авторского замысла проводится с учётом перцептивных и акустических характеристик вербального контекста. Установлена специфика ступени как макроритмической единицы, отражающей акцентный рельеф фоносинтагм и их ранговое соотношение.

Ключевые слова: ритм, дискурс, ступень, фоносинтагма, контекст.

SUMMARY

Barbunova M. S. prosodic parameters of the artistic discourse rhythmicity

The article highlights peculiarities of prosodic rhythm within the framework of the artistic discourse sound version. The focus of this research is primarily on the perceptible and acoustic parameters of the verbal context. Specifics of the step being the macrorhythmic unit are singled out. The data obtained reveal the accentuation relief of the intonation groups and rank of their correlation.

Key words: rhythm, discourse, step, intonation group, context.

*М. А. Досычева
(г. Горловка, ДНР)*

УДК

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современном мире знание иностранных языков дает огромное преимущество как с точки зрения успешности в ряде профессий, так и для досуга, например, путешествий. Однако доминирование английского языка вовсе не делает остальные языки неактуальными для изучения.

Одним из наиболее востребованных языков, изучаемых в качестве второго, является французский. Существуют единые

исходные теоретические позиции, общие закономерности обучения французскому языку на базе английского.

Традиционно понятие «дополнительное» идет по семантике слова. Так, в Словаре русского языка С.И. Ожегова понятие «дополнительный» определяется как дополнение к чему-нибудь, «дополнить» – значит сделать более полным, прибавив к чему-нибудь, восполнить недостающее в чем-либо. Дополнительное образование по праву относится к сферам наибольшего благоприятствования для развития каждого ребенка, оно действительно «свое», личностное – по выбору, по характеру, «по душе» [6, с. 208]. Личность формируется в постоянной деятельности, преодолении себя, в переживаниях горя и радости, в сопричастности к общению, большому настоящему делу.

Дополнительное образование, в отличие от обязательного школьного, имеет ряд особенностей:

- создание условий для свободного выбора каждым ребенком образовательной области (направления и вида деятельности), профиля программы и времени ее освоения, педагога;
- многообразие видов деятельности, удовлетворяющей самые разные интересы, склонности и потребности ребенка;
- личностно-деятельностный характер образовательного процесса, способствующий развитию мотивации личности к познанию и творчеству, самореализации и самоопределению;
- личностно-ориентированный подход к ребенку, создание «ситуации успеха» для каждого. В центре дополнительного образовательного процесса находится конкретный ребенок, саморазвитие его личности и индивидуальности. Для этого педагог дополнительного образования стремится получить детальную информацию об индивидуальных особенностях, потребностях, интересах, склонностях каждого ребенка, его уровне интеллектуальной, эмоционально-ценностной, трудовой и физической подготовки; психофизиологических качествах личности, а также о микросреде сверстников, где вращается ребенок, его семье и т.д.;
- создание условий для самореализации, самопознания, самоопределения личности;
- признание за ребенком права на пробы и ошибки в выборе, права на пересмотр возможностей в самоопределении;
- применение таких средств определения результативности продвижения ребенка в границах избранной им дополнительной образовательной программы (вида деятельности, области знаний), которые помогли бы ему увидеть ступени собственного развития и стимулировали бы это развитие, не ущемляя достоинства личности ребенка [4, с. 79].

Таким образом, дополнительное образование дает больше возможностей для самореализации, самоутверждения так как предоставляет большую свободу выбора, соответствующего интересам обучающихся.

Одним из направлений дополнительного образования является изучение французского языка как второго иностранного для изучающих английский язык. В начале своей работы в качестве руководителя кружка французского языка я столкнулась с такой ситуацией, что желания детей изучать или не изучать иностранный язык не всегда совпадают с требованиями школьной программы. Как показала практика, в школах с изучением второго иностранного языка у детей пропадает желание продолжать заниматься языком. И наоборот, не имея возможности учить французский язык в школе, дети обращаются в учреждения дополнительного образования. Этот факт доказывает, что у детей школьного возраста есть желание к познанию чего-то нового, к изучению французского языка и культуры.

Как показали многочисленные научные исследования, проблемы мультилингвального обучения крайне сложны. Овладение вторым иностранным языком происходит в условиях формирования субординативного трилингвизма, т.е. один язык (родной) изучается в естественных условиях, а два иностранных – в искусственных. Подобное мультилингвальное обучение определяет как особенности овладения вторым иностранным языком, так и технологию обучения последнему [2, с. 199].

Преподавание второго иностранного языка во многом отличается от изучения и преподавания первого. Учёные-лингвисты, психологи, а также преподаватели-практики накопили значительный опыт в выявлении того, что благоприятствует его усвоению, а что тормозит его правильное изучение. Один из факторов – опыт изучения предыдущего иностранного языка, приёмы работы, умение переключаться с одной языковой системы на другую. При этом неизбежны как перенос (положительное влияние) навыков изучения языков, так и интерференция (отрицательное влияние) [3, с. 21].

Основное назначение иностранного языка состоит в формировании коммуникативной компетенции, т.е. способности и готовности осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка.

Иностранный язык как учебный предмет характеризуется:

- межпредметностью (содержанием речи на иностранном языке могут быть сведения из разных областей знания, например, литературы, искусства, истории, географии, математики и др.);

- многоуровневостью (с одной стороны, необходимо овладение различными языковыми средствами, соотносящимися с аспектами языка: лексическим, грамматическим, фонетическим, с другой – умениями в четырех видах речевой деятельности);

- полифункциональностью (может выступать как цель обучения и как средство приобретения сведений в самых различных областях знания).

Важнейшими психолингвистическими закономерностями овладения вторым иностранным языком являются: широкое действие психологического переноса; возможность сделать обучение более интенсивным; готовность учащихся к большей самостоятельности в обучении; их высокая активность [7, с. 42].

Особенностью методики обучения второму иностранному языку является не предотвращение интерференции, а необходимость обеспечить положительный перенос, для чего существуют все необходимые предпосылки. Изучающий второй иностранный язык осуществляет перенос на многих уровнях, оптимизируя, таким образом, свою учёбу. На начальном этапе обучения второму иностранному языку учащиеся владеют общими учебными умениями. К таким умениям относятся наблюдение, сравнение, следование алгоритмам деятельности, умения поиска информации и т.д.

Стимулирование переноса позволяет значительно оптимизировать учебный процесс, ускорить его, сделать более приятным для учащихся.

При изучении французского языка в качестве второго, можно говорить об использовании положительного переноса из английского языка. Несмотря на то, что французский язык относится к романской группе, а английский – к германской, между ними наблюдается множество сходных явлений, что обусловлено историческими причинами. Наибольший перенос из английского языка во французский отмечается в области лексики, так как большинство слов английского языка заимствованы из латинского и французского языков. С другой стороны, значительное количество англицизмов проникло за последние годы во французский язык, особенно в области специальной терминологии, названии бытовых предметов.

Большое количество слов общего корня, интернационализмов облегчает запоминание, способствует догадке о значении незнакомых слов, имеющих сходство с соответствующими английскими словами, пополняя потенциальный лексический запас учащихся [7, с. 105]: *économie-economy-экономика; demande-demand-спрос; volume-volume-объём*.

Кроме большого пласта общей лексики, наблюдается также употребление французских и английских слов с одинаковым значением в сходных ситуациях. Например, в словосочетаниях *par cœur* и *by heart* (наизусть) употребляется существительное «сердце». Зная употребление английских глаголов *to speak* и *to say*, легко понять употребление глаголов *parler* и *dire*.

«*I speak French*», «*Je parle Français*». «*I say «Hello»/«Je dit «Salut»*». Глаголы *to leave* и *quitter* имеют в обоих языках как значение «оставлять, покидать», так и «уезжать из...». *Je quitte Paris, Nous quittons nos amis, I leave Paris, I leave my friends*.

Большое сходство наблюдается в случае употребления предлогов *de* и *of*, *dans* и *in*, *à* и *to*.

Помимо сходства в лексическом составе, можно проследить примеры сходства в морфологии.

В английском и французском языках для определения имени существительного употребляется артикль. Но так как во французском языке система артиклей гораздо более сложная, чем в английском, сходство наблюдается только в случаях употребления неопределенного и определенного артиклей, а также в случае их неупотребления.

She has a sister/Elle a une soeur.

She is a good actress/ Elle est une bonne actrice; Close the door/ Fermez la porte.

Английские притяжательные местоимения и французские притяжательные прилагательные употребляются в одном лице и числе с обладателем предмета:

It's my house/C'est ma maison. It's their flat/C'est leur appartement.

Во французском, как и в английском языке, после глаголов чувственного восприятия употребляются инфинитивные конструкции:

I never saw him cry/Je ne l'ai jamais vu pleurer.

Сравнительная степень французских прилагательных образуется так же, как сравнительная степень двусложных и многосложных английских прилагательных – при помощи наречий *more – plus* (более), *less – moins* (менее): *more beautiful/plus beau, less interesting/moins intéressant*. Для образования превосходной степени сравнения используются определенные артикли: *the/le, la, les*: *the most beautiful/le plus beau*.

Пассивный залог в английском и французском языках образуется однотипно: *To be + past participle/être +participe passé*.

The letter was written/la lettre fut écrite.

В области синтаксиса также наблюдается множество сходных явлений.

Английский и французский языки имеют ярко выраженные признаки аналитического строя. Основными средствами выражения грамматических отношений являются служебные слова (предлоги, вспомогательные глаголы) и порядок слов. Фиксированный порядок слов – одно из основных средств выражения синтаксических связей в структуре предложения. В синтаксической системе обоих языков присутствуют личные, безличные, неопределенно-личные предложения, широко употребляются обороты со значением: «имеется, находится, существует» *there is/are il y a*.

It's three o'clock/Il est trois heures. I

They say he is ill/On dit qu'il est malade.

There is a book on the table/Il y a un livre sur la table.

Однако даже в общих категориях первого и второго иностранных языков существует ряд различий, на которые важно обратить внимание учащихся с самого начала. Так, при ознакомлении с новыми лексическими единицами особое внимание необходимо уделять произносительной стороне слов общего корня, так как в произношении этих слов проявляется наибольшее влияние интерференции первого иностранного языка (перенос ударения на первый слог: *prison* – *prison*; чтение букв *g* и *j* как [dz]): *village* – *village*; *justice* – *justice*. Артикуляционная база наиболее подвержена интерферирующему влиянию фонетических навыков, сформированных в первом иностранном языке [3, с. 134].

Наличие общих черт в языках способствует полному переносу явлений первого иностранного языка на сходные явления второго иностранного языка, что и вызывает ошибки. Наибольшие трудности возникают при употреблении артиклей во французском языке, при спряжении глаголов 3 группы, требуется опора на родной язык при изучении темы местоимений-дополнений: *le, la, les, leur, lui*.

Особое внимание при обучении грамматике следует обратить на различие в употреблении некоторых глагольных форм. Хотя существует ряд аналогий в употреблении *plus-que-parfait/past perfect*; *futur dans le passé/future in the past*, имеются расхождения в употреблении *passé composé/present perfect* и *past continuous/Imparfait*.

Таким образом, несмотря на общность категорий, тренировка грамматических явлений второго иностранного языка не должна быть менее интенсивной, чем в первом иностранном языке.

Итак, основным подходом при обучении второму иностранному языку является сравнительно-сопоставительный подход на сознательной основе, что служит интенсификации процесса

обучения. Однако, оставаясь одним из основополагающих принципов на протяжении всего курса обучения, он играет разную по значимости роль. С развитием умений и навыков во втором иностранном языке, увеличением объёма усвоенного языкового материала происходит постоянное уменьшение влияния первого иностранного языка на второй. Со временем учащиеся начинают осознавать внутренние законы построения системы французского языка, у них формируется «чувство языка». На продвинутых этапах учащиеся запоминают и употребляют новые лексемы не только по формальному сходству со словами первого иностранного языка, но и по ассоциативным связям с уже известным во втором иностранном языке.

Сознательная работа над вторым иностранным языком может, в свою очередь, помочь и в работе над первым иностранным языком, что способствует приобретению опыта в изучении иностранных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г. Дополнительное образование как зона ближайшего развития образования в России: от традиционной педагогики к педагогике развития // Внешкольник. – 1997. – № 9.
2. Барышников, Н. В. Методика обучения второму иностранному языку в школе / Н. В. Барышников. – М.: Просвещение, 2003. – С. 197-200.
3. Ветрова Н. В. Применение положительного переноса из английского языка при изучении французского как второго иностранного / Н. В. Ветрова // Вестник Ивановского государственного энергетического университета – 2011. – № Вып. 3.
4. Дробышева Н. Н., Монахова Е. Б. Иностранный язык как фактор востребованности специалистов на рынке труда в условиях глобализации / Проблемы языка в глобальном мире: монография / под ред. Е. В. Ганиной, А. Н. Чумакова. – Москва: Проспект, 2016. – С. 196.
5. Дополнительное образование детей: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. О. Е. Лебедева. – М.: ВЛАДОС, 2000.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Около 57000 слов/ Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1986. – 797 с.
7. Щепилова А. В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному / А. В. Щепилова. – М.: ВЛАДОС, 2005. – С. 41-46.

8. Annie Monnerie-Goarin. Metro Saint-Michel. Methode de Francais / CLE international, Paris 2005. 3. Catherine Hugot. Alter Ego. Methode de Francais / Achette Livre Paris : 200.

АННОТАЦИЯ

Досычева М. А. Особенности преподавания французского языка как второго иностранного в условиях дополнительного образования

Статья посвящена особенностям преподавания французского языка как второго иностранного в условиях дополнительного образования. В работе рассмотрены условия обучения школьников французскому языку в учреждении дополнительного образования, что позволяет подстраивать образовательный процесс под современные тенденции и, что немаловажно, под желания и особенности обучающихся, так как в условиях дополнительного образования очень важно не просто набрать группу учеников, но и заинтересовать их, удержать и создать все условия для проведения занятий. В ходе анализа был сделан вывод, что знания первого иностранного языка имеет значительное положительное влияние на понимание и усвоение французского языка.

Ключевые слова: второй иностранный язык, учреждение дополнительного образования, мультилингвальное обучение.

SUMMARY

Dosycheva M. A. Features of teaching French as the second foreign language in the conditions of additional education

The article is devoted to features of teaching French as the second foreign language in the conditions of additional education. In this work we consider conditions of training of school students in French in establishment of additional education that allows to arrange educational process under current trends and that is much important, according desires and features of students as in the conditions of additional education. It is very important not just to gather group of pupils, but also to interest them, to hold and create all conditions for training. During the analysis the conclusion was drawn that considerable positive influence on understanding and assimilation of French has knowledge of the first foreign language.

Key words: second foreign language, institution of additional education, multilingual education.

УДК 81'25'373.612.4

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РАЗНОСТИЛЕВЫХ ПЛЕОНАЗМОВ КАК ЯВЛЕНИЙ РЕЧЕВОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ

Прагматический подход к вопросу о том, зачем нужен перевод с одних языков на другие, предполагает, соответственно, утилитарное решение – для того, чтобы читатель или слушатель, не владеющий чужим языком, мог ознакомиться с написанным или сказанным на этом языке. Правда, представление реципиента об этой информации может на поверку оказаться не по-настоящему адекватным, поскольку перевод – это неминуемое видоизменение оригинала, с известными потерями и издержками, с чем, в целом, необходимо мириться, понимая, что все-таки переводчиком совершается благое дело. Наиболее интересные вопросы в теории и практике перевода связаны с выявлением критериев его точности, уровня требований, к нему предъявляемых, особенно, если это касается спорных моментов.

В нашей речи, даже на родном языке, мы сталкиваемся с такими «спорными моментами», когда допускаются различные ошибки, не кажущиеся нам в силу привычки таковыми, т. к. они касаются только присущей нам особенности выражения мысли, о неидеальности которой мы иногда даже не догадываемся. Особая же роль переводчика состоит как раз в том, чтобы не только донести смысл сказанного или написанного на другом языке, но и в разных функциональных стилях передать значение верно, минуя или преобразуя в норму подобные особенности. Какие приемы перевода использовать, чтобы недостаток переводимого превратился в достоинство переведенного, как правильно оценить ситуацию и понять, что кажущееся ошибкой, на первый взгляд, может оказаться намеренной задумкой автора для передачи особых эмоций или имплицитного смысла – задача, определяющая компетентность переводчика. К одной из разновидностей таких сложностей (ошибок), которую мы попытались исследовать, относится проблема многословия или речевой избыточности, понятие, обозначаемое в языкознании термином плеоназм.

Плеоназм представляет собой оборот речи, в котором происходит дублирование некоторого элемента смысла; наличие нескольких языковых форм, выражающих одно и то же значение, в пределах законченного отрезка речи или текста; а также само

языковое выражение, в котором имеется подобное дублирование [5, с. 107]. Плеоназмы закреплены в разных сферах употребления языка – в публицистике, печатных средствах массовой информации, радиопередачах, телевизионных программах, кинофильмах, а также в произведениях художественной литературы. Немалое количество плеонастических словосочетаний содержится и в разговорном дискурсе, что объясняется их обусловленностью конкретными языковыми ситуациями. Таким образом, закрепившиеся в языке как нормативные, они зачастую уже не воспринимаются носителями языка как избыточные и, следовательно, ошибочные. Задача переводчика, для создания адекватного перевода, – учитывать подобную особенность носителей языка.

Изучение плеоназмов имеет очень долгую историю. Уже в древности слова, излишние только с виду понимали как плеоназм, однако не всегда расценивали так называемые «лишние» слова как недостаток, понимая, что многие из них служат для усиления и уяснения смысла речи. Еще античные ученые обращали внимание на плеоназм и давали ему оценку и трактовку. Так, плеоназм определялся как перегруженность речи излишними словами, следовательно, как стилистический порок [2, с. 107]. Тем временем в трудах других ученых плеоназм представлялся как один из приемов обогащения речи словами, на первый взгляд излишними, но в действительности придающими ей ясность, силу и колорит. Так, например, для создания шуточного эффекта, классики русской литературы использовали плеоназмы с целью привлечения внимания читателя к определенному отрывку или событию для повышения градуса экспрессии. Намеренно употребленные плеоназмы, так называемые «мнимые», помимо явных ошибок и недосмотров, встречаются и фольклоре как средство усиления выразительности речи: *звать-величать, тьма тмушая, полным-полно, черным-черно, видимо-невидимо, горе горевать, доля долишка, молодого-зелено*. Однако грань между ошибкой и художественным средством очень зыбкая. Традиционно же плеоназмы рассматриваются как употребление в речи близких по смыслу и потому излишних слов (от греческого *pleonasmus* – излишество), возникающих главным образом из-за стилистической небрежности автора [1, с. 148]. Например: *предчувствовать заранее, говорить вслух, спуститься вниз с горы, окружен со всех сторон, слышал собственными ушами; видел своими глазами, приснилось во сне*, либо при соединении синонимов: *занудный и скучный; помог и поспособствовал*.

Речевая избыточность в тексте, в устной речи может проявляться в различных формах. Это и навязчивое объяснение

уже известных истин, и повторная передача одной и той же мысли. Наиболее характерные плеоназмы чаще всего причисляют к речевым ошибкам. Часто в речи, оставаясь незаметными, как явное излишество в уточнении смысла встречаются такие как: *коллеги по работе, первый лидер, сувенир на память, военный госпиталь* и т.д.

Плеоназм – явление, которое встречается повсеместно и в различных функциональных стилях: в научно-популярном, научно-техническом, официально-деловом. Не лишена плеоназмов и разговорная, и разговорно-поэтическая речь. Плеоназмы характерны для разговорного стиля вследствие их особой экспрессивности, выразительности и оценочности, свойственных неофициальной форме взаимодействия людей. В связи с этим переводчик может рассматривать явление плеоназма с двух основных позиций: с позиции варианта, закрепившегося в языке и, соответственно, не являющегося речевым недочетом, и с позиции ошибочного, некорректного словоупотребления, проявляющегося в соединении слов семантически близких, и поэтому часто логически избыточных. При переводе контекста, содержащего подобное явление, переводчику также важно иметь в виду, что плеоназмы по своей природе принято подразделять на обязательные, т.е. обусловленные языковой системой, и факультативные. Факультативные плеоназмы бывают как закрепленными языковой нормой, так и такими, которые создаются заново говорящим или пишущим. При осуществлении перевода необходимо помнить о том, что по своей природе плеоназмы могут быть синтаксическими и семантическими. Синтаксические плеоназмы являются результатом избыточного употребления служебных частей речи, а семантические плеоназмы представляют собой языковую избыточность. Примером синтаксического плеоназма может служить предложение: *исходя из того, что он хотел сказать о том, что случилось, был установлен состав преступления*. Или, появившийся в последнее время, но, безусловно, неправильный оборот речи, который можно часто услышать с экрана телевизора *он(она) понимал(а) о том, что...* Примерами семантических плеоназмов могут служить следующие: *бесплатные подарки*, часто в объявлениях встречается сочетание – *отдам даром, по моему личному мнению*, где речевая избыточность налицо. Не стоит уточнять, что процесс дарения бесплатный, «мое мнение», безусловно является собственным, т. е. личным. Избыточность временами принимает форму иностранных слов, чье значение повторяется в этом контексте. Чаще всего это случается с иностранными аббревиатурами: *CD-диск, VIP-персона*. К плеонастическим

ошибкам (немотивированной речевой избыточности) чаще всего приводит незнание говорящими семантики некоторых сочетаний, в состав которых уже входит иноязычная лексика: *скоростной экспресс* (экспресс – срочный, скорый поезд), *строгое табу* (табу – строгий запрет), *тайная конспирация* (конспирация – тайная деятельность), *подводный дайвинг* (дайвинг – подводное плавание с аквалангом), *посетить с визитом* (визит – посещение кого-либо).

В процессе перевода переводчик может столкнуться с плеоназмами, которые можно классифицировать и по структуре. Например: с сочетанием двух синонимичных существительных, воспринимаемых как обозначения разных, хотя и однородных понятий: *слышалась отборная брань и ругательства*; сочетанием прилагательного и существительного, в котором значение прилагательного в известной мере дублирует значение, заключенное в существительном: *праздничный юбилей*; с сочетанием двух синонимичных глаголов: *мы помнили и не забывали его советов*; с двумя синонимичными прилагательными в одном предложении *крохотная и маленькая шкатулка*; с синонимичными глаголом и наречием в одном предложении *приблизиться все ближе*.

Возникает вопрос, какие способы перевода, из традиционно используемых, такие как калькирование, перестановка или перемещение, добавление или расширение, конкретизация, конверсия, генерализация, опущение или сокращение, грамматическая замена, членение предложений, экспликация, объединение предложений и т.д., наиболее приемлемы для передачи смысла того иного вида плеоназмов. Нами замечено, если явление плеоназма не является результатом речи малообразованного либо имеющего маленький словарный запас человека, калькирование, как средство перевода используется чаще, чем все остальные способы. Особенно это касается фольклора или перевода в научно-популярной литературе. Причиной частого использования этого приема становится стремление переводчика к лаконичности сообщения, или сохранению колорита первоисточника. Однако калькирование не всегда передает нужный смысл оригинала.

Достаточно часто используется такой не менее важный прием перевода плеоназмов, как опущение (сокращение), особенно в научно-популярных текстах, когда переводчику необходимо опустить некоторые детали, которые затрудняют понимание целого контекста. Конкретизация и генерализация – два противоположных приема перевода, которые встречаются при передаче плеоназма на русский язык в научно-популярных текстах. Из-за научности таких текстов переводчику необходимо

то сужать, то расширять значение языкового явления.

Чтобы не допускать утяжеления конструкций, содержащих плеонастические сочетания, переводчики часто выбирают прием конверсии, где может потребоваться замена частей речи или перестройка всего предложения. Для сохранения образности, заключенной в плеоназмах, переводчику, используя прием конверсии при переводе, может потребоваться ввод дополнительных слов.

Иногда переводчик может прибегнуть к грамматической замене и членению или объединению предложений при переводе плеонастических сочетаний в научно-популярном стиле. В таких случаях переводчик руководствуется стремлением упростить содержание контекста, содержащего плеоназм.

Более выгодный прием при переводе плеоназмов в научно- популярном стиле – перестановка (перемещение). Именно благодаря перестановке переводчикам удастся передать научную информацию в доступной форме для читателя. Кроме того, термины – главная особенность перевода научно-популярных текстов, которые лучше всего перевести, используя перестановку. Таким образом, напрашивается вывод, что при переводе плеоназмов в научно-популярном стиле чаще используются лексические способы и приемы перевода – калькирование, конверсия, добавление, генерализация [5, с. 147]. Это связано, прежде всего, со сложностью передачи терминов, передачи экспрессивности, которая обязательна для научно-популярного произведения.

Особое внимание переводчика заслуживает и научно-технический стиль речи. Это стиль, где часто встречаются плеоназмы, ввиду того, что человек не всегда успевает за прогрессом науки и употребляет заимствованные понятия совместно с уже существующими, что приводит к многословию. Приемы перевода контекста в таком стиле во многом совпадают с переводом научно-популярной литературы.

Официально-деловой стиль речи также не исключает такого явления, как речевая избыточность, однако в гораздо меньшей степени, чем все остальные. Чтобы избежать эмоциональной окраски официального документа, а тем более с использованием плеоназмов, переводчики прибегают к таким видам перевода, как генерализация и конверсия. В меньшей степени в переводах официально-делового контекста используются такие способы, как конкретизация, опущение и грамматическая замена.

Подводя итог сказанному, мы приходим к выводу, что само существование плеоназмов может быть вызвано как языковой аномалией, указывающей на недостаточную стилистическую и семантическую компетенцию автора сообщения, недостатком

энциклопедической и языковой компетенции, в частности, недопониманием значения терминов или иноязычных слов и выражений, так и следованием языковой традиции, стремлением к полноте сообщаемой информации, намеренным желанием использовать плеоназмы для достижения более высокой экспрессивности, преимущественно в поэтической речи. А выбор способа их перевода в каждом конкретном случае напрямую зависит от стиля текста или высказывания и, безусловно, компетентности переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, И. С. Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И. С. Алексеева. – СПб. : Изд-во «Союз», 2001. – 288 с.
2. Кокенowa, З. К. Плеоназм в медицинской лексике / З. К. Кокенowa, Т. К. Бердалиева, Г. М. Чумбалова // Вестник Казахского национального медицинского университета. – 2014. – № 3(2). – С. 107 – 108.
3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
4. Найда, Ю. А. Наука перевода / Ю. А. Найда // Вопросы языкознания. – 1970. – № 4. – С. 3 – 14.
5. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие / А. В. Федоров. – М. : Высш. шк., 1983. – 303 с.

АННОТАЦИЯ

Жиденко Л. А. Особенности перевода разностилевых плеоназмов как явлений речевой избыточности

В статье рассматривается явление речевой избыточности – плеоназм. Приведены примеры различных видов плеоназмов и особенности их перевода в различных функциональных стилях. Названы возможные приемы перевода плеоназмов, что может оказаться полезным в процессе обучения переводу в целом.

Ключевые слова: плеоназмы, речевая избыточность, перевод, функциональные стили, экспрессивность.

SUMMARY

Zhidenko L. A. Features of translation of different-style pleonasms as speech redundancy phenomena

The article deals with the phenomenon of speech redundancy – pleonasm. Examples of different types of pleonasm and peculiarities of their translation in different functional styles are given. Named the

possible methods of translation of pleonasm, which can be useful in the process of translation teaching in general.

Key words: pleonasm, speech redundancy, translation, functional styles, expressivity.

*И. Г. Коловерова, А. А. Карпенко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 316.454.52:62139(460)(045)

ТЕКСТИНГ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ SMS-ОБЩЕНИЯ МОЛОДЁЖИ В ИСПАНИИ

В современном мире коммуникация с помощью SMS (Short Message Service) стала неотъемлемым символом нашей жизни: в настоящее время данным сервисом пользуются более 80% абонентов мобильной связи, а количество отправляемых по всему миру сообщений исчисляется сотнями миллиардов в год. Объем отправляемых текстовых сообщений растет с неимоверной быстротой. Так, например, по данным компании Movistar испанцы (молодое поколение в основном) отправляют в месяц около четырехсот сообщений, а звонков по телефону совершают в два раза меньше.

История развития SMS очень увлекательна. На протяжении 14 лет данный сервис был не сильно востребованным, однако совсем за короткое время SMS-сервис стал одним из основных источников доходов для известных операторов. История берёт начало в начале 90-х годов прошлого века. Институт стандартов в области телекоммуникаций (ETSI) разработали механизм обмена маленькими частями текста между мобильными абонентскими станциями. В декабре 1992 г. инженер компании Airwide Solutions Нил Пэпуорт (Neil Papworth) отправил первое в мире SMS-сообщение. Он отправил своим коллегам текст с поздравлением грядущего Рождества. А в июне 1993 г. было отправлено первое, именно коммерческое, сообщение из Лос-Анджелеса.

Данная технология стремительно вошла в жизни миллионов пользователей и изменила их до неузнаваемости. Однако новая технология не получила сиюминутного признания. Возможность отправлять и получать SMS-сообщения была заложена в самом стандарте GSM, но мобильные операторы выводить новую услугу на рынок совсем не торопились. Лишь только в конце прошлого века телефон стали употреблять массово, а не только как способ общения менеджеров и т.д. Именно в это время произошло второе рождение функций SMS, ведь именно в своём устройстве

молодёжь обнаружила новый сервис, который позволял и сэкономить их время, и предоставил им совершенно иной способ самовыражения. Себестоимость одного SMS-сообщения была относительно низкой, поэтому новый сервис стал приносить неплохой доход, тем самым получив признание людей на рынке.

Для того, чтобы удержать место на рынке, операторы запустили активную рекламную поддержку SMS-сообщений, а уже в 2000 г. разработали отправку и принятие SMS пользователям не только своей, но и других сетей. Привлекательность услуги сильно возросла, тем самым SMS стремительно проникли в массы. SMS-сервис стало официально признанным средством общения и передачи информации. На сегодняшний день с помощью SMS-рассылок мы можем получить информацию в виде анонсов кинофильмов, также имеем возможность оформить подписку на SMS-новости, подключить информацию с метеосводками, гороскопами и даже курсами валют. С помощью SMS молодёжь назначает свидания, могут сообщить о разрыве отношений, в некоторых странах тема разводов имеет место быть в SMS, сообщают об увольнении с работы, принимают исповеди и отпускают грехи.

Список возможных сфер применения SMS активно пополняется. Прообраз языка SMS берёт начало в чатах и «аськах». Именно в таких сообщениях зародились «смайлики», добавили эту функцию для выражения эмоций. В самом начале использовались знаки в виде скобок и двоеточия для передачи настроения. Сейчас эта функция усовершенствовалась: существуют эмодзи и стикеры. Вводя в сообщениях слово, которое имеет соответствующий смайлик, оно будет автоматически заменяться или же вам будут предлагаться стикеры на выбор. «Смайлики» разных видов обогатили письменный язык SMS.

SMS стали неотъемлемой частью жизни испанцев, как это упоминалось ранее. В каждой стране установлено лимитированное количество знаков для сообщений, в Испании это 160 знаков. Такой вид коммуникации является весьма удобным для молодого поколения. В современном мире быстрый обмен сообщениями имеет название текстинг. Рассмотрим это явление подробнее.

Текстинг, или txtin (от английского texting) – это особый вид письма, состоящий из набора сокращений, аббревиатур и символов, которые являются общепринятыми и позволяют передать содержание текста, используя минимальное количество знаков [5, с. 343]. Текстинг обладает многочисленными лексическими признаками, характерными для разговорной речи. Молодёжный сленг обогащает его эмоциональностью.

Текстинг быстро вошёл в жизнь молодого поколения, и на пике своей популярности в 2007-2009 гг. в странах Европы и в

США на обсуждение был вынесен вопрос о допуске текстинга в программу школьных экзаменов для того, чтобы сэкономить время учащихся при написании экзамена и учителей при проверке. Мнения учителей разделились. Одни считают, что текстинг способен разрушить структуру языка, а другие утверждают, что текстинг – это современное средство общения и молодёжь сама в праве решить, каким способом им общаться [10, р. 41].

Мнение учёных по поводу влияния текстинга на различные сферы жизнедеятельности неоднозначно. Одни учёные остерегаются того, что текстинг уже проникает в другие сферы общения. У них есть повод для волнения, поскольку уже сейчас на просторах Интернета англоязычного и франкоязычного мира существуют переводы Библии на SMS-английский и Европейской Конституции на SMS-французский [2].

Совершенно иное мнение имеет автор книги “Txtng: the gr8 db8” (“Texting: the great debate”) профессор лингвистики Дэвид Кристал [12]. Лингвист утверждает, что сейчас ещё рано оценивать влияние текстинга на речь в будущем. Он признаёт тот факт, что молодёжь употребляет в общении текстовые аббревиатуры типа lol ‘laughing out loud’ (“умираю от смеха”) или omg ‘oh my God’ (“О, Господи!”). Произношение таких фраз является двояким: в качестве акронима (как одно слово) и аббревиатуры (по буквам). Согласно Дэвиду Кристалу, подростки нашли новый способ самовыражения и по праву могут называться «поколением акронимов» или Short Generation. В различных странах их принимают именно как «законодатели телефонной моды» [13, с. 337]. Автор считает и обращает особое внимание на то, что такие инновации являются не деградацией языка, а наоборот, способствуют упрощению языка за счёт экономии времени и языковых средств [11, с. 33].

Редакторы Оксфордского словаря внесли в раздел лексической базы наиболее употребляемые текстизмы SMS-языка, а именно сокращения, акронимы и аббревиатуры, которые молодёжь активно использует в текстинге. Создатели этого раздела посчитали, что пора узаконить в языке явление, получившее за последние годы широкое распространение.

С течением времени усиливается влияние текстинга в самых различных сферах. Текстинг стал частью и политической жизни. Такой вид общения признан эффективным средством связи, также он позволяет за ограниченное время и без затрат донести определённую информацию членам партии, активистам и различным группам населения.

Текстинг стали использовать и для организации флешмобов. В 2004 году в Мадриде, во время волнений по поводу взрывов в

поездах, большое количество людей собрались на демонстрацию благодаря SMS-рассылке. Сообщения включали в себя информацию о времени и месте сборов и заканчивались фразой '*pasalo*' («передай дальше») [11, с. 117].

В жизни испанцев текстинг применяется в самых различных сферах жизни. Молодёжь Испании общается на различные темы, но поскольку сообщения ограничены в символах, то они стараются поместить в 160 знаков самую важную информацию по их мнению. Такие сообщения можно условно разделить на:

- информационные («*не могу сейчас говорить*» – «*no puedo hablar*», «*много*» – «*mucho*» и т. д.);
- повелительные (императивные) («*пришли мне позже сообщение*» – «*mándame un mensaje luego*», «*позвони мне*» – «*llámame*»);
- эмоциональные («*очень тебя люблю*» – «*te quiero mucho*», «*ненавижу тебя*» – «*te odio*»)
- фатические («*это ты?*» – «*¿eres tú?*», «*ты придёшь?*» – «*¿vienes?*», «*что с тобой?*» – «*¿qué te pasa?*»),
- речевого этикета («*до завтра*» – «*hasta mañana*», «*спасибо*» – «*gracias*», «*пожалуйста*» – «*por favor*»).

Данный список активно пополняется, что свидетельствует о проникновении текстинга в языковую среду всех социальных слоёв и возрастных групп.

Молодёжь Испании стремится экономить своё время, и для того, чтобы сделать текстинг быстрым и удобным, испанцы придумали ряд сокращений, создали свой особый язык переписки, который называется *lenguaje ХАТ*. Примечательно, что ХАТ читается как «*chat*», поскольку именно звук *ch* в смс передаётся буквой *x* [7].

Сделано это было потому, что смс-сообщение в Испании включает использование всего 160 знаков. Поскольку всю информацию иногда невозможно уместить в таком маленьком объёме, испанцы используют различные виды сокращений и аббревиатур [8].

В испанском языке понятие «*abreviatura*» означает два типа сокращений: усечение (вплоть до начальной буквы) и стяжение (сокращение середины слова: только гласных или целых слогов) [1].

Одним из самых распространённых сокращений в сообщениях является использование одной буквы вместо целого слова. Рассмотрим следующие примеры: буква *q* или *k* (реже) заменяет целое слово *qué* (что). Для того, чтобы в сообщении задать такой вопрос, как «*что происходит?*», испанцы напишут «*q pasa?*».

Предлог *de* (из, с, от, откуда) сам по себе состоит всего из двух знаков, однако и его испанцы сокращают до одной буквы *d*. Например, «*d donde eres?*» – «*откуда ты?*»

Буква *t* является заменой для местоимения *te* (тебя, тебе). Часто в текстинге испанцы, когда очень заняты, используют выражение «*скоро тебя наберу*» (*скоро тебе позвоню*), которое выглядит следующим образом: «*t llamo pronto*».

Буква *x* служит не только для обозначения звука *ч*, но ещё и заменяет слово *beso* (*поцелуй, целую*): «*x, chao*» – «*целую, пока*».

Для нашего русского восприятия это немного необычно, однако для испанцев – это обычное дело. Ведь в текстинге мы используем сокращения, но не до одной буквы. Например: *спс* – «*спасибо*», *пжлст* – «*пожалуйста*». Стоит отметить, что при сокращении слов мы позволяем себе опускать гласные. Испанцы также используют данный способ при сокращении слов во время переписки. Они исключают либо все гласные, либо определённое их количество. Например: *hl* – *hasta luego* – *до встречи*. Здесь наблюдается не только полное исключение гласных, но и согласных.

Следующий пример: *bbr-beber-numь*. Поскольку сокращение до одной буквы *b* уже существует (пример рассмотрен выше), в данном слове исключены все гласные. Таким образом, фраза «хочешь чего-нибудь выпить?» на письме выглядит так: «*kieresbbralgo?*»\ В данном примере мы также наблюдаем замену буквосочетания *qu* на *k*. Еще несколько примеров подобных сокращений: *тйп* – *тапана* – *завтра*; *dcr* – *decir* – *говорить*; *dfcl* – *difícil* – *трудный, тяжёлый*; *fst* – *fiesta* – *праздник*.

Такую тенденцию в общении молодёжи по смс переняло и старшее поколение. Это говорит о том, что молодое поколение имеет огромное влияние на своих родителей. К примеру, такое молодёжное нововведение, как использование математических знаков вместо некоторых символов в смс, активно используется старшим поколением. Например, на испанском языке знак умножения произносится как *por*, а знак сложения – *más*, исходя из этого появились следующие довольно-таки популярные сокращения:

= (*igual*) – *все равно*: «*vamos, =*» – «*идем, мне все равно*»;
+ (*más*) – *больше*: «*tq +*» – «*я тебя люблю больше*»;
– (*menos*) – *меньше*: «*estecochees-rápido*» – «*эта машина менее быстра (медленнее)*».

От *por* есть много производных слов: *xq* – *porque* (*потому что*) или *porqué* (*почему*) и *ха* – *para* (*для*).

Огромной популярностью в сообщениях пользуются и цифры. Распространённой является цифра 2 (*dos*). Данная цифра может быть также использована при замене слова «*тú*» (*ты*). Цифры 1 (*uno*), 7(*siete*), 100(*ciento*) также используются в сокращениях.

Примеры: *que tengas un buen día* – *qt1bd* – хорошего дня!; *todos* – *to2* – все; *adiós* – *a2* – пока; *saludos* – *salu2* – приветствия; *¿eres tú?* – *¿eres 2?* – это ты?; *si tú lo dices* – *s2ld* – ну, раз уж ты говоришь; *besitos* – *b7s* – целую (поцелуйчику); *siempre* – *100pre* – всегда.

Разработчики создали особое приложение для мобильных телефонов – SMS Fácil. Принцип работы как у переводчика, только это приложение обрабатывает закодированный текст в «нормальны» для понимания.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: наличие сокращений в текстинге испаноговорящей молодёжи очень велико, что обусловлено ограниченным количеством символов для отправки сообщения (160 знаков). Для полного понимания различных типов сокращений специально создан «Словарь СМС», в котором можно найти или добавить свои собственные сокращения, которые в будущем будет использовать испаноговорящее общество. Данного рода сокращения испанцы используют не только при общении в смс-сообщениях, а также в социальных сетях. Следует отметить, что молодёжь повлияла также и на общение старшего поколения, поскольку последнее также включает сокращения при обмене сообщениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горенко Г. М. Правила образования и употребления аббревиатур [Электронный ресурс] / Г. М. Горенко // Портал испанского языка. – Электрон. дан. – Мадрид, 2012-2017. – Режим доступа : <http://xn--portal-espaol-skb.es/Alumnos.php?id=3&type=0&number=5&lang=rus&ll=rus>
2. Интернет и связь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://net.compulenta.ru/231984/>
3. Испания – третья страна, где наиболее популярен Твиттер [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://espanarusa.com/ru/news/article/179807>
4. Испанцы больше всех в Европе используют социальные сети для общения с компаниями [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://espanarusa.com/ru/news/article/323457>
5. Переломов А. Ю. Текстинг – особый язык SMS в речевой интеракции / А. Ю. Переломов // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – № 4. Часть 2. – С. 343-346.
6. Смоленова В. А. Испанская Социальная Сеть TUENTI [Электронный ресурс] / В. А. Смоленова. – Режим доступа : <http://www.lingvafavor.com/ispanskaya-sotsialnaya-set-tuenti/>

7. Смоленова В. А. Сокращения в испанских СМС [Электронный ресурс] / В. А. Смоленова. – Режим доступа : <http://www.lingvaflavor.com/ispanskie-sms/>
8. Ткач Е. Е. Испанские сокращения в коротких посланиях [Электронный ресурс] / Е. Е. Ткач. – Режим доступа : <http://hispablog.ru/?p=1278>
9. “Moving2you” – новая социальная сеть для путешественников [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://espanarusa.com/ru/news/article/287223>
10. Cotton D. Language Leader / D. Cotton, D. Falvey, S. Kent. – UK. : Pearson Education Limited, 2008. – 194 p.
11. Crystal D. Txtng: the gr8 db8 / David Crystal. – Oxford University Press, 2008. – 241 p.
12. Crystal David [Электронный источник]. – URL : http://en.wikipedia.org/wiki/David_Crystal
13. Ling R. The socio-linguistics of SMS: An analysis of SMS use by a random sample of Norwegians, in Mobile Communication: Renegotiation of the Social Sphere / R. Ling, P. Pederson. – London : Springer, 2005. – 412 p.

АННОТАЦИЯ

Коловерова И. Г., Карпенко. А. А. Текстинг как один из способов SMS-общения молодёжи в Испании

Данная статья посвящена особенностям такого явления, как текстинг, именно среди молодёжи, которая является носителем испанского языка. Рассмотрены история создания текстинга и сферы жизни, в которых он используется. Выявлены и охарактеризованы средства, с помощью которых составляют SMS: аббревиатуры, стяжение, использование чисел.

Ключевые слова: текстинг, испаноговорящая молодежь, аббревиатура.

SUMMARY

Kolovyerova I. G., Karpenko A. A. Texting as one of the ways of SMS-communication of young people in Spain

This article is devoted to the peculiarities of such phenomenon as texting among young people who are native Spanish speakers. The history of texting and the spheres of life in which it is used are considered. The means for making SMS are identified and characterized: abbreviations, blend, the use of numbers.

Key words: texting, Hispanic youth, abbreviation.

УДК 81-112

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИАХРОНИИ КАК ФРАГМЕНТ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Как известно, кросс-культурные исследования проводятся в различных гуманитарных сферах – психолингвистике, психологии, культурологии, социологии и пр. В научный обиход этот термин введен психологами, которые, выявляя зависимость поведения людей от культурных, этнокультурных факторов, осознали необходимость кросс-культурных исследований в своей сфере деятельности. Далее этот термин закрепился в социологии и лингвистике, в частности, в сфере межкультурной коммуникации. Так, М. Б. Бергельсон предлагает использовать термин «кросс-культурный» к «изучению некоторого конкретного феномена в двух или более культурах и имеет дополнительное значение сравнивания» [1].

По мнению Ю. О. Гусаковой, этнолингвистика изначально ориентирована на кросс-культурный анализ, который заключается в изучении культурно специфических понятий в лексике языка [2, с. 26].

Мы согласны с точкой зрения С. Г. Тер-Минасовой в том, что в настоящее время всё чаще доминирует так называемое динамическое понимание культуры, которая может меняться в зависимости от социальной ситуации (образ жизни, ценности, нормы той или иной социальной группы (городская культура, культура поколений и пр.) [10].

Учитывая один из принципов межкультурной коммуникации, выдвинутых С. Г. Тер-Минасовой, который заключается в том, что в социальном пространстве происходит взаимодействие и взаимосвязь между подсистемами внутри отдельной культуры в пространственном и временном измерениях [10], мы предлагаем использование элементов кросс-культурного анализа при проведении лингвистического комментария. Такой подход способствует формированию научно-исследовательской компетенции обучающихся в сфере анализа взаимосвязи языка и культуры, поиска и научного объяснения культурно специфических явлений языка, что позволит существенно дополнить языковую картину мира будущего филолога.

Считаем необходимым разграничить понятия «лингвистический анализ» и «лингвистический комментарий»,

во избежание пересечения их семантического объема в данной статье. Слово «анализ» толкуется как «метод научного исследования путем рассмотрения отдельных сторон, свойств, составных частей; всесторонний разбор, рассмотрение» [5]. Номинация «комментарий» предполагает «объяснение, толкование; рассуждение, пояснительное и критическое замечание» [5]. Семантический объем слова «комментарий» шире, включает дефиницию «рассмотрение», следовательно, в процессе комментирования языковых фактов мы в качестве инструмента используем метод анализа, который предполагает обращение к истории языка.

Следует отметить, что в современной методике преподавания языка разновидности лингвистических комментариев представлены довольно широко: с одной стороны, их можно разграничить в соответствии с языковыми уровнями (фонетический, словообразовательный, морфологический, синтаксический и др.), с другой стороны, – в соответствии с номинациями дисциплин на стыке наук (лингвокультурологический, социолингвистический, психолингвистический и пр.). Несомненно, при изучении русского языка в ракурсе диахронического подхода в обязательном порядке историко-лингвистического комментария требуют явления фонетики, лексики, грамматики, которые, как правило, взаимообусловлены и взаимосвязаны между собой. Считаем целесообразным в рамках комментирования использовать лексико-семантический анализ слова, который предполагает генетическую характеристику значения наименования, анализ парадигматических и системных связей, установление принадлежности слова к активному / пассивному запасу. Такой подход позволит не только интегрировать лингвистические представления студентов, но и расширить их представления в сфере своей языковой картины мира (ЯКМ).

В качестве источника подобного обогащения ЯКМ обучающихся выступают лексикографические материалы А. Х. Востокова, В. И. Даля, Г. Е. Кочина, И. И. Срезневского, С. И. Ожегова, М. Фасмера, а также словарей русского языка XI-XVII вв., XVIII в., а также современные словари.

Языковая картина мира при таком подходе представляет больше исторический интерес для исследователя-лингвиста по причине того, что она отражает состояние восприятия действительности в прошлом носителями языка. Однако лингвистический комментарий предоставляет возможность косвенно судить о том, каково было мышление народа в тот или иной период, т.е. реконструировать его когнитивную картину мира.

Кроме того, с помощью лингвистического комментария обучающиеся могут рассмотреть лексическую единицу в контексте всей культуры, в том числе проследить изменения значения / значений лексемы с момента ее возникновения до нынешнего состояния.

В качестве примера рассмотрим один из способов проведения лингвистического комментария к слову «пруд».

Прудъ. По своему происхождению слово прудъ является общеславянским наименованием (ср. укр. *пруд* «быстрое течение», блр. *пруд* «мельничная запруда», сербохорв. *prod* «отмель, дюна», словен. *prod* «галька, отмель», чеш. *proud* «поток, течение»), которое восходит к праславянской форме **proďь* /**predь* [11, 3, с. 388].

Данная словоформа образована путем безаффиксного способа словопроизводства от древнерусского глагола прудити в значении «запруживать, подпруживать (реку)», «возводить (запруживающее устройство) на пути текущей воды», путем отсечения тематического гласного *-и-*.

Впервые данное наименование отмечено в значении «поток, напор; стремление» в Новгородской минее XII в.: обрете въздание подвигомъ и проудомъ твоимъ [9, стлб.1613].

В «Материалах...» Г. Е. Кочина слово прудъ зафиксировано с недифференцированной семантикой «угодье» [4, с. 287]. Наши материалы позволяют расширить семантический объем данной лексемы, которая в донациональный исторический период была многозначной.

Так, в актовой письменности XV-XVII вв. ее семантический объем представлен значениями: «запруда, плотина; мельничная плотина», «запруживание», «закол», «водяная мельница», «место, заливаемое водой при подпруживании реки», «водоем, устроенный посредством запруживания текущей воды или копаный; пруд», кроме того, в литературном языке книжнославянского типа она отмечается с семантикой «янтарь или электрон (сплав золота и серебра)» [8, с. 16].

Данное наименование и его диминутив прудецъ, образованные путем присоединения к производящей основе *-пруд-* суффикса *-ец-* в терминологическом значении «закол», относящимся к лексико-семантической группе «рыболовное угодье», распространено в письменности XV-XVII вв. на всей территории древней России: На Порожкѣ же колять пруды да ловять лохыи, и съ того Ондрею шло половина, а другая половина крестьянамъ, которые колять пруды и лохы ловять (Кн. Водск. пят. 2, 123. 1500 г.); А что, г(о) с(поди)не, в том вражке заплотины, а тут были два прудца: ловил, г(о)с(поди)не, архимандрит Варламей рыбу в рекѣ и в озерах

неводом, да в тѣ прудци сажал себѣ на ѣжу (АСВР 3, 221. 1495-1497 гг.); Да въ селѣ прудецъ, а въ немъ рыба кораси (Сотн. 3, 184. 1595 г.); Пустошь Максимкова на суходолѣ, на ней прудецъ, заросло 3 мѣста дворовыхъ (Гр. мен., Ш., 35. 1692 г.).

В письменности исследуемого исторического периода следует отметить распространение широкого ряда производных наименований от основы *-пруд-*: прудокъ, прудишко, прудище, прудина, прудость, прудчикъ, прудчиковъ, прудовой, прудцовый, прудкий (пруткий) и др., а также субстантивную терминомодель пруды прудити в значении «сооружать запруды, плотины»: Большимъ людямъ изъ монастырскихъ сель...на неводъ ходити, пруды прудити, на бобры имъ въ осенинѣ поити, а истоки имъ забивати (А.феод.землевл. 1, 180. XVI в. – 1391 г.), которое в современном русском языке приобрело иную семантику.

В устойчивом сочетании (*хоть*) *пруд пруди* актуализируется периферийное значение «много», так говорят, когда речь идет о ком- чем-либо, имеющимся в большом количестве: *Приятелей, друзей завелось, хоть пруд пруди!* (А.Остр., Бедн.не порок, 1, 12).

В Словаре В.И. Даля эта лексическая единица отмечена в значении «запруда, деланное озеро; копаное озеро, обширная яма, с напуском в нее воды, или с водою от родников» [3, с. 882]. В указанной статье интересен комментарий автора в отношении диалектной семантики производных слов: так, слово *прудчик* означает того, кто прудит, запружает (подпитает насыпью, перегораживает плотиной, задерживает воду), производное *прудник*, образованное суффиксальным способом, в смоленских говорах отмечено как «мельник на водяной мельнице», суффиксальное производное *прудило* от *-прудити-(ть)* в камчатских говорах – палка с острым наконечником [там же].

В XVIII-XX вв. слово «пруд» утрачивает первоначальную семантику, сохраняя значение «водоем» [7, с. 1129], «водяная мельница» [6, с. 62]. В современном русском литературном языке данная лексема остается в значениях «искусственный водоем в естественном или выкопанном углублении, запруженное место в реке» [5, с. 618], утрачивая семантику «водяная мельница».

Таким образом, подобные лингвистические комментарии позволяют рассмотреть значение лексемы как микрофрагмента языковой картины мира, в котором, с одной стороны, аккумулированы сведения о многовековом опыте русского человека, с другой – имеется возможность проследить эволюцию значений слова.

Такой вид работы способствует интеграции знаний обучающихся по истории языка и современному языкознанию,

т. к. навыки подобного комментирования основываются на системе знаний и умений, с помощью которых представляется возможным через диахронный контекст осмыслить и пояснить исторически сложившиеся факты устной и письменной речи. При историческом комментировании обучающиеся задействуют аналитические способности, такие, как подбор однокоренных слов, соотнесение внутренней формы слова с его современным значением, осознание семантической смежности лексических единиц с одним и тем же этимологическим корнем и пр., что способствует развитию профессиональных компетенций будущих филологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергельсон М. Б. Межкультурная коммуникация как исследовательская программа: лингвистические методы исследования кросс-культурных взаимодействий // Вестник МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. - №4. – С. 166.
2. Гусакова Ю. О. Метод лингвистического кросс-культурного анализа: формирование и перспективы применения / Ю. О. Гумакова // Вестник Новгородского государственного университета, 2010. – №57. – С. 25-28.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – В 4 т. – М.: Астрель АСТ. – 2003. – Т. 3.: П. – 921 с.
4. Кочин Г. Е. Материалы терминологического словаря Древней России / Г. Е. Кочин. – М.-Л.: АН СССР, 1937. – 488 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – 24-е изд. – М.: Оникс 21 век «Мир и образование», 2003. – 895 с.
6. Опыт областного великорусского словаря, изд. Вторым отд. Императорской акад. наук / Ред. А. Х. Востоков. – Спб., 1852. – 275 с.
7. Словарь Академии Российской, 1789-1794 гг.: В 6 т. / РАН. – М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001-2005. – Т. 4 : М-П. – 2004. – 784 с.
8. Словарь русского языка XI-XVII вв.: Вып. 1-26. АН СССР, Ин-т русского языка [Р. И. Аванесов]. – М.: Наука, Вып. 21: Прочный-Раскидати. – 1995. – 278 с.
9. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка / И. И. Срезневский. – В 3 т. / Репринтное изд. – М.: Книга, 1989. – Т. 3: Р-Я. – 1684 стлб.
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка М. Фасмер. – В 4 т. / Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева;

Под ред. и с предисловием Б. А. Ларина. – М.: Прогресс, 1964. Т. 3: – Муза-Сят. – 1971. – 827 с.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

А. феод. земл. 1 – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI вв., ч. 1. Подгот. к печати Л. В. Черепнин. – М., 1951, сп. XVI в.

АСВР 1-3 – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – нач. XVI вв. – Т. 1-3. – М., 1952-1964.

Гр. мен., Ш., 35. 1692 г – Шумаков С. А. Грамоты и записи 1561-1696 гг. – Кн. 2: Грамоты 1601-1696 гг. – Чт. ОИДР, 1902. – С. 1-50.

Кн. пер. Водск. пят. 1,2 – Новгородские писцовые книги. – Т. 3: Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г. 1-я половина. – СПб., 1868 г.

Сотн. 3 – Шумаков С. Сотницы (1537-1597 гг.), грамоты и записи (1561-1696 гг.) / Чт. ОИДР, 1902 г. Кн. 2. – Отд. 1: Книги и выписи из книг 1537-1597 гг. – С. 51-201.

АННОТАЦИЯ

Лобачева Н. А. Лингвистический комментарий сквозь призму диахронии как фрагмент кросс-культурного исследования

В статье предпринята попытка квалификации лингвистического комментария в сфере преподавания дисциплин историко-филологической направленности как фрагмента кросс-культурного исследования на материале лексики русского языка различных исторических периодов. Предложены способы реализации лингвистического комментария в высшем учебном заведении.

Ключевые слова: кросс-культурное исследование, лингвистический комментарий, диахрония, семантический объем наименования, лингвокультурный потенциал.

SUMMARY

Lobacheva N. A. Linguistic commentary through the prism of diachrony as a fragment of cross-cultural research

The article attempts to qualify linguistic commentary in the field of teaching the disciplines of historical and philological orientation as a fragment of cross-cultural research based on the Russian vocabulary of various historical periods. Ways of linguistic commentary implementation in a higher educational institution are proposed.

Key words: cross-cultural research, linguistic commentary, diachrony, semantic name, linguocultural potential.

Т. Ю. Прожого
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81:37:3.071(045)

EL PAPEL DE LA EDUCACIÓN LINGÜÍSTICA EN LA ETAPA MODERNA DEL DESARROLLO DE LA SOCIEDAD

El principal objetivo de la política del estado moderno es preservar su idioma y difundir su cultura entre otros países. El conocimiento de varios idiomas extranjeros en países desarrollados como Estados Unidos, Reino Unido, Australia se considera la norma. Es por eso que la educación lingüística en el extranjero tiene como objetivo crear las condiciones para el acceso ilimitado a la educación lingüística. En los países europeos, el conocimiento de varios idiomas extranjeros es prestigioso. De esto depende el éxito en la carrera, y la enseñanza del lenguaje se lleva a cabo desde la edad preescolar.

En las últimas décadas se ha utilizado cada vez más el término “educación lingüística”, pero entre los científicos y los profesionales no hay una definición única del término, así como diferentes enfoques para su contenido. Una de las principales definiciones de “educación lingüística” es: “La educación lingüística es un proceso de aprendizaje de los conocimientos, las habilidades sistematizadas que permiten realizar actividades de habla extranjera. La educación lingüística es el resultado de un proceso de aprendizaje sistemático de conocimientos, habilidades, o un sistema de instituciones educativas en las que se imparte enseñanza de idiomas no nativos” [1, c. 364].

El desacuerdo en las opiniones sobre la definición del término indica su multiplicidad, así como el deseo de los científicos de prestar atención a las partes individuales del funcionamiento de la educación lingüística. Por lo tanto, consideraremos el término “educación lingüística” en términos de su multiplicidad: 1) valor; 2) proceso; 3) resultado; 4) sistema [3, c. 38].

B. S. Gershunsky considera la educación lingüística como un valor con tres bloques axiológicos:

- la educación lingüística como valor estatal;
- la educación lingüística como valor público;
- la educación lingüística como valor personal.

Cada uno de los bloques tiene importancia sólo en la relación. Sólo en armonía con los intereses públicos, sociales y personales en el desarrollo de la educación lingüística es posible lograr resultados cualitativos en la resolución de problemas sociopedagógicos y socioculturales.

La función del idioma se define en la sociedad y en el estado, en particular. El idioma puede actuar como un medio internacional de comunicación. Estos son los idiomas de distribución global que cumplen el máximo número de funciones públicas. Estos idiomas incluyen: inglés, ruso, español, alemán, francés y otros. Si el idioma se habla en varios países de una región (por ejemplo, el español – en los países de habla hispana), el idioma adquiere la condición de internacional (Interestatal). Muchos idiomas también desempeñan el papel de un idioma público (local). Desde el punto de vista de la formación de los puntos de referencia de cada individuo individual en el mundo moderno, la expansión de sus capacidades educativas y sociales son los idiomas de comunicación global más importantes (chino, inglés, español, ruso, árabe, portugués, francés y alemán).

Hay varios factores a favor de la demanda de idiomas extranjeros en Rusia y otros países:

- 1) globalización de los procesos sociales de integración;

- 2) integración Interestatal en la educación;

- 3) el acceso al conocimiento y a la experiencia en el mundo, en la riqueza de la información, a la educación de la calidad en el país y en el extranjero.

Sin embargo, la necesidad pública de una educación lingüística de calidad puede no ser apoyada por el estado. Esto se debe a la falta de comprensión por parte de los líderes de las organizaciones educativas de la importancia de integrar a los adolescentes en los últimos medios de comunicación, la búsqueda de inversiones en el ámbito de la educación lingüística, etc. La escasa financiación por parte del estado en el ámbito de la educación hace que muchos educadores (incluidos los jóvenes profesionales) cambien el trabajo en el ámbito de la educación a otros puestos públicos.

Las realidades sociopolíticas, económicas y de desarrollo social influyen considerablemente en el desempeño de sus funciones sociales, a saber:

- 1) el establecimiento de un entendimiento entre los pueblos (hablantes de diferentes idiomas y culturas);

- 2) acceso a la política y la cultura mundiales.

En consecuencia, el idioma y la educación lingüística constituyen un importante instrumento para el éxito de la persona en la sociedad multicultural de las personas.

En la etapa actual del desarrollo del país, la educación lingüística forma la conciencia de la persona, su capacidad de ser socialmente significativa, de poseer libremente el espacio de la información. Esta importancia debe ser mantenida por un valor orientado a la persona [6, c. 23].

El valor personal-orientado de la educación lingüística se presenta por:

1) el grado de conciencia de la importancia de la lengua extranjera como medio de comunicación en el mundo multicultural moderno;

2) presentación de los requisitos para el nivel de formación lingüística en cada etapa del aprendizaje;

3) la necesidad personal de aprender idiomas extranjeros y su uso práctico.

A nivel público, el prestigio de la educación lingüística depende de la profundidad de la influencia intercultural en regiones específicas, las necesidades económicas y culturales en la cooperación internacional. En tales circunstancias, el interés en la formación lingüística de los estudiantes aumentará considerablemente tanto por parte de los propios estudiantes como por parte del estado. Uno de los principales objetivos del estado es fomentar la capacidad de utilizar los idiomas estudiados en la comunicación intercultural real.

La comunicación intercultural es un conjunto de procesos específicos de interacción de los socios de comunicación que pertenecen a diferentes culturas y idiomas, conscientes del hecho de que cada uno de ellos es “diferente”, y que comprenden una especie de “Alien”, la “inactividad” de su socio de comunicación.

La diversidad lingüística a nivel estatal incluye el apoyo y el desarrollo de los idiomas de comunicación Interestatal, así como la protección, el fortalecimiento y el desarrollo de los idiomas regionales y los idiomas de las minorías que residen en un territorio determinado [5, c. 6].

Rusia es uno de los mayores Estados polyetnitcheskih, en cuyo territorio residen 176 pueblos, naciones y grupos nacionales. Es por eso que el concepto de “educación lingüística” de los ciudadanos tiene un significado más amplio: el dominio, junto con los idiomas nativos y extranjeros, de cualquier idioma no nativo de los pueblos de Rusia.

El aprendizaje de idiomas no nativos se lleva a cabo sobre una base monolingüística y bilingual.

La base bilingual es el uso de ambos idiomas como herramientas para la enseñanza de un tema de aprendizaje separado.

Tendencias en el desarrollo de la educación lingüística en la etapa moderna: experiencia extranjera de la modernización de la educación lingüística

El aumento del ritmo de la vida pública, la integración de los Estados en la educación y el acceso ilimitado al campo de la información y a la educación de calidad en muchos países del mundo contribuyen a aumentar el número de personas que poseen varios idiomas modernos.

Los idiomas extranjeros modernos cumplen las siguientes funciones:

- establecer un entendimiento entre los hablantes nativos de diferentes culturas e idiomas;
- proporcionar acceso ilimitado a la cultura mundial a través de los medios modernos de tecnología de la información.

Sobre la base de lo anterior, el idioma y la educación lingüística desempeñan un papel importante en el éxito de la persona en la sociedad multicultural de las personas. La educación lingüística ayuda a formar la capacidad de la persona para ser socialmente accesible en la sociedad.

El estado apoya activamente la necesidad de una sociedad moderna de una educación lingüística cualitativa y diversa. Esta necesidad contribuyó a la introducción del Inglés como un tema de aprendizaje de la segunda clase. Un aspecto importante en el aprendizaje de un idioma extranjero es la continuidad de la educación lingüística. La orientación de la educación lingüística para la realización de los objetivos de desarrollo de la persona fue promovida por los siguientes indicadores:

- aumento del número de ciudadanos con educación media;
- mejorar los requisitos de la cultura general de cada ciudadano del país;
- preparación para la cooperación en el entorno internacional e intercultural.

El valor personal del estudiante se expresa en la conciencia de la importancia del estudio y la posesión de idiomas no nativos como un medio de comunicación en el mundo multicultural moderno. Los estudiantes tienen la obligación de dominar la capacidad de utilizar los idiomas no nativos estudiados en la comunicación intercultural. Para ello, es necesario motivar adecuadamente a los estudiantes, así como despertar el interés en la comunicación extranjera y la disposición a continuar el aprendizaje de un idioma extranjero.

La diversidad lingüística en el mundo moderno se considera un elemento importante del Patrimonio cultural mundial. La diversidad lingüística es el apoyo y el desarrollo de los idiomas de la comunicación mundial, así como la protección y el desarrollo de los idiomas regionales y minoritarios.

El multilingüismo del individuo es el dominio de al menos dos idiomas no nativos como medio de comunicación intercultural con hablantes nativos.

La educación lingüística tiene como objetivo integrar a los estudiantes en un nuevo medio de comunicación, aprender una cultura diferente, desarrollar la preparación para la comunicación, e inculcar la tolerancia a los idiomas y culturas extranjeros. El estudiante es un elemento central en el sistema escolar. En el proceso de aprendizaje se desarrollan situaciones especiales en las que se sugiere que el alumno

se activa para resolver los problemas de comunicación. Un aspecto importante es ayudar a los estudiantes a desarrollar la capacidad de realizar actividades de comunicación de forma independiente, interactuar en diferentes situaciones de comunicación.

La educación lingüística como proceso se compone de cuatro esferas:

“maestro” – “alumno”

“formación de idiomas” – “aprendizaje de idiomas”.

La tarea principal de la escuela en la educación lingüística es ayudar al niño a comprender su manera de dominar el idioma extranjero, así como estimularlo a la manifestación de la actividad. El maestro, a su vez, debe construir adecuadamente su actividad profesional para lograr los resultados previstos.

El resultado de la educación lingüística adecuada es la formación de competencias generales y comunicativas en los estudiantes.

La competencia general es la capacidad del estudiante para realizar actividades cognitivas, y para comunicarse con la cultura y el lenguaje de otra persona con el fin de su conocimiento más profundo.

La competencia general se basa en:

- conocimientos generales sobre el mundo y los conocimientos que pertenecen a una cultura específica;
- las características individuales y psicológicas de cada estudiante, que le ayudan a realizar actividades de habla en un idioma extranjero (temperamento, rasgos de carácter, el deseo de entablar un diálogo con un hablante nativo de un idioma extranjero estudiado);
- habilidades que proporcionan al alumno un dominio eficaz del idioma extranjero (habilidad para trabajar con un libro de texto, diccionario, cuaderno, etc.).

La competencia comunicativa es la capacidad de entender y hacer declaraciones extranjeras en diferentes situaciones de comunicación.

El aprendizaje de un idioma extranjero está dirigido a la formación de la capacidad de prácticamente utilizar el idioma en diferentes situaciones de comunicación. El resultado de la educación lingüística es:

- la capacidad del alumno para comprender las características culturales del país de aprendizaje;
- tacto del habla, cortesía, tolerancia.

La educación lingüística como sistema es un conjunto de procesos educativos sobre el idioma extranjero, un sistema de instituciones educativas en las que se estudia el idioma extranjero. Hay varios factores en el funcionamiento del sistema de enseñanza de idiomas en las instituciones de enseñanza general del país:

- socioeconómicos;
- pedagógicos;
- metódicos;
- individuales;
- socioculturales.

Los factores socioeconómicos examinan el orden de la sociedad para el estudio de la lengua extranjera (prestigio / inconsistencia del estudio de la lengua extranjera, la elección de la lengua extranjera). En relación con la amplia difusión del Inglés en las esferas económica, social y política, el Inglés ha desplazado a otros idiomas en las escuelas, las instituciones de enseñanza superior.

Una orden social en la enseñanza de un idioma extranjero puede expresarse por:

- el número de horas de estudio asignadas para aprender un idioma extranjero en diferentes grados de aprendizaje;
- el estado de la asignatura en la enseñanza de idiomas y en una Institución educativa en particular;
- diferentes enfoques para el contenido del tema y su lugar en el contexto de los objetivos de educación general.

Estos factores encarnan en los programas de estudio, libros de texto, materiales metodológicos.

El contexto sociocultural de la enseñanza del idioma extranjero en la escuela se expresa con:

- la similitud o diferencia de la cultura del país / de los países de lengua extranjera con la cultura de la lengua materna;
- la lejanía o la proximidad del país / país del idioma extranjero estudiado del país en el que vive el alumno;
- la actitud de la sociedad hacia el pueblo que habla otro idioma, así como su cultura y estilo de vida;
- un sistema de valores adoptados en una sociedad en particular.

En el extranjero, una gran parte de los conocimientos y habilidades de los estudiantes se obtienen por sí mismos. Después de todo, sólo el trabajo independiente ayudará a desarrollar los conocimientos y habilidades necesarios, que serán útiles en el estudio, la comunicación y la vida en un entorno multinacional. El dominio del idioma del estado en cualquier país europeo se ha convertido en una necesidad y los visitantes deben dominarlo a un nivel suficiente. Para determinar la calidad del conocimiento del idioma, se han desarrollado pruebas y certificaciones especiales. Si usted no ha sido capaz de pasar la prueba desde la primera vez, se sugiere tomar cursos para aumentar el nivel de formación lingüística directamente en el país.

Los idiomas no tradicionales y extranjeros modernos desempeñan las siguientes funciones en la sociedad:

- el entendimiento entre los pueblos indígenas de diferentes idiomas y culturas;
- acceso a la diversidad de la cultura mundial a través de las tecnologías de la información [2, c. 15].

Por lo tanto, la educación lingüística es un instrumento importante en la vida humana y de su integración en el mundo multicultural.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – С. 364.
2. Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире / В. М. Алпатов. – Научный диалог : филология. – № 5. – 2013. – С. 8 – 28.
3. Гершунский Б. С. Философия образования: Учебное пособие для студентов высших и средних педагогических учебных заведений / Б. С. Гершунский. – М. : Московский психолого-социальный институт, 1998. – С. 38.
4. Доман Г. Методика раннего обучения иностранным языкам / Г. Доман, «Английский язык». – № 2. – 2002. – 12 с.
5. Европейская хартия [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120807/
6. Нечаев Н. Н. Концептуальные основы непрерывного образования / Н. Н. Нечаев, А. А. Вербицкий, В. А. Юрисов // Непрерывное образование как педагогическая система. – М. : НИИВШ. – 1989. – 68 с.

АННОТАЦИЯ

Прожога Т. Ю. Роль языкового образования на современном этапе развития общества

В последние десятилетия все чаще употребляется термин «языковое образование», но среди ученых и практиков нет единого определения термина, также существуют разные подходы к его содержанию. Языковое образование выступает в качестве важного инструмента успешной жизнедеятельности человека в поликультурном и мультилингвальном сообществе людей. Языковое образование выступает также в качестве значимого средства, которое формирует сознание личности, ее способность быть социально мобильной в обществе и свободно «входить» в открытое информационное пространство.

Ключевые слова: языковое образование, сознание личности, личностно-ориентированная ценность, межкультурная коммуникация, многоязычие индивидуума, коммуникативная компетенция.

SUMMARY

Prozhoga T. The role of language education at the present stage of the development of society

In recent decades, the term “language education” is increasingly used, but there is no single definition of the term among scientists and practitioners, as well as different approaches to its content. Language education is an important tool for successful human life in a multicultural and multilingual community of people. Language education also serves as a significant tool that forms the consciousness of the individual, its ability to be socially mobile in society and freely “enter” into the open information space.

Key words: language education, personal consciousness, personality-oriented value, intercultural communication, multilingualism of the individual, communicative competence.

*A. M. Решетарова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'42

ГРАНИЦЫ И ФУНКЦИИ ПОНЯТИЯ «ЧЁРНЫЙ ЮМОР» В РАМКАХ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Утвердившаяся в лингвистике когнитивно-дискурсивная парадигма (нацеленная, прежде всего, на решение задач, связанных с получением, кодировкой, хранением и передачей информации разными средствами, в том числе и лингвистическими) выдвинула на передний план роль человеческого фактора в языке, провозгласив тем самым необходимость изучения не столько языка самого по себе, сколько человека, использующего язык. Иными словами, новая парадигма, пришедшая на смену структурной, рассматривает актуализируемые в коммуникации антропоцентрические свойства дискурса и текста в качестве одного из своих приоритетов.

Юмористический дискурс представляет собой одно из проявлений речевой коммуникации, конечная цель которой вызвать у адресата смеховую реакцию на предлагаемую информацию. Многообразие жанровых форм юмористического дискурса подтверждает тезис о том, что юмор присущ многим сторонам жизнедеятельности человека и является одним из условий нормального функционирования человеческого общества. Будучи общечеловеческим явлением, юмор любого этноса пронизан национальной спецификой. Отражение же национальной картины мира в юморе и выражается в наиболее

типичных жанрах, в тематике, а также коммуникативных ситуациях, в которых смех является допустимым.

Целью данной статьи является выявление и анализ специфики понятия «чёрный юмор» актуализируемой в рамках юмористического жанра стендап-комедии.

При описании юмористического дискурса исследователи применяют различные подходы, вследствие чего анализу подвергается огромное количество разноплановых явлений (например, юмор, сатира, ирония, пародия, карикатура, комическая ситуация и др.). Основными видами комического принято считать юмор и сатиру [1; 2], дифференцируемые по типу эмоционального отношения к объекту, ситуации или фрагменту действительности. Диапазон реакции довольно широк – от легкой критики к насмешливому веселью и смеху, а далее – к бескомпромиссному обличению и осмеянию. Юмор указывает на «странное и чудное в жизни, отдельные, относительно терпимые недостатки», сатира же изобличает «социальные пороки, имеющие широкую общественную значимость, нарушение нравов, норм морали» [2, с. 9-10].

Особым жанром юмористического дискурса является «чёрный юмор». Устоявшегося единого определения данного жанра на сегодняшний день нет. Однако терминологическое осмысление этого понятия находится в процессе становления, так как в научной литературе этот термин встречается, но трактуется разнообразно в зависимости от направления исследования (психология, философия, лингвистика и др.). В разное время дать определение понятию «чёрный юмор» пытались как зарубежные, так и отечественные исследователи (например, М. М. Бахтин, С. Б. Борисов, А. Бретон, В. И. Жельвис, А.И. Лаврентьев, А. С. Плеханов, О. Л. Флеонова, Э. Фромм, Н. Л. Шмелёва и др.).

Так, словарь Мирриам-Вебстер [9] определяет чёрный юмор как юмор, «отмеченный использованием болезненных, иронических, абсурдных комических эпизодов». Согласно Н. Л. Шмелёвой [7], «чёрный юмор можно рассматривать как тенденцию к некрофильскому восприятию мира, неясному для самого человека тяготению к смерти, ощущению её желательности и необходимости». Исследователь убеждена, что темой «чёрных шуток» может быть только то, что так или иначе связано со смертью.

О. В. Эпштейн [8] подходит к определению понятия более масштабно и вносит в тематическое поле «чёрный юмор» (которое считает достаточно широким) не только смерть, но и «... болезни, увечья, несчастья, унижения, сексуальную несостоятельность, неудачи, нехватку различного рода (пищи,

удобств, самоутверждения, недостаток свободы, расизм и репрессии)».

Так, существуют разнообразные, более широкие и довольно узкие определения данного явления. Чёрный юмор может быть описан, например, как уничтожение моральных ценностей и устоев, вызывающих мрачную усмешку вместо ощущения радости. Опираясь на подобные дефиниции, лингвисты в сферу чёрного юмора включают даже так называемые «пошлые» шутки (имеющие явную сексуальную направленность) или юмор, направленный на разжигание национальной розни.

Обобщив проанализированные подходы, мы понимаем под тематическим полем «чёрный юмор» вербализацию пессимистического и деструктивного отношения к окружающему миру, так как определение, данное О. В. Эпштейн, нам кажется наиболее точным.

Функцию чёрного юмора исследователи также определяют по-разному. Так, обращение к «чёрной» тематике связывают с базовыми свойствами человеческой психики, выведенными Э. Фроммом. А именно, с наличием в психике человека двух противоположных установок: утверждающей всё, что содействует жизни, и определяющей «биофильский» психический тип, и, наоборот, утверждающей разрушающее начало и определяющей «некрофильский» тип [6, с. 428]. На основе выведенных психотипов В. И. Жельвис предложил рассматривать чёрный юмор в качестве «прививки от подлинной агрессивности» [3], то есть выполняющим положительную роль.

Позднее явлением чёрного юмора занимался В. Кебуладзе, который связал чёрный юмор с присущим человеку страхом небытия. С этих позиций основным предметом мрачной шутки выступает смерть, а чёрный юмор «является или претендует на то, чтобы быть лекарством от “болезни к смерти”» [5, с. 71]. Н. Л. Шмелёва в своих исследованиях, проводимых в области психологии, определяет чёрный юмор как явление, выполняющее защитную функцию высмеивания наиболее серьезных, проблемных сторон человеческого бытия (в их ряду смерть занимает главное место) и в связи с этим – как способ снижения уровня психологической напряженности человека в его реальной жизни [7, с. 210-212].

В функциональном аспекте чёрный юмор связывают и с игровым началом, причём в данном случае мрачные шутки решают психологические задачи. Как пишет В. И. Жельвис, «... это игра, испытание на прочность, когда проверяющий уверен, что испытуемый эту проверку выдержит. Границы чёрного юмора зачастую видятся размытыми. В связи с этим

феноменом рассматриваются примеры, которые по сути своей никак с юмором не связаны, – скорее они представляют чисто «некрофильские» (по Э. Фромму) или откровенно деструктивные текстовые построения» [3].

В свою очередь, О. В. Эпштейн, описывая специфический характер чёрного юмора, утверждает, что «естественный интерес к смерти и другим “чёрным” сторонам жизни являлся и остаётся одним из способов освоения действительности, а смех позволяет отстраниться от пугающих событий, преодолеть страх перед ними, почувствовать себя при этом более сильным, смелым и неуязвимым. Следовательно, возникновение чёрного юмора можно вполне объяснить потребностью человека отстраниться от трагических событий в жизни через их осмеяние» [8, с. 127].

В современном юмористическом мире, чёрный юмор является достаточно востребованным жанром. Скорее всего, это связано с возрастающим уровнем цинизма в современном обществе, поскольку каждый человек регулярно сталкивается с крайне неприятными для себя ситуациями, и только ему решать, выйдет ли он из них с юмором (следуя З. Фрейду, доказавшему, что чувство юмора преобразует боль и гнев в улыбку и смех) или нет.

Зачастую, именно в этом жанре поднимаются на смех темы, на которые шутить осмеливаются очень немногие. Комик, работающий в жанре чёрного юмора, поднимает темы, которые ассоциируются с дозволенностью/недозволенностью, приемлемостью/неприемлемостью.

Признанным авторитетом, специализирующимся на чёрном юморе, является американский юморист Джордж Карлин [4], неоднократно успешно вербализировавший «опасные» темы. Его стендап был рассчитан на провокацию публики, что, вероятно, и сделало его таким популярным. Но даже «великому маэстро чёрного юмора», каким его считают современники, не всегда удавалось остаться в рамках приемлемости. Так, в 1972 году его выступление «Семь грязных слов» привело комика в Верховный Суд США. В этом выступлении анализировалась лексика, считающаяся запретной не только в публичном эфире, но и просто в приличном обществе. Возможно, в этом выступлении Джордж Карлин опередил своё время, поскольку позднее некоторые из этих слов стали использоваться в эфирах теле- и радиопередач скандальными музыкантами и другими знаменитостями. Тем не менее, до настоящего времени большая часть слов из исходного списка Карлина остаётся табуированной в американском эфире.

Помимо прочего, Карлин достаточно жёстко высказывался на тему религии, в частности, в одном из своих выступлений он

затронул тему десяти заповедей. Он критикует их количество, доказывая, что некоторые заповеди («Не кради», «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего») можно объединить. Карлин объяснял это тем, что они несут запрет на одну и ту же модель поведения – бесчестие. Комик предлагает свой вариант заповедей: «Не совершай ничего непорядочного/бесчестного».

Относительно заповедей «Не прелюбодействуй» и «Не желай жены ближнего твоего» Карлин отмечает, что, по сути они запрещают одно и то же – супружескую неверность. Поэтому стендапер объединяет их в одну под названием «Не будь неверным». При этом он отмечает, что порядочность и верность – это две стороны одной медали и предлагает объединить заповеди в одну, несущую позитивный смысл: «Всегда будь верным и порядочным».

Критике также подверглась заповедь «Почитай отца твоего и мать твою». По мнению комика, она направлена на послушание и почитание власти. Однако он считал, что послушание и почитание необходимо заслужить, а не получить автоматически. Он прямо заявляет: «Некоторые родители заслуживают почитания, но большинство из них – нет».

Некоторые заповеди (например, «Я – Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства, да не будет у тебя других богов пред лицом моим», «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно», «Помни день субботний, чтобы святить его») Карлин считает вообще недостойными внимания, поскольку в них используется *spooky language* – ‘жуткий язык’, направленный на запугивание и манипулирование сознанием людей.

Заповедь «Не желай ничего, что у ближнего твоего» Карлин считал необоснованной, так как, по его мнению, зависть – это основной двигатель экономики.

И последней в его монологе была заповедь «Не убий». По мнению комика, у религиозных людей «никогда не было проблем с убийством, так как именно во имя Бога было убито больше людей, чем по другим причинам». Он призывает вспомнить многие случаи, в частности, террористическую атаку религиозных фанатиков на башни-близнецы (Всемирный Торговый Центр), произошедшую 11 сентября 2001 года. «Чем они набожнее, тем больше они думают, что «Не убий» обсуждаемо. Все зависит от того, кто убивает и кого убивает» – считает Дж. Карлин.

В итоге, Джордж Карлин предлагает остановиться всего на нескольких заповедях: «Всегда будь верным и порядочным», «Очень постарайся никого не убить, если, конечно, кто-то не молится другому невидимому человеку, которому не молишься

ты» и «Держи свою религию при себе» (ведь мир, в котором мы живём, мультинационален и мультирелигиозен).

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что чёрный юмор – это юмор, порождающий «...двойственную реакцию – сначала смех, вызванный развлекательным аспектом рассказанной шутки, а затем ужас или даже стыд от первоначальной реакции» [8, с. 127] и затрагивающий запретные, неприятные и/или вызывающие страх темы, являющиеся в разной степени табуированными. Чёрный юмор связан с темой сексуальных отношений и девиаций (некрофилия, педофилия и пр.), с темой смерти, религии, физических недостатков, увечий, умственных способностей и человеческой физиологии. Также к условно запретным темам, которые поднимают стендаперы, можно отнести и политику, поскольку, несмотря на огромное количество единомышленников политические взгляды различаются у множества людей. Иными словами, можно выделить как универсальные (или транскультурные – по М. А. Кулинич) виды чёрного юмора (например, шутки гендерной и профессиональной тематики, на тему детей и межличностных отношений, инвалидностей и вредных привычек), так и национально-этнические, что и будет предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боров, Ю. Б. О комическом / Ю. Боров. – М. : Искусство, 1957. – 232 с.
2. Ефимов, А. И. Речевые средства юмора и сатиры / А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи. – М. : МГУ, 1961. – 520 с.
3. Жельвис, В. И. Чёрный юмор : анатомия человеческой деструктивности [Электронный ресурс] / В. И. Жельвис. – Режим доступа : www.yspu.yar.ru (дата обращения : 21.11.2018).
4. Карлин Дж. Видео-выступления [Electronic Resource]. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=LFWGnDsAHIU> (дата обращения : 12.12.2018).
5. Кебуладзе, В. Феноменология черного юмора [Электронный ресурс] / В. Кебуладзе // Докса. Логос і праксис сміху. – 2004. – Вып. 5. – С. 71-79. – Режим доступа : http://doxa.onu.edu.ua/doxa_5.htm (дата обращения: 24.02.2019).
6. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М. : Республика, 1994. – 447 с.
7. Шмельёва, Н. Л. Понятие «черный юмор» и его функционально-стилистические особенности / Н. Л. Шмельёва // Альманах

- современной науки и образования. – № 8 (27) : в 2-х ч. – Ч. II. – Тамбов : Грамота, 2009. – С. 210-212.
8. Эпштейн, О. В. Лингвокультурный феномен чёрного юмора / О. В. Эпштейн // Интеллект. Инновации. Инвестиции : академический журнал. – Оренбург : Оренбургский гос. пед. ун-т, 2013. – Спец. вып. – С. 126-130.
9. Merriam-Webster Unabridged Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/black%20humor> (дата обращения : 19.11.2018).

АННОТАЦИЯ

Решетарова А. М. Границы и функции понятия «чёрный юмор» в рамках юмористического дискурса

В статье предпринята попытка обобщить существующие точки зрения на историю развития понятия «чёрный юмор» в современной лингвистике и анализируются функции и тематические границы данного понятия на примере выступлений Дж. Карлина – автора комедийных произведений в жанре стендап-комедии.

Ключевые слова: юмористический дискурс, стендап-комедия, чёрный юмор.

SUMMARY

Reshetarova A. M. Bounds and functions of the “black humour” concept in the context of humorous discourse

The article attempts to summarize the existing points of view on the history of the “black humour” concept in modern linguistics. It also analyzes the functions and thematic bounds of this concept as exemplified in G. Carlin’s stand-up comedy.

Key words: humorous discourse, stand-up comedy, black humour.

*Рочняк А. В.
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 37.01

КОНЦЕПТ ПОСТПЕДАГОГИКИ В ОБРАЗОВАНИИ И ЕГО ВОЗМОЖНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ НА МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Постпедагогика представляет собой совокупность представлений о радикальной смене педагогической парадигмы при переходе общества от индустриально-модернистской к постиндустриально-постмодернистской цивилизационной формации. При этом постпедагогические представления на

данный момент являются более умозрительной футуристической моделью с, в определенном смысле, «открытым кодом», в рамках которого могут быть развиты самые разнообразные идеи, исходящие из адекватного ответа на современные вызовы, в частности, на так называемый «постиндустриальный барьер».

Постиндустриальный барьер есть ничто иное, как особое критическое состояние, обусловленное несоответствием устаревшей модели образования и экспоненциально нарастающей скоростью расширения знаний (с естественным устареванием старых). Постиндустриальный барьер проявляет себя в том, что на усвоение новых знаний и навыков в рамках существующей системы образования необходимо больше времени, нежели период устаревания этих знаний; в результате чего работа системы образования (которая в рамках постиндустриального общества рассматривается как, наряду с фундаментальной и прикладной наукой, основной производительный институт) становится малоэффективной и избыточно затратной (как с точки зрения финансов, так и с точки зрения человеческого капитала).

Невозможность преодоления постиндустриального барьера, как и всякая цивилизационная стагнация, грозит серьёзными последствиями в будущем, и прежде всего глубоким ресурсным кризисом, так как современный цивилизационный формат предполагает постоянную генерацию и внедрения (последнее особенно важно) новых технологических идей. В результате возникает «...одновременный кумулятивный кризис всех четырех социосистемных процессов. То есть, проблемы возникают и в области создания новой информации, и в пространстве обучения, и в сфере производства, и в институтах управления. Обычно, при ретроспективном анализе хорошо видны управленческий и производственный кризис, а два остальных кризиса рассматриваются как второстепенные. На самом деле это далеко не обязательно так, и начаться процесс кризиса фазы социосистемы может по любому из базовых процессов. Например, в нашем случае, в современной индустриальной фазе развития, спусковым механизмом, по всей видимости, стал кризис образования, который затем распространился на производство, управление и познание» [1].

Представители постпедагогического направления в той или иной мере утверждают необходимость трех фундаментальных изменений в глубинной концепции образовательной системы, которые, по их мнению, могли способствовать преодолению постиндустриального барьера.

Первое изменение: переход от субъект-объектной парадигмы взаимоотношений «учитель-ученик», к субъект-субъектной, при

которой «учитель и ученик учатся вместе, уважая ценности, интересы и жизненный опыт друг друга» (перевод наш – А. В. Р.) [1, с. 625], ученик признается и реализует себя как полноценный активный участник образовательного процесса. В наиболее радикальных формах это может быть реализовано через осуществление прямой оплаты ученикам их учебной работы и учебных достижений. Постпедагогика не рассматривает знание, получаемое в рамках образовательной системы, как благо, передаваемое ученикам для их безусловного личного использования, но напротив, как общественно-необходимый продукт, рожденный в сотрудничестве учителей и учеников. В этом случае ученики являются такими же работниками сферы общественного образования, как и учителя, и в той же мере заслуживают материального вознаграждения.

Последнее, безусловно, вызывает множество педагогических возражений, так как в обычной школьной практике внеэкономические формы мотивации учащихся являются доминирующими и существует опасность того, что такой подход может развивать корыстность. Однако на эти возражения существуют следующие контраргументы: постпедагоги считают глубоко ошибочным то, что мы привыкли создавать искусственный «детский» мир, в котором отношения идеализированы и не соответствуют реалиям внешнего, «взрослого» мира. Переход от «отношений «детского» мира к миру «взрослому» является наиболее кризисным и психотравмирующим, который и провоцирует наиболее тяжелые формы» [2, с. 54].

Данная концепция значительно проще может быть воспринята, если отказаться от устойчивого представления об ученике как исключительно о ребенке и принять во внимание абсолютную необходимость в современных условиях обучения в течение всей жизни. Современное производство, требующее значительно меньшего количества непосредственно рабочих человеко-часов, при этом требует значительно большего расхода трудового ресурса на подготовку кадрового потенциала, и кадры сами по себе должны иметь прямую заинтересованность в увеличении и расширении своих компетенций.

Непризнание ученика полноценным активным участником учебного процесса, приписывание ему объектного поведения считается ошибкой, которая приводит к замедлению усвоения знаний. При традиционном подходе, где ученик представляет в большей степени объект процесса, нежели субъект, и не имеет прямой и близкой по времени заинтересованности, недоиспользован волевой потенциал самого учащегося, что неизбежно снижает продуктивность, приводит к затратам

времени и человеческого усилия на внешнее насильственное мотивирование ученика к учебному действию.

Второе изменение: это перенос значимости с процессуально-временного измерения работы, произведенной в рамках образовательной системы, на измерение результатов данной работы за счет внешнего оценивания. Это открывает определенную свободу творчества в работе учителя и учеников, исключает обязательную стандартизацию подходов и снижает бюрократическую нагрузку, существенно отнимающую полезное учебное время.

Этот аспект особенно важен в преодолении постиндустриального барьера, так как экономия времени на этапе разработки и внедрения единых стандартов критично для того, чтобы новое знание не успевало устаревать. При этом оценивание знаний учеников, как основного продукта учебного процесса, производится не учителями, но внешними независимыми экспертами. Предполагается, что это устранил неминуемую коррупционную составляющую на уровне «учитель-ученик», будет способствовать разгрузке практикующих учителей в плане документального оборота и, что важнее всего, переводит учителей и учеников из положения некоего, привычного нам, структурного антагонизма в таковых, что имеют общие интересы.

В зависимости от полученных оценок производится условная оценка выполненной учительско-ученическим коллективом количественная оценка произведенной работы, которая непосредственно конвертируется в материальное вознаграждение. Упрощенно систему можно свести к выкупу государством или иными заинтересованными неких условных «балло-учеников», которые производятся в рамках учебного процесса.

По сути дела предполагается внешнее оценивание совместного труда учеников и педагогов (что, по некоторым мнениям, способно противодействовать естественному противостоянию между учениками и учителями и способствовать большей направленности на совместную плодотворную деятельность в рамках единой группы).

Третье радикальное изменение: внедрение неиерархических групп с динамическим составом, которые бы строились на добровольном, но стабилизированном сотрудничестве. Это можно рассматривать как в определенной мере перенесение принципов сетевой архитектуры движения информации, обычной для современной информационной техники, на социальный институт образования.

Группы динамического состава, являющиеся основным ядром производства такого образовательного блага, как

условно оцененный навык или умение, представляют собой квазистабильные ячейки единой образовательной сети, которые не изолированы друг от друга, но существуют в рамках оптимального взаимодействия.

Несмотря на то, что идеологи постпедагогики нередко настаивают на отказе от искусственных, отделенных от реального внешнего мира форм, на современном этапе все вышеуказанные принципы и концептуальные изменения (при условии сохранения существующих институтов, преждевременное разрушение которых может привести лишь к катастрофе) могут быть реализованы лишь в модельно-игровой форме, при которой реальные финансово-материальные потоки моделируются условно-игровыми, а управленческие решения не направлены напрямую против существующей структурной иерархии.

Наиболее вероятным следует считать апробацию и совершенствование этих идей в рамках факультативного изучения предметов, и специфика изучения, к примеру, иностранного языка, вполне допускает плодотворность подобных начинаний.

Опишем возможный пример организации работы языкового факультатива с использованием постпедагогических концептуальных принципов. Данная модель является исключительно умозрительной и базируется на нашем понимании вышеуказанных принципов.

Прежде всего, для этого необходим первичный пул из учеников и учителей, достаточно многочисленный, чтобы могло быть образовано не менее трех групп динамического состава. Помимо этого необходимо определенное количество экспертов, осуществляющих внешнее оценивание проводимой работы.

Учитывая реалии школ или высших учебных заведений филологической направленности, наиболее целесообразным было бы использовать в качестве практикующих учителей на данных факультативах более старших учащихся, студентов старших курсов, начинающих преподавателей или ассистентов в рамках высших учебных заведений. В состав же экспертной комиссии по внешнему оцениванию работы должны входить более опытные кадры, имеющие высокий уровень профессиональной компетентности.

Вторым условием является игровое моделирование финансово-материальных потоков, которое может быть осуществлено за счет первичной эмиссии условной учебно-игровой «валюты». «Банк» при этом имеет фиксированную сумму и находится в распоряжении экспертной комиссии по внешнему оцениванию, которая за этот счет осуществляет «выкуп» знаний и навыков, произведенных группами.

Процедура формирования групп динамического состава может начинаться с всеобщих для пула участников выборов трёх и более (в зависимости от численности самого пула) руководителей групп. Руководители групп при этом должны быть учениками, и они уже осуществляют по своему усмотрению набор в свои группы людей, заранее оговаривая с каждым из них ту долю в будущем игровом «валютном» доходе, на которую участник вправе рассчитывать. Этот игровой договор оформляется в индивидуальном или групповом порядке и фиксируется.

После того как сформированы ученические части групп, они в рамках совместного обсуждения приглашают учителей, договариваясь уже с ними о том, какую долю будущего «дохода» они готовы им предоставить.

При этом простые группы в рамках схемы «учителя-ученики» могут иметь и более сложную внутреннюю иерархию, при которой обязанности внутри группы могут быть распределены, а в саму группу при этом будут входить участники с разным уровнем начальной компетентности (что ideally при факультативной работе, и может быть выражено, к примеру, тем, что в группу должны входить студенты разных курсов).

После того, как группы полностью укомплектованы, они предлагают собственные планы усвоения предметного материала, которые утверждаются экспертной комиссией по внешнему оцениванию. Возможен и тот вариант, что сама экспертная комиссия по внешнему оцениванию осуществляет ориентировочные требования к тому образовательному продукту (в виде определенных компетенций), «выкуп» которых она и будет осуществлять.

При данной организации факультативных занятий цикл обучения должен быть разделен на модули, по окончании которых группы динамического состава могут переформировываться в рамках вышеназванной процедуры. Возможно, что будут применены и другие организационные схемы, которые соответствовали бы концептуальным принципам.

Внешнее оценивание наработанных навыков может производиться как в индивидуальном, так и в групповом варианте, однако в любом случае полученные участниками группы единицы оценивания должны суммироваться и распределяться в зависимости от заранее оформленных и зафиксированных договоренностей.

По-видимому, не лишним будет и использование некоего условного рейтинга всех участников данного процесса, который бы зависел от наработанных им за предыдущую «карьеру» оценочных единиц.

В узко-методическом плане при данной форме структурной организации факультативных занятий наибольшую перспективу представляет проектный метод. Каждая группа может представлять собственные творческие наработки предметного характера, которые и были бы оценены экспертной комиссией.

Открытым остается вопрос конвертации игровой «валюты» в некое материальное вознаграждение. Очевидно, что в школах это может быть реализовано лишь через возможность обретения за данную «валюту» поощрительных благ – развивающих книг, посещений концертов и тому подобное. В высших учебных заведениях при определенной официальной правительственной поддержке возможны и иные формы премирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mannoni M. «Scheißeziehung» von der Antipsychiatrie zur Antipädagogik / M. Mannoni ; [aus dem Französischen von Grete Osterwald]. – Frankfurt am Main : Autoren- und Verlagsgesellschaft Syndikat, 1976. – 257 s.
2. Slattery P. A postmodern vision of time and learning: A response to the National Education Commission report prisoners of time / P. Slattery // Harvard Educational Review. – 1995. – No 4. – Vol.65. – P. 612-633.
3. Мозжерис Д. Постиндустриальный барьер и мировые кризисы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://worldcrisis.ru/crisis/1689869>.

АННОТАЦИЯ

Рочняк А. В. Концепт постпедагогики в образовании и его возможные отражения на методике преподавания иностранных языков

Статья посвящена проблеме использования концептуальных принципов постпедагогического образования в современном обучении филологическим дисциплинам, производится оценка перспектив данного направления при факультативном изучении иностранных языков.

Ключевые слова: постпедагогика, постиндустриальное образование, организация факультативного обучения филологических дисциплин

SUMMARY

Rochnjak A. V. The concept of post-pedagogy in the education and possible realization in teaching of foreign languages

The article considers the problem of using for conceptual principles in post-pedagogical education in the modern study of philology, it is

appreciated the perspectives of this trend in the aspect of optional study for philology.

Key words: post-pedagogy, postindustrial education, organization of optional study for philology.

О. В. Соколова, В. В. Романько
(г. Донецк, ДНР)

УДК 378

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ-ИНЖЕНЕРОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

На данном этапе развития общества возрастает необходимость изучать иностранный язык с ориентацией на его практическое применение в бытовом, деловом и профессиональном общении.

Среди возрастающих требований к подготовке выпускников образовательных учреждений высшего профессионального образования особо следует выделить следующие: умения объединять глубокие профессиональные знания и навыки с компьютерной грамотностью и с высоким уровнем владения иностранным языком. Знание иностранного языка становится все более значимым в подготовке инженерных специалистов. Иностранный язык является средством получения знаний, связанных с профессиональной деятельностью, одним из источников получения справочной информации по специальности, получаемой по компьютерной сети, средством общения со специалистами зарубежных стран. Незнание или слабое владение иностранным языком является серьезным препятствием в получении такой информации.

Реальное состояние данного вопроса указывает на недостаточный уровень подготовленности специалистов технических университетов. Среди причин, которые вызвали низкий уровень владения иностранным языком, можно выделить следующие: недостаточное количество часов на изучение иностранного языка в государственных учреждениях высшего профессионального образования (ГОУВПО); слабая базовая подготовка выпускников школ; отсутствие мотивации студентов в процессе овладения навыками и умениями иноязычной речи; недостаточное учебно-методическое обеспечение.

Анализ научно-педагогической литературы и практики обучения иностранным языкам в техническом институте

или университете указывает на то, что одной из основных причин низкой языковой подготовленности студентов является недостаточное внимание к организации самостоятельной работы студентов при изучении иностранного языка. Основной путь разрешения проблемы иноязычной подготовки студентов ГОУВПО – это усовершенствование самостоятельной работы студентов (СРС) при изучении иностранного языка, улучшение его методического обеспечения, внедрение информационных педагогических технологий.

Проблема активизации познавательной активности и самостоятельности учеников и студентов нашла отображение в работах Л. П. Аристовой, Э. Я. Голанта, Б. П. Есипова, И. Я. Лернера, И. Т. Огородникова, П. И. Пидкасистого, М. И. Сметанского, И. Ф. Харламова. Вопросы теории и практики самостоятельной работы студентов рассмотрены в исследованиях таких современных исследователей как А. М. Алексюк, В. К. Свекла, О. В. Заика, Л. В. Клименко, В. А. Козаков, В. В. Луценко, В. Д. Мороз, П. И. Пидкасистый и др. Самостоятельной работе студентов в процессе овладения иностранным языком посвящен ряд научных исследований А. С. Лурье, М. В. Ляховицкого, С. Ю. Николаевой. Вопрос организации и управления самостоятельной работой рассмотрен в исследованиях В. В. Афанасьева, И. В. Афанасьева, К. Б. Бабенко, Г. Е. Гнитецкой, В. Граф, Л. М. Журавской, В. А. Козакова, О. Б. Тищенко, И. М. Шимко. Вопросы использования компьютерных технологий в самостоятельной работе студентов исследовали С. М. Володько, О. В. Ильина, Е. С. Полат, М. И. Смирнова, О. П. Палий, Л. И. Павлюк и др.

Изучение и анализ указанных работ показывают особую роль в изучении иностранного языка организации самостоятельной работы, в которой студент является инициатором поиска и получения знаний, а преподаватель руководит этой деятельностью. Указывается на необходимость усовершенствования методов и форм организации самостоятельной работы по иностранному языку с учетом целей и содержания профессиональной подготовки специалистов в техническом университете, объединения традиционных методов организации и ведения учебного процесса с использованием новых педагогических и информационных технологий обучения.

Все это свидетельствует о необходимости активизировать самостоятельную работу студентов, определить дидактические основы организации самостоятельной работы по иностранному языку в техническом университете, разработать учебно-методические материалы для обеспечения такого вида работы студентов инженерных специальностей.

Развитие общества, науки и производства в современных условиях быстро изменяющихся технологий, проникающих во все сферы деятельности человека, испытывает острую необходимость в грамотных выпускниках образовательных учреждений разного уровня и профиля [4].

Реалии современной жизни таковы, что выпускник института или университета должен быть готов к регулярной самостоятельной профессиональной образовательной деятельности. Динамичное изменение рынка труда, появление новых информационных технологий, накопление огромных баз данных требуют не просто знаний, а именно способности реагировать на вновь возникающие профессиональные риски, оперировать большими массивами информации, «уходить» в смежные отрасли и т.д. Сложившаяся модель подготовки будущего инженера далеко не всегда позволяет соединить профессиональную и языковую подготовку в целостную систему.

Анализ теоретических основ и практики обучения иностранному языку в ГОУВПО выявил определенные трудности. Во многом они обусловлены имеющимися противоречиями между его гуманитарной направленностью и математическим складом ума студентов, а углубляет это противоречие тот факт, что иностранный язык не является профильной дисциплиной, отсюда и сомнения с точки зрения его надобности в профессиональной деятельности.

На мотивацию студентов к обучению иностранному языку в техническом университете, а следовательно, и на успешность усвоения знаний влияет также внедрение современных информационных технологий, наличие в интернете готовых текстов, рефератов, интернет-переводчика. Они создают у студентов иллюзию разрешения языковых проблем.

Таким образом, преподавателю иностранного языка необходимо сначала разрушить сложившееся мнение студента, о второстепенности, ненужности этого предмета. Затем создать положительное эмоциональное отношение к нему, помочь осознать всю необходимость и значимость изучения иностранного языка в дальнейшей профессиональной деятельности, рассматривать его как средство получения специальной информации по профилирующему предмету.

Проведенный анализ показал, что изучение иностранного языка в образовательных учреждениях высшего профессионального образования может быть успешным, если в процессе всего обучения последовательно осуществляется профессионально ориентированный отбор учебного материала,

учитывающий профессиональную направленность студентов технического вуза. Тем самым активизируется познавательная деятельность студентов, пробуждая интерес к изучаемому предмету. И если учебной деятельности соответствуют познавательные мотивы, то практической деятельности – профессиональные, а подготовка студентов, направленная на развитие познавательных и профессиональных мотивов, выступает центральным звеном всего процесса формирования личности будущего инженера.

Методика преподавания предполагает, что изучение английского языка на начальном этапе должно быть направлено на формирование общей и только после этого профессионально ориентированной коммуникативной языковой компетентности (лингвистической, социолингвистической и прагматической) для обеспечения эффективного общения в академической и профессиональной среде.

Учебная программа дисциплины «Иностранный язык» в ГОУВПО «Донецкий национальный технический университет» содержит четыре учебных модуля: первые два в большей степени ориентированы на языковую подготовку студентов инженерных специальностей; два других – содержат материалы общего, общенаучного и профессионального предназначения.

Переход на новые стандарты показал необходимость усиления профессиональной ориентации изучения английского языка, но увеличения количества часов при этом не произошло. Все это обусловило необходимость пересмотра содержания учебных модулей и усиление профессиональной ориентации курса английского языка для студентов инженерных специальностей. Но решение этой проблемы невозможно в процессе одних лишь аудиторных занятий, поэтому возникла необходимость в организации целенаправленной самостоятельной работы студентов. Для этого необходимо создание соответствующей информационно-методической базы, которая включает наряду с традиционными дидактическими средствами использование новых информационных технологий в самостоятельной работе студентов. Внедрение компьютерных технологий в учебный процесс по изучению иностранного языка повышает значимость самостоятельной работы, в рамках которой обучение является индивидуальным и самостоятельным по форме, но контролируемым и управляемым по сути.

Создание дидактического комплекса, объединившего в себе как привычные, так и новые средства обучения, которые появились в высших учебных заведениях за последние годы, поможет решить сложившуюся проблему.

Под дидактическим комплексом для самостоятельной работы студентов-инженеров понимается совокупность (единство):

- индивидуальной самостоятельной аудиторной работы под контролем преподавателя;
- обязательной самостоятельной работы студентов по заданию преподавателя, выполняемой во внеаудиторное время (домашнее задание);
- самостоятельной работы с использованием информационных компьютерных технических средств обучения.

Дидактический комплекс предназначен для студентов-инженеров очной формы получения высшего образования. Он может использоваться как для аудиторной самостоятельной работы на практических занятиях, так и для организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов. Данный комплекс позволяет использовать информационные компьютерные технологии, он содержит ссылки, которые помогают студентам оперативно найти необходимый учебный материал в Интернете.

Одним из основных видов речевой деятельности, востребованных практически в любой профессии, является чтение, так как, в основном, через него происходит развитие обязательного компонента профессиональной коммуникативной компетенции – ее информационной составляющей. Поток информации увеличивается с каждым днем, и выпускникам университетов и институтов придется столкнуться с необходимостью использования иностранного языка в профессиональной деятельности. Кроме того, возрастающие деловые связи с зарубежными партнерами требуют, чтобы современный специалист владел навыками чтения документов, мог бы самостоятельно осуществлять информационный обмен с деловыми партнерами [2, с.88].

Итак, в обучении иностранному языку чтение занимает особое положение, так как является основой для развития умений и навыков в других видах речевой деятельности. Кроме того, чтение в большой мере представляет собой самостоятельный процесс, способствующий расширению кругозора студентов, их лексического запаса, развития устной и письменной речи, поддержанию интереса и способности постоянно повышать уровень владения иностранным языком.

По мнению Р. М. Базылевой, работа над ознакомительным и просмотровым чтением должна быть аудиторной самостоятельной работой, хотя и управляемой преподавателем. Изучающее чтение может быть внеаудиторным и выполняться по заданию преподавателя, но без его непосредственного участия [2, с. 90].

Работа со словарем – это абсолютно необходимый вид работы для формирования навыков самостоятельного чтения. К сожалению, до самого окончания средней школы учащиеся пользовались, как правило, словарем в учебнике, их не учили пользоваться специальным словарем, где необходимо выбирать нужное значение слова из нескольких вариантов.

Работа со словарем тесно связана со словообразующими элементами языка. Знакомство с наиболее распространенными аффиксами составляет основу лексикологической работы на начальном этапе изучения иностранного языка в университете. Упражнения на словообразование могут быть как предтекстовыми, так и послетекстовыми. Кроме того, целесообразно ознакомить студентов с «ложными друзьями» переводчика. Это такие слова, которые совпадают по форме, но имеют абсолютно разные значения в разных языках (английский/русский). Например, *conductor*.

Таким образом, для формирования навыков работы со словарем необходимо постоянно предлагать соответствующие упражнения для тренировки как в процессе самостоятельной работы на практических занятиях в аудитории, так и для самостоятельной работы студентов дома. Студентам необходимо предлагать вести собственный глоссарий технических терминов. Глоссарий является одним из значимых компонентов комплекса. Он представляет особую важность для обучения иностранному языку профессиональной направленности, так как содержит основные терминологические единицы профессионального тезауруса. Студенты могут пользоваться разработанным глоссарием или создавать собственный словарь [5].

Эффективность организации самостоятельной работы студентов во многом зависит от применяемых педагогических технологий обучения. Это могут быть как традиционные технологии, так и современные, открывающие неограниченные возможности для обучения – информационные компьютерные технологии (ИКТ). ИКТ открывают более широкие возможности для получения информации с помощью сети Интернет. Всемирная сеть позволяет получить доступ к обширным информационным ресурсам, электронным библиотекам, электронным журналам, справочным изданиям, сетевым образовательным сообществам, интернет-конференциям ко всей информации, накопленной человечеством. ИКТ позволяют создать не только новые технологии обучения, но и преобразовать, улучшить эффективность традиционных технологий [3, с. 172.].

Дидактический комплекс реализует три основные цели:

- формирование у студентов-инженеров навыков и развитие умений профессионально-ориентированного иноязычного

общения в устной и письменной форме в предполагаемых ситуациях профессиональной деятельности;

- формирование навыков понимания читаемого научно-технического текста;

- формирование лексического минимума делового общения.

По мнению Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина, существует два полярных взгляда на структуру учебно-методического комплекса: первый основывается на комплексе, который состоит из учебника и дополняющих его пособий; второй – комплекс, содержащий равноправные компоненты, которые лишь в сумме равны учебнику [1].

Мы придерживаемся того, что дидактический комплекс по английскому языку для самостоятельной работы студентов в техническом университете должен состоять из дополняющих друг друга компонентов. В его структуру должны входить базовые компоненты, предусмотренные рабочей программой, и дополнительные компоненты, расширяющие возможности самостоятельного изучения дисциплины, углубления знаний по отдельным разделам программы.

Дополнительные компоненты дидактического комплекса:

- технические тексты на английском языке;
- дополнительные лексико-грамматические упражнения для совершенствования и автоматизации грамматических навыков и обогащения словарного запаса студентов;

- глоссарий терминов;

- дополнительные интернет-ресурсы и справочные материалы;

- материал по деловому общению на английском языке.

Основной целью самостоятельной работы студентов-инженеров является закрепление, углубление и совершенствование полученных знаний, навыков и умений, т.е. достижение соответствующего уровня иноязычной компетентности за период обучения.

Основной путь улучшения языковой, профессиональной и методической подготовки студентов инженерных специальностей – профессиональная направленность преподавания, стимулирование профессионального интереса студентов через содержание, формы, способы самостоятельной деятельности, совершенствование организации и дидактического обеспечения самостоятельной работы студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). – СПб. : Златоуст, 1999. – 472 с.

2. Базылева Р. М. Самостоятельная работа при обучении чтению / Организация самостоятельной работы студентов: Материалы докладов II Всероссийской научно-практической интернет-конференции «Организация самостоятельной работы студентов» (6-9 декабря 2013 года). – Саратов: Изд-во «Новый проект», 2013. – 188 с.
3. Байназарова А. В., Проскурина И. К. Использование информационно-коммуникационной технологии в организации самостоятельной работы студентов // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 3. – С. 170-174.
4. Быкадорова Е. С. Содержание и структура мультимедийного учебно-методического комплекса «Английский язык для студентов инженеров-механиков» // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 6 (31).
5. Соколова Э. Я. Сетевой электронный учебно-методический комплекс как образовательный ресурс для обучения профессиональному английскому языку (для студентов технических вузов) // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2012. – № 4 (119).

АННОТАЦИЯ

Соколова О. В., Романько В. В. Специфика организации самостоятельной работы студентов-инженеров в процессе изучения иностранного языка

Статья посвящена необходимости усовершенствования методов и форм организации самостоятельной работы студентов по английскому языку в техническом университете. В статье представлен дидактический комплекс, сочетающий традиционные методы организации ведения учебного процесса с использованием новых педагогических и информационных технологий обучения.

Ключевые слова: самостоятельная работа, студент-инженер, иностранный язык, профессиональная лексика, дидактический комплекс.

SUMMARY

Sokolova O. V., Romanko V. V. The specific features of self-work organization of engineering students during the process of foreign language learning and teaching

The article focuses the necessity of improving the methods and the forms of students' self-work organization during the process of foreign language learning and teaching at technical university. The article presents the didactic complex combined the traditional methods

of teaching process with the new pedagogical and information technologies.

Key words: self-work, engineering student, foreign language, professional vocabulary, didactic complex.

Е. В. Соловцова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'36:070:81'42(045)

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ СИНОНИМОВ ДИРЕКТИВНЫХ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

Общая направленность современной лингвистики на комплексное изучение языковых и речевых явлений, а также особое внимание к коммуникативно-прагматическим аспектам языка способствовали созданию условий для систематизации отношений между языковыми феноменами. В частности, важным является определение возможных закономерностей в употреблении близких по значению лексических единиц и их прагмасемантических функций в контексте [5]. Необходимым в этом направлении является описание спектра лексико-семантических особенностей контекстуальных синонимов, связанных с их употреблением в различных коммуникативных ситуациях русского язычного газетного текста. Использование синонимии в значительной мере зависит от способности говорящего подобрать в конкретной ситуации речи целесообразный во всех отношениях синоним. Это позволяет автору медиасообщения высказываться вариантно, т.е. синонимично, и тем самым наиболее целесообразно, уместно с точки зрения стилистики. Поэтому актуальной задачей для исследований в области коммуникативной лингвистики представляется описание функций директивных перформативных синонимов и их семантико-стилистических особенностей в рамках контекста на основе современных газетно-журнальных текстов.

Синонимия является одним из проявлений системных отношений в языке, поэтому ее изучение способствует более глубокому раскрытию лексико-семантических и функциональных возможностей единиц языковых конструкций. В этом отношении исследование связи перформативных глаголов с синонимией является особенно актуальным, учитывая динамику развития словарной системы языка. В целом при анализе синонимического потенциала перформативов

важным вопросом является определение степени влияния контекста на синонимию слов данного типа. Исследование контекстуального поведения синонимов дает возможность проследить использование синонимичных перформативных глаголов в лексико-семантическом и стилистическом аспектах в массмедийном дискурсе.

Основным **объектом** исследования являются синонимические явления в области директивных перформативных глаголов (далее – ДПГ) на материале современной публицистики, **предметом** – их языковая и речевая синонимия. **Цель** статьи заключается в раскрытии природы синонимии ДПГ, выявлении семантико-стилистических особенностей контекстуальных синонимов ДПГ современного русского языка с учетом прагматического компонента содержательной структуры анализируемых языковых единиц.

Источником материала для исследования является газетный подкорпус Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ).

В основе семантико-прагматического описания перформативности лежит концепция Дж. Остина, согласно которой произнести что-то – значит осуществить действие, а произнести высказывание с какой-либо целью (интенцией) означает осуществить действие с определенным эффектом [8, с. 175].

Директивы – это иллокутивные речевые акты, цель которых состоит в «попытке заставить кого-нибудь другого (других) сделать нечто, изменить его поведение в соответствии с желанием говорящего» [9, с. 252]. Общее значение директивного речевого акта заключается в выражении волеизъявления говорящим, которое направлено на каузацию деятельности адресата [10, с. 374]. Особенность таких речевых актов заключается в их направленности на изменение окружающей ситуации с помощью речевых действий, их цель – «сделать так, чтобы действительность соответствовала словам» [8, с. 172], то есть говорящий побуждает адресата осуществить какое-либо необходимое для него действие.

Типичным средством выражения перформативности высказывания является эксплицитное представление иллокутивной силы с помощью ДПГ (в форме первого лица несовершенного вида настоящего времени изъявительного наклонения). В данной форме объединено лексическое выражение директивной интенции продуцента и грамматическое значение перформативности, реализованное в прагматических координатах непосредственного общения в настоящем времени.

Директивные перформативные высказывания реализуют синтаксические формулы «Я х» и «Я х, что» в которых перформативный глагол (х) не только номинирует общую директивную иллюкутивную цель, но и уточняет ее. Следует отметить, что классические перформативные формулы («Я х», «Я х, что») могут модифицироваться в «Я х, чтобы» или «Я х, Imper». По мнению Ю. Д. Апресяна, перформативная формула имеет приоритет перед перформативным глаголом [2, с. 203], поэтому в отдельных случаях в составе таких формул ДПГ вступает в новые парадигматические отношения с синонимичными, эквивалентными высказываниями (другими формами глагола и даже неглагольными лексемами), в которых отсутствует перформативный глагол; их перформативность позиционируется не грамматически, а семантически: в них так или иначе номинировано коммуникативное намерение адресанта, время и место речевого взаимодействия.

Директивы представляют одну из самых многочисленных групп перформативных высказываний. В их состав входят приказы и требования, просьбы, советы и предложения, запреты и разрешения, предупреждения и предостережения, оформленные соответствующими перформативными глаголами: *приказывать, повелевать, требовать, разрешать, запрещать, предупреждать, предостерегать, рекомендовать, просить* и т. д.

Исследованию побудительных высказываний посвящены работы А. И. Беляевой, А. И. Изотова, Ц. Саранцацрал, В. С. Храковского, которые выделили дифференциальные признаки основных видов побуждения (приказы, просьбы, советы и т. п.); охарактеризовали коммуникативные ситуации их употребления; исследовали различные средства выражения отдельных видов побуждения и т. п. Однако ряд вопросов, в частности синонимия перформативных директивов, не исследованы, поэтому данная проблематика остается актуальной.

Синонимы квалифицируются как слова и словосочетания, выражающие близкое или даже тождественное понятие, но отличающиеся между собой либо оттенками значения, либо эмоционально-экспрессивной окраской, либо комплексом данных различий (С. Караванский, М. Кочерган, Л. Паламарчук, В. Русановский и др.). Существует точка зрения, согласно которой синонимия всегда частична и никогда не бывает абсолютной [11, с. 25], хотя представители большинства подходов к синонимии выделяют группы *абсолютных* (по Р. Будагову), *точных (равнозначных)* (по Ю. Апресяну), *тождественных в*

основном номинативном смысле (по А. Григорьевой) синонимов. Ю. Апресян, Л. Булаховский, В. Звегинцев и др. называют критерий взаимозаменяемости в качестве основного для определения слов как синонимов. Итак, синонимами мы будем называть слова, близкие по значению, но отличающиеся планом выражения и эмоционально-экспрессивной окраской.

В зависимости от характера синонимических отношений (постоянных или временных) лексические синонимы делятся на два разряда: общеязыковые (идеографические), имеющие сходство значений в самой языковой системе и заимствуемые из нее коммуникантами, и контекстуальные (окказиональные) (отсутствующие в языке, они встречаются непосредственно в речи).

Среди языковых ДПГ имеются полные и частичные синонимы. К первым относятся перформативы, тождественные по смыслу и полностью взаимозаменяемые, например, синонимические ряды *советовать – рекомендовать – предлагать; предупреждать – предостерегать; предсказывать – предрекать – пророчить; приказывать – требовать; позволять – разрешать* и т. п.

Примером частичных языковых синонимов могут служить следующие синонимические ряды ДПГ: *зову – призываю; приказываю – поручаю, обязываю, настаиваю*. Кроме того, **приказываю** провести с личным составом дополнительные служебные занятия по изучению нормативно-правовых актов, лимитирующих данное направление деятельности... [И. Святки. В Москве и Подмосковье начались перебои с выдачей водительских удостоверений // Новый регион 2, 2008.09.18]; **Поручаю** правительству взять на контроль все вопросы оказания помощи и поддержки семьям погибших [Ю. Нитченко. Назарбаев назвал ЧП на погранзаставе, где нашли 15 трупов, терактом // Комсомольская правда, 2012.06.01]; **«Обязываю по результатам работы в феврале текущего года привести уровень оплаты за потребленный газ к фактической стоимости потребленных объемов»**, – сообщает пресс-служба главы государства [В Крыму газоснабжение городов на грани чрезвычайной ситуации // Новый регион 2, 2008.02.12].

Анализируемые ДПГ совпадают только в некоторых из своих словарных значений, соотносятся в синонимическом ряду как ядро и периферия. При этом каждый ДПГ в большинстве случаев имеет семантически близкие соответствия и воспринимается в речи в сопоставлении с другими лексическими единицами синонимического ряда.

Под контекстуальными синонимами ДПГ мы понимаем глаголы, обозначающие побуждение к действию, которое

реализуется при употреблении в несвойственном для них, иначе говоря, косвенном значении, например:

1) говорю – приказываю: Нуруллин не выглядел напуганным: – Апа, забери заявление, **говорю** тебе! [Р. Ахмирова. Нижнекамск. Как продавщица пирожков боролась с мафией // Комсомольская правда, 2001.09.26]; Чё встала? Иди сюда, кому **говорю**, дрянь? Причем зачастую такую «любовь» демонстрируют неплохо одетые и вполне себе трезвые дамы [К. Десятова. Перепутал радиус с диаметром? Получи по шее! // Комсомольская правда, 2014.04.02]. В данном случае ДПГ *говорю* содержит вместе с основным значением еще несколько вторичных значений (приказываю, требую, настаиваю);

2) говорю – предупреждаю: – Да тигр, **говорю** тебе, из зоопарка сбежал, разворачивайся! [Р. Ахмирова. Казань. Сбежавшая тигрица сутки держала в страхе Казань // Комсомольская правда, 2001.06.14];

3) говорю – призываю: Я **говорю** вам: не клянись вовсе [Г. Бовт. Гражданин обещающий // Комсомольская правда, 2013.02.11]; А я **говорю** вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас... Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? [Н. Усков. Зачем мы дали премию Pussy Riot // РБК Дейли, 2012.09.17];

4) говорю – советую, рекомендую: Ребята, я **говорю** вам еще раз, идите на биржу труда [А. Ефимов. Рейнгольд и Ловчев о матчах 2-го тура // Советский спорт, 2013.22.07].

По мнению Г. Г. Почепцова, «класс перформативов является непротиворечивым, если коммуникативные трансформации позволяют взаимозамену между членами класса» [6, с. 64], то есть глаголы, входящие в одну группу, должны быть коммуникативными синонимами, способными заменять друг друга в процессе коммуникации. Контекстуальные синонимы, как указывают И. К. Белодед, Т. Г. Винокур и др., возникают в процессе индивидуального акта речи в том случае, когда говорящему не хватает известных ему синонимов, чтобы выразить определенную мысль, или же ввиду невозможности использовать прямую номинацию.

В результате анализа выборки из НКРЯ установлено, что для русскоязычного газетно-журнального текста характерны случаи контекстуальной синонимии ДПГ и словосочетаний с глагольным компонентом. К примеру, совет в русском языке представлен рядом синонимических ДПГ: *советую, рекомендую, предлагаю, предупреждаю, предостерегаю, напутствую*. При этом разница между предложением и советом заключается в том, что, давая

совет, говорящий уверен в его целесообразности и готов нести ответственность за последствия, а произнося предложение, адресант не совсем уверен в целесообразности предложенного, он только вносит на рассмотрение и оценку адресата определенное действие.

Иногда совет может выражаться сочетанием перформатива с частицей *не*: – **Не советую** пить валерьянку или БАДы, которые якобы улучшают работу мозга, – отмечает психолог [К. Конюхова. Легко сказать: не трясись на экзамене. А как? // Комсомольская правда, 2014.05.27]; *И остальным никуда переезжать не советую*, потому что чужая страна – это другая ментальность, это утопия [А. Гришин. Социологи считают, что каждый пятый россиянин хочет покинуть страну // Комсомольская правда, 2013.06.06].

Ю. Д. Апресян отмечает, что значительная часть перформативных глаголов с негацией теряют свою перформативную функцию, но некоторые в сочетании с частицей *не* становятся близкими по смыслу другим эксплицитным перформативам [1, с. 215]. В рассмотренных выше примерах сочетание частицы *не* с перформативом *советую* лексикализируется, что позволяет считать его контекстуальным синонимом ДПГ *отговариваю / отсоветываю*: *Я отговариваю*, потому что профессия хоть и веселая, но хлеб трудный [Н. Кривец. Актер Александр Ефремов: «Тысяча долларов за ролик считается у нас хорошим гонораром» // Комсомольская правда, 2010.04.02]; *Поэтому, когда он пытается принять какое-то неправильное, на мой взгляд, решение, я отговариваю его от этого, используя массу научных и профессиональных терминов* [Как вы высказываете претензии начальнику? // Труд-7, 2009.10.27].

Употребление *не* с глаголом *отговариваю* не всегда равно ДПГ *советую* и может принимать иное лексическое и прагматическое значение: *Я не собираюсь советовать ей идти в кинобизнес, но и не отговариваю ее от этого* [Г. Галкина. Актер Аль Пачино: «Если вы хотите детей, будьте очень осторожны при выборе, с кем именно» // Труд-7, 2008.09.25].

Анализ языкового материала позволяет выделить перформативные акты заклинания и упрашивания как побудительные акты, близкие к мольбе. Они представлены ДПГ *умоляю, молю, заклинаю* и являются эмоциональными разновидностями акта просьбы, при этом характеризуются большей степенью выраженности иллокутивной силы. В качестве синонимов ДПГ *прошу* акты мольбы, упрашивания и заклинания могут быть реализованы в ситуациях, когда между собеседниками

достаточно близкие отношения: *Дима, я **прошу** тебя, одумайся. Ты погубишь себя* [А. Дроботов. Русский ваххабит Соколов о теракте в Волгограде: «Получилось хорошо, но могло бы и лучше» // Комсомольская правда, 2013.11.16].

Употребление в одном предложении полных или частичных синонимов направлено на интенсификацию действия, выражаемого ДПГ: *Я вас очень **прошу, умоляю** отменить смертную казнь, которую я натворил бесчинством к этим людям* [М. Фалалеев. Почему Россия должна выплатить террористам полмиллиона евро? // Комсомольская правда, 2004.08.04]; ***Умоляю, прошу**, на колени становлюсь, пожалуйста, я надеюсь на вас что вы сохраните мне жизнь»* [М. Фалалеев. Почему Россия должна выплатить террористам полмиллиона евро? // Комсомольская правда, 2004.08.04].

В целом же эти акты являются эмоционально насыщенными, поэтому высказывание может включать несколько однотипных перформативов. Например, адресант настоятельной просьбой пытается как можно лучше достичь своей цели, не допуская отказа: *Я обращаюсь к выпускникам ПТУ (наверное, оно уже по-другому называется): сыночки, дорогие, **прошу, заклинаю**, не бросайте нашу солдатскую могилку, кто же, кроме вас, теперь о ней позаботится?!* [А. Рыбакова. Вставай, отец, пора домой // Труд-7, 2007.01.30].

Рассмотрим ДПГ *предупреждать*, относящийся к лексико-семантической группе «совет», ядром которой является перформативный глагол *советовать*, периферией – глаголы *рекомендовать, предлагать, призывать, предупреждать, предостерегать, уведомлять*. Отметим, функциональные синонимы ДПГ *советую (рекомендую, предлагаю, предостерегаю, предупреждаю)* в значении совета в речи встречаются реже.

Основой для реализации перформативного акта предупреждения служит знание говорящего о предстоящем событии, которое может произойти в жизни адресата, поэтому целью его является намерение проинформировать собеседника о таком событии (ср. словарную дефиницию: *предупреждать* – заранее ставить кого-либо в известность, уведомлять о чем-либо). ДПГ *предупреждаю* в речи может принимать различные типы значений, соответственно и различные интенции, в частности:

– сообщения: *Я сразу **предупреждаю**, что далее не последует истории про то, как шла я по коридору и встретила Валерия Золотухина* [В. Львова. «Я приду и тебя обойму» // Комсомольская правда, 2013.03.31];

– просьбы: *«Я еще раз **предупреждаю**, прекратите практику перевода сотрудников из регионов, где работали», – заявил*

в пятницу министр [И. Петров. Московскую полицию ждет инспекция после скандала в Бирюлеве // РБК Дейли, 2014.01.28];

– обещания: *Но **предупреждаю**, если справишься, будешь работать и дальше* [А. Гамов. Юнус-Бек Евкуров: «Кто первым руку поднимет, тот и станет вице-премьером» // Комсомольская правда, 2012.11.29];

– угрозы: *Как модератор я вас **предупреждаю**, что в следующий раз за подобные высказывания получите бан* [О. Туханина. С пятницей, господа // Комсомольская правда, 2013.07.05].

Директив *просить* при определенных условиях общения (например, недоверчивое, враждебное отношение к слушателю со стороны говорящего) может выполнять функцию приказа, например: *Естественно, тренера, поэтому **прошу** не вмешиваться в тренировочный процесс* [Э. Сержан. «Черчесов не собирался в «Динамо», а Карпина уволили на эмоциях» // Известия, 2014.03.27].

Также следует отметить дополнительные стилевые оттенки (официальности, категоричности) формулы «Я прошу + императив»: *Ворошилов К. Е.: – Кто за это предложение, тех **прошу** поднять руку. **Прошу** опустить. Кто против?* [КП. Крым в 1954-м передал Украине за... 47 минут // Комсомольская правда, 2014.04.16]; ***Прошу** МИД продумать формат консультаций. На совещании также обсудили реакцию российских производителей в случае блокировки поставок товаров из Украины* [Е. Созаев-Гурьев. Президент дал Киеву время подумать // Известия, 2014.04.09]; *Я **прошу** суд дать оценку по делу Михаила Башаратьяна, – рассказал «Известиям» адвокат Карен Нерсисян* [А. Гридасов. Замдекана МГУ Башаратьян жалуется на семейный сговор силовиков // Известия, 2014.04.02].

Таким образом, анализ лексических (идеографических, семантических) и контекстуальных синонимов в группе ДПГ позволил выявить, что в директивном перформативном акте возникает потребность родовой дифференциации иллюкутивного акта или его прагматического варианта в пределах вида, то есть индивидуализации речевого события путем выбора синонима из ряда возможных для конкретизации речевой ситуации. Поскольку контекстуальная синонимия как явление относится не к системе языка, а к речи, анализ данного типа значений имеет особое значение при рассмотрении текстов разных стилей, в частности газетного подкорпуса. Дополнительные наслоения в значениях ДПГ обусловлены интенцией автора и спецификой медиасообщения. Выяснение дополнительных коннотативных смыслов синонимических образований, природы и функций синонимов как завершенной целостной системы остаются

перспективными объектами научного изучения в когнитивном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре / Ю. Д. Апресян // Известия АН СССР. – Серия лит. и яз. – Т. 45. – № 3. – 1986. – С. 208–222.
2. Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре // Интегральное описание языка и системная лексикография : избранные труды / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2. – 767 с.
3. Бирюлин Л. А. Семантика и прагматика русского императива / Л. А. Бирюлин. – Helsinki : Slavica Helsingiensia, 1994. – 229 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/446c.html> (дата обращения: 23.04.2019).
5. Никитина Е. В. Семантические и прагматические характеристики лексической синонимии в газетном дискурсе : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Е. В. Никитина. – Москва, 2010. – 22 с.
6. Почепцов Г. Г. (мл.) Анализ перформативных высказываний / Г. Г. Почепцов (мл.) // Филологические науки. – 1982. – № 6. – С. 63–66.
7. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля – К., 2006. – 716 с.
8. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – С. 170–194.
9. Серль Дж. Р. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Р. Серль, Д. Вандервекен; пер. с англ. А. Л. Блинова // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 18 – С. 242–264.
10. Lyons J. Semantics / John Lyons. – Cambridge : University Press, 1977. – Vol. 2 (XIV). – P. 374–377.

АННОТАЦИЯ

Соловцова Е. В. Семантико-стилистические особенности контекстуальных синонимов директивных перформативных глаголов

В статье рассмотрена языковая и речевая синонимия директивных перформативных глаголов. Проанализированы

семантико-стилистические особенности контекстуальных синонимов директивных перформативных глаголов с учетом прагматического компонента содержательной структуры анализируемых языковых единиц. Сделан вывод о том, что дополнительные наслоения в значениях директивных перформативов обусловлены интенцией автора и спецификой медиасообщения.

Ключевые слова: перформативные глаголы, синонимы, языковая синонимия, речевая синонимия, газетный дискурс.

SUMMARY

Solovtsova E. V. Semantic and stylistic features of contextual synonyms of directive performative verbs

The article deals with the linguistic and speech synonymy of directive performative verbs. The purpose of this study is to highlight the synonymy of directive performatives, identifying the semantic and stylistic features of contextual synonyms of directive performative verbs with regard to their pragmatic aspect in the context of a newspaper discourse. The conclusion is made that the correlation of the directive performative verbs with synonymy is due to the author's intention and particular context of the media text.

Key words: performative verbs, synonyms, linguistic synonymy, speech synonymy, newspaper discourse.

Л. Е. Солопова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811.112.2:81'36(045)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ГОВОРЕНИЯ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ КАК ВТОРОМ ИНОСТРАННОМ У СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ

Тенденции в области современного образования обуславливают актуальность исследования проблемы формирования коммуникативной компетентности студентов в образовательном процессе. В соответствии с изменениями в социально-экономической сфере в приоритете образования стоят творческая инициатива, свободное развитие личности и самостоятельность обучающихся. От современного студента требуется умение логически рассуждать, оценивать и сравнивать полученную информацию, объективно интерпретировать ее, опираясь на сложившиеся представления и понятия, а также

аргументировать свою точку зрения. Все это ведет к общению, сотрудничеству, пониманию себя и окружающих, что, безусловно, является ценнейшими качествами специалиста в современной культурно-общественной жизни.

На практике новые образовательные подходы слабо отражаются коммуникативным образованием, т.к. часто имеет место опора коммуникативной подготовки на передачу формальных знаний, а не на формирование практических умений их применения на практике. Кроме этого, в процессе обучения над продуктивными превалируют репродуктивные виды деятельности. Поэтому в нашем исследовании мы рассматриваем коммуникативную компетентность студентов-переводчиков, в частности, формирование грамматических навыков говорения на немецком языке как втором иностранном.

Своеобразие овладения вторым иностранным языком (ИЯ2) заключается в фактическом взаимовлиянии трех контактирующих языков в структуре языковой личности студента, использовании им учебного и лингвистического опыта по овладению родным языком (РЯ) и первым иностранным языком (ИЯ1). Межъязыковая интеракция является предметом рассмотрения многих ученых (Н.В. Барышников, И. Л. Бим, В. Г. Гак, Н. Д. Гальскова, Б. А. Лапидус, А. С. Маркосян, А. В. Щепилова и др.) и заключается в транспозиции из лингвистического и учебного опыта в РЯ и ИЯ1 умений и навыков в коммуникативную компетенцию ИЯ2. Из-за своеобразия процесса овладения ИЯ2 вытекает и особенность методики обучения ИЯ2.

Б. А. Лапидус считает, что характерной чертой процесса овладения ИЯ2 с точки зрения процессов осмысления является его возможность проходить в благоприятных условиях в рамках этого процесса. Студенты вузов, изучающие ИЯ2, владеют не только языковым опытом, но и объединяющим практическое мышление и теоретические знания опытом двуязычия, поэтому эти факторы вместе облегчают и ускоряют осмысление. В свою очередь, сокращаются путь к овладению значением, закономерностями функционирования элементов в ИЯ2 и процессы запоминания и формирования навыков [5, с. 36-37].

Необходимо отметить, что на процесс овладения ИЯ2 также переносятся и приемы овладения ИЯ1. Такой перенос может быть охарактеризован как движение студента внутри психологического пространства на единой для нескольких языков когнитивной базе. Последняя включает в себя взаимодействие самых разнообразных факторов, детерминирующих овладение

ИЯ в конкретной индивидуально-психологической, предметной и социальной ситуации [6, с. 153].

Особенности овладения ИЯ2 находят отражение в методических принципах организации учебного процесса. Изучение и анализ научной литературы свидетельствуют о том, что проблема определения принципов обучения ИЯ2 еще окончательно не решена. В ряде публикаций по заявленной проблеме (Н. В. Барышников, И. Л. Бим, А. С. Маркосян, А. В. Щепилова и др.) предпринята попытка выявить наиболее значимые принципы обучения ИЯ2 с учетом лингвистических, психологических и психолингвистических закономерностей процесса овладения ИЯ2.

На основе выделенных исследователями принципов, можно сделать вывод, что при наличии разных взглядов относительно их количества и названий, в основе каждого авторского комплекса принципов есть понимание языка как инструмента общения и познания, что характеризует учебный процесс по ИЯ2 как коммуникативно-когнитивный с учетом в нем лингвистического и учебного опыта обучающихся.

Среди общих принципов, характерных для изучения любых языков, и специальных принципов, подходящих для конкретной методической ситуации, представленных в концепциях Н. В. Барышникова, И. Л. Бим, А. В. Щепиловой и др., мы остановимся в нашей статье на коммуникативно-когнитивном принципе как наиболее эффективном при формировании грамматических навыков говорения немецкого языка как ИЯ2.

Рассматривая принцип коммуникативно-когнитивной направленности обучения как синтез коммуникативного и когнитивного элементов при обучении ИЯ2 в исследованиях Н. В. Барышникова, И. Л. Бим, А. В. Щепиловой и др., следует подчеркнуть особую важность грамматики в формировании коммуникативной компетенции, равно как и в определении методов обучения. Действительно, коммуникативная цель обучения грамматике предполагает практическую направленность процесса обучения с активной работой сознания. Грамматические навыки формируются в зависимости от условий обучения, грамматического явления, речевого задания и характера студенческой аудитории в соответствующих речевых условиях при равноценном использовании дедукции и индукции.

В любом ИЯ заложены когнитивное начало – в умении строить грамотно и корректно семантические фразы, а также коммуникативное – в умении применять полученные знания и навыки в общении. В.Г. Гак подчеркивает тесную связь когнитивного

развития студентов в процессе овладения ИЯ с развитием коммуникативных умений при работе над разными аспектами языка, в том числе при усвоении грамматики [3, с. 86-87].

Обучение грамматическому аспекту ИЯ2 предполагает формирование адекватных представлений о грамматической структуре нового языка в сравнении с известными из ИЯ1 с опорой на индивидуальные лингвистические и металингвистические воззрения обучающихся.

Опираясь на методику коммуникативно-когнитивного обучения грамматике ИЯ2, подробно представленную А. В. Щепиловой [7], целесообразно выделить три этапа формирования грамматических навыков: концептуализации (когнитивный этап), интериоризации и этап тренировки, формирования навыков. На когнитивном этапе имеют место презентация грамматического явления, целенаправленное наблюдение за его функционированием, самостоятельные выводы студентов о знаниях коммуникативной функции и правил образования грамматического явления.

Исходя из нашей практики, мы можем отметить, что студенты-переводчики, имея представление о грамматической системе английского языка как первого иностранного, быстрее и успешнее проходят ознакомление и закрепление явлений грамматики сходного с ИЯ1 немецкого языка.

А. В. Щепилова подчеркивает, что при введении нового грамматического явления предпочтителен индуктивный метод, поскольку извне полученные декларативные знания требуют большей активации в рецептивных и, далее в продуктивных упражнениях. Индукция при ознакомлении с грамматическим материалом на этапе концептуализации формирует у студентов персональные интериоризированные представления об изучаемых явлениях. Так, при изучении ИЯ2 этап концептуализации сокращается по сравнению с ИЯ1, потому что когнитивный потенциал обучающихся уже позволяет им после дифференциаций выработку комбинаторной системы познавательных акций использовать на практике правило как вербальную инструкцию [7, с. 15].

По нашим наблюдениям, при изучении немецкого языка как второго иностранного студенты-переводчики с более развитым концептуальным аппаратом быстрее могут объяснить структурную организацию грамматического явления ИЯ2, применить правило на практике и усвоить его.

При формировании грамматических навыков говорения на ИЯ2, по нашему мнению, нужно уже на когнитивном этапе закреплять выводы студентов о грамматических особенностях

ИЯ2, интуитивно сделанные на основе умозаключений, выводами, сделанными после ознакомления с грамматическими правилами.

Что касается этапа интериоризации, А. В. Щепилова [7, с. 39], видит его особенность в выработке алгоритма речевого действия, когда студенты могут первично применить грамматическое явление ИЯ2 в речи. Наконец, завершающий этап коммуникативно-когнитивной методики формирования грамматических навыков ИЯ2 фокусируется на тренировке в употреблении грамматических единиц. В процессе выполнения упражнений, комбинируя коммуникативные стратегии, у студентов формируется грамматический навык ИЯ2.

Таким образом, объединение когнитивной и коммуникативной деятельности при работе над грамматическим аспектом немецкого языка как второго иностранного позволяет студентам-переводчикам корректно выбрать заданные языковые единицы, оптимизировать усвоение и закрепление грамматического материала, рационально организовать коммуникацию, осуществлять самоконтроль и рефлекссию в учебном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барышников Н. В. Методика обучения второму иностранному языку в школе / Н. В. Барышников. – М. : Просвещение, 2003. – 159 с. – (библиотечка учителя).
2. Бим И. Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского) : учеб. пособие / И. Л. Бим. – Обнинск : Титул, 2001. – 48 с.
3. Гак В. Г. Межъязыковые сопоставления и преподавание иностранного языка / В. Г. Гак // Иностранные языки в школе. – 1979. – № 3. – С. 3–11.
4. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам : пособ. для учителя / Н. Д. Гальскова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : АРКТИ, 2004. – 192 с.
5. Лапидус Б. А. Обучение второму иностранному языку как специальности: учеб. пособие / Б. А. Лапидус. – М. : Высш. шк., 1980. – 173 с.
6. Маркосян А. С. Очерки теории овладения вторым языком / А. С. Маркосян. – М. : УМК «Психология», 2004. – 384 с.
7. Щепилова А. В. Коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому языку как второму иностранному : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата пед. наук : спец. 13.00.02 «Теория и методика обучения иностранным языкам» / А. В. Щепилова. – М., 2003. – 55 с.

АННОТАЦИЯ

Солопова Л. Е. Особенности формирования грамматических навыков говорения на немецком языке как втором иностранном у студентов-переводчиков

Статья посвящена особенностям формирования грамматических навыков говорения на немецком языке как втором иностранном. Автор рассматривает синтез коммуникативной цели обучения грамматическому аспекту и практической направленности учебного процесса с опорой на сознание.

Ключевые слова: первый иностранный язык, второй иностранный язык, обучение второму иностранному языку, межъязыковая интеракция, грамматические навыки говорения, коммуникативно-когнитивная направленность обучения, инструмент коммуникации и познания.

SUMMARY

Solopova L. E. Features of forming grammatical skills of speaking German as a second foreign language of students-translators

The article is devoted to the peculiarities of the formation of grammatical skills of speaking German as a second foreign language. The author considers the synthesis of the communicative purpose of teaching the grammatical aspect and the practical orientation of the educational process based on consciousness.

Key words: first foreign language, second foreign language, teaching a second foreign language, cross-language interaction, grammar skills of speaking, the communicative and cognitive oriented learning, a tool of communication and knowledge.

*Л. М. Чистик, Н. В. Левшина
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 81'373.42:811.111

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ
ИЗМЕНЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ
ОБЪЕКТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Одним из главных направлений современного языкознания является разработка вопросов, связанных с систематизацией лексики и установлением необходимых принципов ее моделирования. Как свидетельствуют работы ряда лингвистов [1], необходимым этапом для изучения лексического состава языка, особенностей его системной организации и закономерностей,

согласно которым он функционирует в языковой системе, являются исследования разных лексико-семантических парадигм – синонимических рядов, лексико-семантических групп (ЛСГ), лексико-семантических полей (ЛСП) и т.д.

Данная статья посвящена изучению особенностей системной организации лексико-семантических групп (ЛСГ) глаголов изменения функционального состояния в английском языке. Материалом для исследования послужили лексико-семантические группы глаголов со значением «открывать» в произведениях О. Уайльда и А. Кристи.

Глагол – самая сложная по семантике часть речи. Именно поэтому изучение содержательной стороны глагола было предметом серьезного внимания многих лингвистов [2]. Последние годы глагольная лексика исследовалась прежде всего с позиций системно-семасиологических, при этом предметом рассмотрения были группы слов разных типов: антонимические парадигмы, синонимические ряды, лексико-семантические группы, функционально-семантические поля. Сейчас внеочередным является вопрос характера учета парадигматических и синтагматических аспектов, взаимодействия глагольных лексико-семантических групп, их функционирования в контексте предложения и в текстах разных стилей.

«Открытие» – «закрытие» – один из видов человеческой деятельности. Первые явления такого рода были обусловлены силами природы; с тех пор они встречаются на каждом шагу, как в жизнедеятельности человека, так и в мире растений и животных. В этой группе слов отражается не только один из самых важных видов деятельности живых существ, но и история развития материальной культуры. Анализируя семантику русских глаголов, Ю. Д. Апресян указал на наличие значения «открытия» у глаголов открывать, отмыкать и значения «закрывания» у глаголов закрывать, замыкать, задвигать, но специально семантика данных глаголов не исследовалась [3, с. 150, 202, 209]. Не изучались данные глаголы и в английском языке.

О. М. Соколов выделил два элемента, которые являются семантической основой характеристики глагольного слова: 1) направленность действия на достижение результата и 2) характер протекания действия [4, с. 91]. Эти признаки лежат в основе выделения разных лексико-семантических групп конкретной семантики.

У глаголов изменения функционального состояния объекта на первый план выдвигается значение направленности действия на результат, то есть цель действия. Целью конкретных физических действий, обозначенных глаголами, конечно, есть изменение тех

или иных характеристик положения в пространстве, внешнего вида, формы и т. д. По этим результатам глаголы объединяются в лексико-семантические группы объединения, разъединения, нарушения целостности, деформации поверхности объекта и т.д.

Таким образом, проблематике глаголов с разнообразными значениями посвящен ряд лингвистических работ. Но глаголы изменения функционального состояния в английском языке не были предметом рассмотрения.

В данной статье основное внимание обращается на анализ лексико-семантических групп глаголов со значением «открывать» на материале произведения А. Кристи. Эти группы являются лексико-семантическими, поскольку они объединены не только общими значениями, но и относятся к одной и той же части речи. Всего выборка составляет 238 единиц, 133 глагола со значением «открывать» и 105 глаголов со значением «закрывать» включительно.

Что касается статистического анализа глаголов со значением изменения функционального состояния в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», то нами были выявлены всего 125 глаголов, 78 из них – со значением «открывать», 47 – «закрывать». Таким образом, статистика демонстрирует преобладание глаголов со значением «открывать» над глаголами со значением «закрывать» у данного автора.

Совсем иначе выглядит набор глаголов, которые обозначают функциональные изменения, со значением «открывать» и «закрывать» в детективных романах и рассказах Агаты Кристи. Проанализировав 2 детективных рассказа («Случай с богатой дамой», «Появление мистера Квина») и детективный роман «Десять негрятят», мы выявили всего 113 глаголов со значением «открывать» и «закрывать», из них 55 – со значением «открывать», а 58 – «закрывать». Таким образом, количество глаголов в этих антонимических группах приблизительно одинаково.

Основным ядерным глаголом со значением «открывать» можно считать глагол *open*, который употребляется 26 раз в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», и составляет 10,9% от общей выборки, а в произведениях А. Кристи этот глагол встречается в 38 случаях и составляет 16%.

Что касается романа О. Уайльда, то этот глагол употребляется в разных значениях как транзитивный глагол:

1. *Open – to make open: Dorian half opened the door. Дориан открыл дверь наполовину* [5, с. 287].

2. *Open – to unfold: He sighed, and, having poured himself out some tea, opened Lord Henry's note. Он вздохнул и, налив себе немного чая, открыл записку лорда Генри* [6, с. 233].

3. *Open- to begin, start (something) esp. functioning on a regular basis: “My dear fellow, she tried to found a salon, and only succeeded in opening a restaurant...”* Мой дорогой друг, она попыталась основать салон, а удалось ей только открыть ресторан... [7, с. 87].

4. Глагол *open* может быть также частью фразового устойчивого словосочетания: **open one’s lips – to start talking** (начать разговор, открыть рот): *You never open your lips while you are painting, and it is horribly dull standing on a platform and trying to look pleasant.* Ты никогда не открываешь рта, когда рисуешь, и мне страшно скучно стоять на площадке, стараясь приятно выглядеть [8, с. 97].

В пяти случаях глагол *open* проявляет себя как интранзитивный глагол со значением **“to become open”** (открыться): *At last he heard a step outside, and the door opened.* Наконец, он услышал шаги снаружи, и двери открылись [9, с. 200].

В произведениях А. Кристи глагол *open* употребляется как транзитивный, так и интранзитивный. Рассмотрим значение глагола *open* со значением транзитивности.

1. Глагол *open* в двенадцати случаях обозначает **“to make open”** (открывать). Глагол сочетается в основном с существительными, обозначающими действующих героев произведений: *After he’d killed her, he opened the window and threw out the syringe and picked up the china figure from the table and followed on with that.* После того, как он убил ее, он открыл окно и выкинул шприц, взяв китайскую статуэтку со стола, и с этим удалился [10, с. 256].

2. Оно обозначает **“to unfold”** (открывать, разворачивать), объединяясь в этом значении с существительными, обозначающими живых существ: *He doesn’t open his letters, but you mention yourself that he opened the paper to glance at the news.* Он не открывает письма, но вы утверждаете, что он открыл газету, чтобы пересмотреть новости [11, с. 303].

3. В пяти случаях глагол *open* обозначает **“to uncork the bottle, the tin etc.”** (открыть бутылку, банку и т.д.): *They had opened a tin of tongue and two tins of fruit.* Они открыли банку с языком и две банки фруктов [12, с. 258].

4. Третьи данный глагол сочетается с существительными, которые обозначают части тела **mouth, eyes (рот, глаза)**, и имеет значение **“to make open”** (открывать): *She opened her eyes and raised her head.* Она открыла глаза и подняла голову [13, с. 260].

5. Глагол *open* является также частью фразеологического оборота **“to open one’s mouth all right”** (открыть карман шире): *“You can open your mouth all right, can’t you?” said Mrs/ Rymer appreciatively.* “А вы можете открыть карман шире, не так ли?” – сказала М-с Раймер, размышляя” [14, с. 307].

Как транзитивный глагол **open** имеет следующие значения в рассмотренных произведениях А. Кристи:

1. Глагол **open** в восьми случаях обозначает “**to become open**” (открываться) и сочетается с существительными, которые обозначают сооружения (здания, дома, части помещений, проемы, щели и т. д.) и предметы домашнего обихода (мебель, посуда и т.д.): *Before anyone could speak, the door opened and Rogers came in. Перед тем, как кто-то смог заговорить, дверь открылась и Роджерс вошел* [15, с. 203].

2. Четыре раза этот глагол сочетается с существительными, которые обозначают человека или животное (части тела и органы), например, **eyes** – глаза: *When her eyes opened, it seemed to her that a long time had passed. Когда она открыла глаза, ей показалось, что прошло много времени* [16, с. 309].

Таким образом, если глагол **open** транзитивный, то он содержит в значении сему определенного живого объекта. В другом случае он содержит в значении сему определенного неживого объекта.

Вторым по частотности употребления в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» является транзитивный глагол **reveal**, который употребляется в романе 15 раз, что составляет 6,3 %. Он имеет почти во всех случаях одно и то же значение “**to make known, manifest**” (открывать, делать известным, оповещать): *“He has not yet revealed his real name. I think it is quite romantic of him...” “Он еще не открыл мне свое настоящее имя. Я думаю, это очень романтично с его стороны”... [17, с. 154].*

В трех случаях глагол **reveal** употребляется в значении “**to divulge (a secret)**” (открывать, разглашать): *Alan Campbell had shot himself one night in his laboratory, but had not revealed the secret that he had been forced to know. Алан Кэмпбелл застрелился однажды вечером в лаборатории, но не открыл секрет, который был вынужден знать [18, с. 343].*

В произведениях А. Кристи глагол **discover** занимает вторую по частотности позицию и имеет значение “**find out**” (открывать, узнавать о чем-то ранее неизвестном) и принадлежит к глаголам психической деятельности: *As I had anticipated, a search was made of the island and it was discovered that there was no one on it but our seven selves. Как я предупреждал, был сделан обыск острова, и было открыто, что там не было никого, кроме нас семи [19, с. 309].*

Следует отметить, что вопросам классификации глаголов психической деятельности в русском языке посвящены работы Л. М. Васильева. Он обращал внимание на глаголы, которые обозначают изменения функционального состояния. Примером может служить глагол открывать в значении «замечать что-то

ранее скрытое, незаметное». Он рассматривается как глагол с общим значением восприятия. В изученном нами романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» употребляются разные глаголы с этим значением.

Так, глагол *discover* в этом значении употребляется 14 раз, что составляет 6% от общего объема выборки. Пять раз встречается фразовый глагол *find out*, что составляет 2%.

Существуют случаи единственного употребления глагола в упомянутом выше значении на протяжении всего романа. Речь идет о глаголах: **learn, represent, wrest**.

Л. М. Васильев классифицирует глагол «открывать» в значении «узнавать до конца, добиваясь определенного результата» как глагол знания [20, с. 42].

В романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» в этом значении употребляется глагол *realize* всего в трех случаях.

Интересным фактом является практически полное отсутствие глаголов с упомянутыми выше значениями в изученных нами рассказах Агаты Кристи. Это, возможно, связано с особым жанром рассказов. В произведениях детективного жанра чаще употребляется глагол «открыть» в прямом значении.

В то время, как в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», который лишен жанровой определенности и характеризуется как роман-аллегория или роман-миф, автор часто прибегает к аллегорическому языку, что требует употребления слов в переносных значениях, в том числе и глаголов, которые были рассмотрены выше.

Таким образом, в исследованном нами романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» глаголы психической деятельности, то есть глаголы с общим значением восприятия и глаголы знания, со значением «открывать» составляют 9,2% от общего объема выборки. В романе О. Уайльда глагол **discover** является третьим по частотности употребления и встречается в романе 14 раз, что составляет 6%. В 10 случаях глагол *discover* имеет значение **“to find out”** (открывать, выяснять): *Nowadays most people die of a sort of creeping common sense, and discover when it is too late that the only things one never regrets are one's mistakes. Сегодня большинство людей умирают от здравого смысла и открывают для себя слишком поздно, что никто никогда не жалеет только об ошибках* [21, с. 127].

Другим значением, в котором употребляется данный глагол четыре раза, является **“to find by exploration”** (открывать, находить путем исследования):

*“When America was **discovered**,” said the Radical member and he began to give some wearisome facts... “I wish to goodness it never*

had been discovered at all!” “Когда открыли Америку,” сказал радикал и начал излагать кое-какие нудные факты... “Жаль, что Америку открыли вообще” [22, с. 124].

Следует отметить, что оба значения: “to find out” (выяснять) “to find by exploration” (найти с помощью исследования) имеют общую сему «замечать что-нибудь ранее скрытое, незаметное». Таким образом, глагол **discover** в обоих своих значениях является глаголом психической деятельности и, кроме того, глаголом с общим значением восприятия согласно классификации Л. М. Васильева [23, с. 27].

Следующим по частотности является глагол **find out**, который встречается пять раз во всем романе в значении “to learn, to discover” (узнать, открыть) и также содержит в себе сему «замечать что-нибудь ранее скрытое, незаметное», а поэтому глагол **find out** тоже является глаголом психической деятельности с общим значением восприятия.

Глагол **show** употребляется в романе три раза в значении “to cause to be seen” (открыть, выставить напоказ): *The reason I will not exhibit this picture is that I am afraid that I have shown in it the secret of my own soul. Я не выставляю свою картину по той причине, что я боюсь, я открыл в ней секрет своей собственной души* [24, с. 84].

В исследованном нами романе трижды встретился глагол **unlock** в значении “to open (the lock of something)” (открыть замок): He unlocked a secret press that was in the wainscoting, a press in which he kept his own curious disguises, and put them into it. Он открыл секретный шкаф в обшивке стены, в котором он сберегал свою собственную одежду для маскировки, и положил их туда [25, с. 270].

Дважды в романе употребляется глагол **invent** в значении “to think up” (открывать, выдумывать): We in our madness have separated the two, and have invented a realism that is vulgar, an ideality that is void. Мы в своем безумии разделили двоих и открыли вульгарный реализм, напрасную идеальность [26, с. 90].

Что касается группы глаголов: exhibit, come over, devote, lift, learn, represent, rise, unhook, wrest, то каждый глагол этой группы встречается во всем романе в значении «открывать» всего лишь по одному разу.

Что касается нечастого употребления других глаголов со значением изменения функционального состояния объекта в произведениях А. Кристи, то нам встречаются, например, три случая употребления словосочетания **fling open** в значении “to move violently to make open” (сделать резкое движение, чтобы

развернуть): With a swift gesture, he caught the handle and flung the door open. Быстрым движением он схватился за ручку двери и открыл их [27, с. 258].

Все остальные глаголы в значении «открывать» встречаются в произведениях всего по одному разу. Все эти глаголы содержат в значении сему живого субъекта, за исключением глагола reveal.

В произведениях О. Уайльда достаточно часто встречаются глаголы психической деятельности, но в детективных произведениях А. Кристи они практически отсутствуют. Причиной являются стилистические особенности произведений, то есть жанры произведений. О. Уайльд был основателем эстетики, и его стиль произведений требует употребления глаголов в переносном значении, поскольку его произведения содержат много разнообразных стилистических фигур. Особенность детективных произведений А. Кристи – таинственный сюжет, но в ее произведениях нет разнообразия стилистических фигур, поэтому большая часть глаголов встречается в прямых значениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. (Синонимические средства языка). – М., 1995; Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола. – Уфа, 1971; Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика: Учебн. пособие для вузов. – М., 1990; Гайсина Р. М. Значение и синтагматика глаголов (на материале глаголов отношения). – Уфа, 1980; Кретов А. А. Организация лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия в индоевропейских языках // семантические категории сопоставительного изучения русского языка. – Воронеж, 1981; Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. – М., 1982.
2. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М., 1967; Загнитко А. П. Глагольные категории в синтагматике и парадигматике. – К., 1990; Загнитко А. П. Структура и иерархия валентных значений глагола. – К., 1990; Бондарко А. В. Принципы функциоанльной грамматики и вопросы аспектологии. – Л., 1983.
3. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М., 1967. – С. 150, 202; Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. (Синонимические средства языка). М., 1995. – С. 209.
4. Соколов О. М. К семантической характеристике глагольного слова // Материала межвузовской конференции,

- посвященной 50-летию образования СССР. – Томск, 1972. – С. 91.
5. O. Wilde. The picture of Dorian Grey // Selections. Vol. 1. – М., 1979. – P. 287.
 6. O. Wilde. – P.233.
 7. O. Wilde. – P.87.
 8. O. Wilde. – P.97.
 9. O. Wilde. – P.200.
 10. A. Christie Ten Little Niggers // Christie A. Selected detective stories. – М., 1989. – P. 256.
 11. A. Christie The coming of Mr. Quin // Christie A. Selected detective stories. – М., 1989. – P. 303.
 12. A. Christie Ten Little Niggers // Christie A. Selected detective stories. – М., 1989. – P. 258.
 13. A. Christie Ten Little Niggers // Christie A. Selected detective stories. – М., 1989. – P. 260.
 14. Christie The case of the rich woman // Christie A. Selected detective stories. – М., 1989. – P. 307.
 15. A. Christie Ten Little Niggers // Christie A. Selected detective stories. – М., 1989. – P. 203.
 16. A. Christie Ten Little Niggers // Christie A. Selected detective stories. – М., 1989. – P. 309.
 17. O. Wilde. The picture of Dorian Grey // Selections. Vol. 1. – М., 1979. – P. 154.
 18. O. Wilde. The picture of Dorian Grey // Selections. Vol. 1. – М., 1979. – P. 343.
 19. A. Christie Ten Little Niggers // Christie A. Selected detective stories. – М., 1989. – P. 309.
 20. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. – М., 1981. – С. 42
 21. O. Wilde. The picture of Dorian Grey // Selections. Vol. 1. – М., 1979. – P. 127.
 22. O. Wilde. The picture of Dorian Grey // Selections. Vol. 1. – М., 1979. – P. 124.
 23. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. – М., 1981. – С. 23
 24. O. Wilde. The picture of Dorian Grey // Selections. Vol. 1. – М., 1979. – P. 84.
 25. O. Wilde. The picture of Dorian Grey // Selections. Vol. 1. – М., 1979. – P. 270.
 26. O. Wilde. The picture of Dorian Grey // Selections. Vol. 1. – М., 1979. – P. 90.
 27. A. Christie Ten Little Niggers // Christie A. Selected detective stories. – М., 1989. – P. 258.

АННОТАЦИЯ

Чистик Л. М., Левшина Н. В. Семантические особенности глаголов изменения функционального состояния объекта в английском языке

Данная работа содержит семантический анализ глаголов изменения функционального состояния объекта (глаголы со значением «открывать») на материале произведений О. Уайльда и А. Кристи. В романе О. Уайльда достаточно часто встречаются глаголы психической деятельности, а в детективных произведениях А. Кристи они практически отсутствуют. Причиной являются стилистические особенности произведений, то есть их жанры.

Ключевые слова: ЛСГ (лексико-семантические группы), синонимические ряды, ЛСП (лексико-семантическое поле).

SUMMARY

Chistik L. M., Levshina N. V. The semantic peculiarities of the verbs denoting change of functional state of the object in English

The given work contains the analysis of the verbs denoting the change of the functional state of the object in English in literal works by O. Wilde and A. Christie. We can often trace the verbs of mental activity in the literal works written by O. Wilde but in the detective stories and novels by A. Christie they are very rare. The reason for it is the stylistic peculiarities of the literal works or their genres.

Key words: LSG (lexico-semantic groups), synonymic rows, LSF (lexico-semantic field).

*М. В. Яковенко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'373.2

К ВОПРОСУ О ЕСТЕСТВЕННОЙ И ИСКУССТВЕННОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

Рассматривая процессы трансонимизации, необходимо обратить внимание на естественную и искусственную ономастическую номинацию, поскольку «механизмы» образования собственных имен, складывающихся естественным путем и появляющихся в результате искусственных номинаций, различны.

Естественные ономастические номинации сближаются с речевыми апеллятивными номинациями. Названия того или иного объекта возникают в речи и закрепляются в языке в

результате многочисленных проб, изменений, преобразований. Как отмечает А. В. Суперанская, «сложившиеся естественным путем номинации закрепляются в языке, но возникают в речи, в отдельных речевых актах» [8, с. 237]. Называние осуществляется в процессе речевого общения. Основными слагаемыми номинативной установки ситуации речевого называния выступают потребность в вербальном обозначении денотата, ситуация коммуникации и необходимые для осуществления номинации операционные возможности – модели языкового обозначения. Речевая номинация может быть представлена как поиск наиболее точного слова. Называющий учитывает степень информированности адресата о свойствах называемого объекта и потому стремится выделить и представить в названии наиболее информативные из свойств, те, которые способствовали бы более точному определению объекта и предоставляли бы возможность идентификации реалии адресатом. Это объясняет характерное для естественной номинации «стремление создать мотивированное (обусловленное понятийным содержанием) название объекта» [2, с. 90]. Как указывает В. Г. Гак, «в языковом коллективе отбор признаков объекта носит общественный характер, он закрепляется установкой, приводящей к тому, что и в других случаях отбираются сходные признаки» [1, с. 78].

Узуализация номинативной единицы осуществляется при многократном внешнеречевом ее употреблении в результате апробирования стихийным народным опытом. Таким образом, характерными чертами естественной номинации являются обязательная апробация народным опытом и коллективность номинации. По словам М. В. Голомидовой, «естественная номинация представляет собой процессы стихийного выбора языковым коллективом оптимального варианта содержания и формы языковой единицы в ходе использования ее в актах речевой коммуникации» [3, с. 7].

При естественной трансонимизации оним, переходя в другой онимный ряд, может не менять своей формы. Появление формантов происходит при дальнейшем функционировании онима. Так, в Великобритании и США смысловоразличительную роль при одинаковых названиях города и реки играет определенный артикль ‘the’. Например, одна из рек России в бассейне Оки, которая ранее именовалась *Орел* (так в материалах Генерального межевания России по Орловской губернии XVIII – начала XIX веков, в писцовых книгах конца XVI века, где встречается и исконная форма *Орель*), после перехода названия реки на город (г. *Орел*) со временем приобрела деминутивную форму *Орлик*. Город *Елец* (Липецкая обл.) получил название от реки, которая

в старину называлась не *Ельчиком*, как в настоящее время, а так же, как и город – *Ельцом*. Деминутивную форму с помощью форманта - *к* название реки приобрело позже. Данные примеры не единичны. Ср. еще, в бассейне Оки *р. Кипетка* – с. *Кипеть*, *р. Бестань* – д. *Бестань*, *р. Добричка* – д. *Добрица*; в бассейне Северского Донца: *р. Бахмутка* (она же *Бахмут*) – г. *Бахмут*.

Расподобление гидронима и ойконимов может сопровождаться появлением в ойконимическом поле дифференцирующих определений. Появление двух, трех и более одинаковых наименований в ойконимном ряду вызывает необходимость их дифференциации. В подобных случаях разграничиваются не омонимичные названия гидрообъекта и населенного пункта, а возникшие на основе одного гидронима одноименные наименования деревень, сел, поселков. В словаре Миллза находим следующие примеры ойконимов: *Clyst Hydon* (Devon.) – поместье на реке *Clyst*, принадлежащее семье *Hidune*, более ранние формы ойконима *Clist* (1086; DB), *Clist Hydone* (1268); *Clyst St Lawrence* (Devon.) – поместье на реке *Clyst*, с добавлением определения, посвященного церкви, более ранние формы ойконима *Clist* (1086; DB), *Clist Sancti Laurencii* (1203); *Clyst St Mary* (Devon.) – идентичен по происхождению с предыдущим названием, более ранняя форма ойконима *Clist Sancte Marie* (1242); *Tavy Mary*, *Tavy Peter* (Devon.) – селения на реке *Tavy*, более ранние формы ойконимов *Tavi* (1086; DB), *Tavumarie* (1412), *Petri Tavy* (1270) [9, с. 123, 453]. Например, *р. Пелетьма* – н. п. *Казачья Пелетьма*, *Нагорная Пелетьма*, *р. Арчада* – н. п. *Казанская Арчада*, *Покровская Арчада* (Пензенская обл., Россия). Чаще всего одноименные топонимы различаются при помощи слов: большой – малый, старый – новый, верхний – нижний. К приведенным примыкают названия, включающие в свой состав слова, указывающие на географические приметы соответствующих поселений, а также отономастические прилагательные.

Все естественно возникшие имена собственные складывались постепенно, вместе с развитием ономастической системы. При естественной трансонимизации переход онима из одного разряда в другой регулируется законами языка и ономастическими закономерностями. Как указывает А. П. Корепанова, «образование каждого географического названия обусловлено двумя основными, тесно связанными между собой принципами: общественно-историческим и лингвистическим. Лингвистический принцип наименования действует под влиянием словообразовательной модели» [5, с. 54]. Возникновение словообразовательной модели зависит от времени, социально-исторических условий и строения родственных языков, дающих материал для данной

модели. Вначале в названии определяется семантическая соразмерность объекта, затем дается переоценка не только его семантической, но и формальной структуры и приспособления ее к действующей словообразовательной системе, то есть образование словообразовательной формальной модели, которая начинает действовать на данном речевом пространстве уже по аналогии. Следовательно, семантический аспект в образовании новых названий постепенно исчезает и остается формальный, когда название возникает по определенной словообразовательной модели, образуя словообразовательный тип. Так, современная топонимия Великобритании, сложившаяся под воздействием ряда языков и являющаяся результатом многовекового развития, представляет собой систему географических наименований, которая сформировалась из многочисленных и неоднородных компонентов. Например, топонимические форманты *-dale* (от др.-норв. *dair* 'долина'), *-ham*, *-ton* (от др.-англ. *hām*, *tūn* 'дом, жилище'), *-chester* (др. -англ. 'укрепление, город'), входящие в состав ойконимов, постепенно утратили свое первичное значение и являются неотъемлемой частью ойконимов. На территории России, Украины широкое распространение при образовании топонимов получил топонимический формант *-ка*, который вначале выражал уменьшительность, нес окраску уничижительности. Затем его функции формализовались, он стал лишь средством оформления топонимов. Если вначале название с аффиксом *-ка* давалось более мелкому объекту по отношению к более крупному, от названия которого образовывался оним, то позже образования топонимов с помощью данного топоформанта происходило по аналогии.

При естественной трансонимизации переход названия с одного объекта на другой обычно происходит в результате контактного переноса по смежности (т. е. с помощью метонимии). Естественно возникшие собственные имена могут образовываться как с помощью абсолютной трансонимизации, так и трансонимизации, осложненной онимообразующими формантами. Ср., *Sacramento* (гидроним) ® *Sacramento* (ойконим), *Niagara Falls* (гидроним) ® *Niagara Falls* (ойконим) (США); *Ottawa* (гидроним) ® *Ottawa* (ойконим) (Канада); *Lambourn* (гидроним) ® *Lambourn* (ойконим), *Usk* (гидроним) ® *Usk* (ойконим), *Thame* (гидроним) ® *Thame* (ойконим), *Annon* (гидроним) ® *Annon* (ойконим), *Ayr* (гидроним) ® *Ayr* (ойконим), *Irvine* (гидроним) ® *Irvine* (ойконим) (Великобритания), *р. Таруса* → *г. Таруса*, *р. Вязьма* → *г. Вязьма*, *р. Воронеж* → *г. Воронеж*, *р. Ивня* → *г. Ивня*, *р. Мезень* → *г. Мезень* (Россия), *р. Кременная* → *г. Кременная*, *р. Токмак* → *г. Токмак*, *гора Гребень* → *р. Гребень*, *гора Станигора* →

р. Станигора (Украина); р. Волга → г. Заволжск, р. Кума → г. Прикумск, р. Рыль → г. Рыльск, р. Тобол → г. Тобольск, р. Берда → г. Бердянск.

В отличие от естественной номинации искусственная номинация представляет собой единовременный акт наречения, исполнителем которого является конкретный номинатор, а адресатом – весь языковой коллектив. Как указывает М. В. Голомидова, «искусственная номинация – осознанный и целенаправленный акт, ориентированный на априорную узуализацию созданной номинативной единицы» [3, с. 8]. Узуализацией искусственно созданного имени является волевой акт, сопровождаемый, как правило, письменной фиксацией названия. Критерий проверки практикой, как при естественных номинациях, существует и для искусственно созданных названий, но, поскольку искусственно созданные имена обычно принадлежат специально культивируемым системам и закрепляются за определенными объектами юридически, изменения эти минимальны.

М. В. Голомидова выделяет следующие типичные номинативные ситуации, в которых осуществляется искусственная ономастическая номинация: наречение новорожденного; официальные переименования; официальное присвоение имени населенному пункту, внутригородскому объекту; присвоение имен творческим коллективам; присвоение имен транспортным средствам.

Искусственная номинация может протекать как в русле традиционных онимных процессов, присущих естественной номинации, так и в форме придумывания малотипичных и даже экстравагантных названий. В большинстве случаев при искусственной номинации используются словообразовательные модели естественной номинации. Например, форманты *-city, -town, -ton, -ville* можно встретить при образовании мемориальных топонимов США: *Jacksonville, Bentonville, Albertville, Alexander City, Charlestown, Edgartown*. В названиях сел и городов России и Украины, созданных в результате искусственной трансоимизации, используются те же форманты *-ово, -ск*, что и в естественно возникших топонимах: *Шевченково* (Харьковская обл.), *Тельманово* (Донецкая обл.), *Седово* (Донецкая обл.), *Лермонтово* (Пензенская обл.), городов *Ватутино* (Черкасская обл.), *Докучаевск* (Донецкая обл.), *Багратионовск* (Калининградская обл.).

Переход онима из одного разряда в другой при искусственной номинации может осуществляться и без онимообразующих

формантов. В качестве ойконимов могут выступать фамилии, имена: *Nelson, Telford* (Великобритания); *Lincoln, Jackson, Jefferson, Washington, Hamilton, Denver, Custer, Boone, Adin, Victor, Viola, Selma, Elena* (США); *г. Кропоткин* (Краснодарский край, Россия), *г. Чехов* (Московская обл., Россия), *г. Чаплыгин* (Липецкая обл., Россия), *г. Арсеньев* (Приморский край, Россия), *г. Чайковский* (Пермская обл., Россия), *пос. Лев Толстой* (Липецкая обл.), *с. Ермак* (Красноярский край, Россия), *г. Джамбул* (Казахстан). Большинство ойконимов, образованных в результате абсолютной искусственной трансонимизации, органично вписываются в топонимическую систему. Но встречаются и неординарные названия. Например, *пос. Ерофей Павлович* (название по имени русского землепроходца Е. П. Хабарова; Амурская обл., Россия); *Saybrook* (от имен известных английских пэров Lord Say и Lord Brooke), *Wilkesbarre* (от имени John Wilkes и полковника Barre) [6, с. 128].

С искусственной номинацией обычно связаны собственные имена, созданные в результате неконтактного переноса. При создании собственных имен с помощью искусственной трансонимизации немалую роль играют субъективные факторы: идеологические приоритеты общества, культурные традиции и веяния моды.

Классификация имен на естественно возникшие и искусственно созданные проходит через все категории онимной лексики. Степень мотивационной обусловленности (осознанности) при различных переходах онимов из одного класса в другой бывает разной. Если вновь возникшему селению дают название по реке, на которой оно стоит, или по имени первопоселенца, такой процесс номинации оказывается в известной степени предопределенным и естественным. Однако в нем есть и некоторый элемент сознательного присвоения названия, поскольку в различных речевых ситуациях, когда заходила речь о данных объектах, для его характеристики удобнее всего было обратиться к известному гидрообъекту или определенному лицу. Такие акты номинации обычно бывают неорганизованными, но они регулируются языковыми законами и ономастическими закономерностями. Значительно большая степень сознательности и организованности наблюдается при массовых переименованиях топообъектов, когда результаты фиксируются в справочниках, а сам акт переименования оформляется законодательным путем.

В разных классах онимов различно соотношение естественно сложившихся и искусственно возникших собственных имен в результате трансонимизации. В классе топонимов в основе перехода гидронимов в ойконимы, гидронимов в хоронимы,

оронимов в хоронимы лежит естественная трансонимизация. Топонимы от антропонимов могут образовываться как естественным, так и искусственным путем. Как правило, топонимы, появившиеся в результате искусственных номинаций, более поздние, носят мемориальный характер, часто используются при переименованиях. Переходы имен в патронимы, патронимов в фамилии связаны с естественной трансонимизацией, хотя элемент осознанности более выражен при их создании. Переходы антропонимов в наутонимы, топонимов в наутонимы, наутонимов в топонимы, антропонимов в эргонимы, топонимов в эргонимы, теонимов в астронимы, антропонимов в астронимы, топонимов в астронимы происходят с помощью искусственной трансонимизации. Названия кораблей, предприятий, планет появляются в результате единовременного акта наречения, закрепляются юридически, часто имеют конкретного номинатора.

Таким образом, в процессах трансонимизации, наряду с естественным переходом имени из одного разряда в другой, имеет место искусственная номинация. Естественно сложившиеся имена возникают стихийно и закрепляются в языке в результате речевой практики. Искусственно созданные названия являются результатом целенаправленного номинативного акта. Естественная и искусственная трансонимизация связаны общностью используемого языкового материала. Словообразовательные модели естественной номинации не отвергаются, а сохраняются искусственной. Вместе с тем искусственное название не избавлено от произвола номинатора. Соотношение естественно возникших и искусственно созданных имен различно в разных классах онимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке / В. Г. Гак // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976.
2. Голев Н. Д. Естественная номинация объектов природы собственными и нарицательными именами / Н. Д. Голев // Вопросы ономастики. Вып. 8 – 9. – Свердловск, 1974. – С. 4 – 14.
3. Голомидова М. В. Некоторые теоретические вопросы искусственной топонимической номинации / М. В. Голомидова // Номинация в ономастике. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 5 – 13.
4. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике: Монография / М. В. Голомидова. – Урал. гос. пед. ун-т, Екатеринбург, 1998. – 232 с.

5. Корепанова А. П. Принцип номінації в структурно-лінгвістичному аспекті / А. П. Корепанова. – Мовознавство. – 1977. – № 6. – С. 54 – 56.
6. Леонович О. А. Топонимы Соединенных Штатов Америки : Учеб. пособие / О. А. Леонович. – М.: Высш. шк., 2004. – 247 с.
7. Отин Е. С. Топонимическая метонимия (вид связи «гидроним– ойконим» / Е. С. Отин // Перспективы развития славянской ономастики. – М.: Наука, 1980. – С. 106 – 121.
8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 368 с.
9. Mills A. D. A Dictionary of British Place Names / A. D. Mills. – Oxford University Press, 2003.

АННОТАЦИЯ

Яковенко М. В. К вопросу о естественной и искусственной ономастической номинации

Переход онимов из одного класса в другой может проходить вследствие естественной или искусственной номинации. Естественно возникшие собственные имена появляются спонтанно. Искусственно созданные онимы являются целенаправленным актом наречения. Ономообразовательные модели естественной номинации могут использоваться при искусственной номинации.

Ключевые слова: топоним, ойконим, антропоним, естественная номинация, искусственная номинация.

SUMMARY

Yakovenko M. V. On the issue of natural and artificial nomination in onomastics

Transition of proper names from one class into other is connected with two types of nomination: natural and artificial. Naturally established names appear spontaneously and are adjusted by language laws and regularities of onomastics. Created artificially names are a result of the goal-directed act of nomination. Models of natural nomination are used in artificial nomination.

Key words: toponym, place-name, anthroponym, natural nomination, artificial nomination.

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ
В СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
«ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»**

Уважаемые коллеги,
приглашаем вас принять участие в создании очередных выпусков сборника научных трудов **«Восточнославянская филология»** – «East Slavic Philology» (серии «Литературоведение» и «Языкознание»).

Проблематика сборника включает историко-литературные и теоретические аспекты развития восточнославянских и европейских литератур в контексте функционирования мирового литературного процесса, а также синхронические и диахронические параметры существования восточнославянских и европейских языков. Сборник посвящён исследованию актуальных проблем филологии и предназначен для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов, студентов-филологов, преподавателей литературы и языков в школе.

Научные направления издания:

10 Филологические науки

10.01 Литературоведение

10.02 Языкознание

13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания

Рабочие языки сборника – русский, украинский, белорусский, польский, английский, французский, немецкий, испанский.

Главный редактор сборника – д. филол. н., проф. Кочетова Светлана Александровна.

Учредитель: Образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Издание основано в 2002 году.

Периодичность издания – 4 раза в год: два раза в год выпуск каждой серии (выпуски формируются до 1 июня и до 1 декабря).

Международный стандартный номер сериального издания: ISSN 1992-9196.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР: ААА № 000059 от 28.10.2016.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016. Адрес страницы в сети Интернет, где размещена бесплатная полнотекстовая версия научного издания: <http://gifu1949.ru/otdelnauchnoj-raboty/nauchnye-izdaniya/sborniki>.

Адрес страницы в сети Интернет, где размещена бесплатная полнотекстовая версия научного издания: <http://gifl1949.ru/otdelnauchnoj-raboty/nauchnye-izdaniya/sborniki>.

Электронная почта редакции научного издания:

GIFL1949ESPh@yandex.ru

Юридический адрес ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»: ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, д. 25.

Редакция будет благодарна тем, кто придерживается следующих правил оформления статей:

- объём – 6-12 страниц через 1,5 интервал (формат А4);
- шрифт Times New Roman, кегль 14;
- абзац – 1,25 см; все поля – 2 см (страницы не нумеруются);
- сноски оформляются: [4, с. 124], где первая цифра – номер источника из списка используемой литературы, составленного по алфавиту, а вторая – номер страницы; автоматические сноски не допускаются. После текста статьи подаются аннотации на русском и английском языках (до 500 знаков) с названием статьи и ключевыми словами;

- примеры подаются курсивом;
- текст печатается без переносов.

Материалы, оформленные без учёта требований, не принимаются.

В редколлегию подаются: 1) по электронной почте высылается текст статьи с аннотациями, данными об авторе на русском и английском языках (ФИО, место работы, должность, учёные степень, звание, контактная информация: e-mail), сохранёнными в RTF; 2) для тех, кто не имеет учёной степени, необходима отсканированная рецензия научного руководителя или консультанта.

Редакционная коллегия сборника осуществляет рецензирование научных работ. На основании выводов рецензентов редакция вправе принять к опубликованию, направить на доработку или отклонить присланные авторами материалы.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА

*А.Р. Сидорова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.161.1

**РЕЧЕВОЙ ЖАНР КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ**

Текст статьи [1, с. 418].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелёва // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 91-92.

АННОТАЦИЯ

Автор. Название статьи (на русском языке)

Текст аннотации на русском языке (до 500 печатных знаков)

Ключевые слова:

SUMMARY

Автор. Название статьи (на английском языке)

Текст аннотации на английском языке (до 500 печатных знаков)

Key words:

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Авксентьева Анжелика Муллануровна** – преподаватель кафедры второго иностранного языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Артамонова Елена Игоревна** – преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «ГИИЯ»;
- Балко Марина Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры краеведения ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики» (г. Донецк, ДНР);
- Баранова Ольга Ивановна** – старший преподаватель кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Барбунова Маргарита Сергеевна** – аспирант II курса ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», преподаватель русского языка, английского языка Московского гуманитарного колледжа экономики и права;
- Волосевич Сергей Петрович** – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Головачева Ольга Алексеевна** – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка, «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского» (г. Брянск, РФ);
- Голодов Александр Георгиевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков и методики их преподавания, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина» (г. Рязань, РФ);
- Дмитриева Юлия Леонидовна** – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Досычева Марина Андреевна** – руководитель кружка французского языка МУДО «Горловский городской дворец детского и юношеского творчества» (г. Горловка, ДНР);

- Дроздов Владимир Александрович** – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»;
- Жиденко Лариса Ароновна** – старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Жихарева Наталия Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры второго иностранного языка, декан филологического факультета ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Иванова Наталья Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Карпенко Анастасия Алексеевна** – магистрант II курса ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Коловерова Ирина Геннадиевна** – старший преподаватель кафедры второго иностранного языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Коршунова Ирина Григорьевна** – старший преподаватель кафедры иностранного языка Российского государственного университета правосудия, Крымский филиал (г. Симферополь, Россия);
- Левшина Наталья Владимировна** – старший преподаватель кафедры английского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»;
- Лобачева Наталия Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Ялта, Республика Крым, РФ);
- Марфина Жанна Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологических дисциплин ГОУ ВПО Луганской Народной Республики «Луганский национальный аграрный университет» (г. Луганск, ЛНР);
- Мухина Дарья Сергеевна** – аспирант I года обучения ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Прожога Татьяна Юрьевна** – магистрант II курса ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

- Решетарова Анна Максимовна** – аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Романько Виктория Валерьевна** – ассистент кафедры английского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»;
- Рочняк Алексей Владимирович** – ассистент кафедры романо-германской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Рудковская Инесса Валериевна** – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и методики преподавания иностранных языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Соколова Ольга Викторовна** – ассистент кафедры английского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»;
- Соловцова Елена Валериевна** – преподаватель кафедры второго иностранного языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Солопова Людмила Евгеньевна** – старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Соснина Людмила Васильевна** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»;
- Стародубец Светлана Николаевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского» (г. Новозыбков, РФ);
- Царегодцева Светлана Сергеевна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и украинской филологии и методики преподавания Российского государственного университета правосудия, Крымский филиал (г. Симферополь, РФ);
- Чехлань Надежда Александровна** – ассистент кафедры «Иностранные языки» Горловского автодорожного института ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»;

Чистик Людмила Михайловна – ассистент кафедры английского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»;

Юшкова Светлана Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки» Горловского автодорожного института ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»;

Яковенко Марина Викторовна – преподаватель кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Яковлева Елена Павловна – старший преподаватель кафедры лингвистики ГОУ ВПО «Донецкий педагогический институт», аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков».

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

- Avksenteva Анжелика Муллануровна** – Instructor of the Second Foreign Language Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Artamonova Elena Igorevna** – Instructor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation Gorlovka Institute of Foreign Languages Donetsk, Donetsk People's Republic;
- Balko Marina Vladimirovna** – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Local history Department, Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of Donetsk People's Republic, Donetsk, Donetsk People's Republic;
- Baranova Olga Ivanovna** – Senior lecturer, chair of the English Philology of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Barbunova Margarita Sergeevna** – Graduate student, 2nd course, Teacher of Russian, English, Moscow College of Economics and Law;
- Volosevich Sergey Petrovich** – Candidate of Science in Philology, Head of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Golodov Aleksandr Georgievich** – Doctor of Philology, Professor of Department of Germanic Languages and Methods of Teaching Them, Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Ryazan State University named after S. Yesenin» (Ryazan, Russia);
- Golovacheva Olga Alekseevna** – Federal state budgetary educational institution of higher professional education “Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky” (Bryansk, Russia);
- Dmitrieva Julia Leonidovna** – Candidate of Philology, lecturer of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Dosycheva Maryna Andreevna** – Teacher of a circle of French language MUDO Gorlovka City Palace of Children's and Youthful Creativity (Gorlovka, DPR);

- Drozdov Vladimir Aleksandrovich** – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»;
- Zhidenko Larisa Aronovna** – Senior Lecturer, Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Zhikhareva Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Second Foreign Language Department, Dean of Philological Faculty of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Ivanova Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Karpenko Anastasiia Alekseevna** – graduate student of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Koloverova Irina Gennadievna** – Senior Lecturer of the Second Foreign Language Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Korshunova Irina Grigorievna** – Senior Lecturer of the Foreign Language Department of Russian State University of Justice, the Crimean Branch (Simferopol, Russia);
- Levshina Natalia Vladimirovna** – Senior Lecturer of English language department of Donetsk national technical university;
- Lobacheva Nataliia Aleksandrovna** – Candidate of Philology, Associate Professor of Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta (Yalta, The Republic of Crimea, Russia);
- Marfina Zhanna Victorovna** – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philological Disciplines of State Educational Institution of the Lugansk People's Republic «Lugansk National Agrarian University» (Lugansk, LPR);
- Mukhina Daria Sergeevna** – Postgraduate student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of

- Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Prozhoga Tatyana Yurievna** – graduate student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Reshetarova Anna Maksimovna** – postgraduate student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Romanko Viktoriia Valerievna** – Assistant of the English Language Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National Technical University»;
- Rochniak Aleksey Vladimirovich** – Assistant of the Department of Romance and Germanic Philology of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Rudkovskaya Inessa Valerievna** – an Associate Professor of Educational Sciences, an Associate Professor of the department of Pedagogy and Methods of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Sokolova Olga Viktorovna** – Assistant of the English Language Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National Technical University»;
- Solovtsova Elena Valerievna** – Instructor of the Second Foreign Language Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Solopova Lyudmila Evgenievna** – Senior lecturer of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Sosnina Lyudmila Vasilievna** – Professor of English Language Department in Donetsk National Technical University, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor;
- Starodubets Svetlana Nikolaevna** – Branch of the Federal state budgetary educational institution of higher professional education “Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky” in Novozybkov Federal state budgetary educational institution of higher

professional education “Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky” in Novozybkov. Novozybkov, Russia;

Tsaregodtseva Svetlana Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian and Ukrainian Philology and Teaching Methods of Russian State University of Justice, the Crimean Branch (Simferopol, Russia);

Chekhlan Nadezda Alexandrovna – Assistant of the Chair «Foreign Languages» in Gorlovka Automobile-Highway Institute of Donetsk National Technical University;

Chistik Lyudmila Mihaylovna – Assistant of the English language department of Donetsk national technical university;

Iushkova Svetlana Alekseevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair «Foreign Languages» in Gorlovka Automobile-Highway Institute of Donetsk National Technical University;

Yakovenko Marina Victorovna – the lecturer of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

Yakovleva Elena Pavlovna – senior lecturer of the Department of Linguistics of State Educational Establishment of Higher Professional Education «Donetsk Pedagogical Institute», Donetsk, DPR; postgraduate student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages», Gorlovka, DPR.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Балко М. В.</i> ТЕКСТООРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ СТУДЕНТОВ НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ПРОФИЛЕЙ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	3
<i>Головачева О. А., Стародубец С. Н.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ИДИОСТИЛЕВЫЕ КОМПОНЕНТЫ ДИСКУРСА Н. С. ЛЕСКОВА-ПУБЛИЦИСТА.....	9
<i>Голодов А. Г.</i> МЕТОД КОСВЕННОЙ ДИФФАМАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ (на материале немецкой массовой прессы)	14
<i>Соснина Л. В.</i> ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА	25
<i>Волосевич С. П.</i> СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ЗАМЕНЫ КОМПОНЕНТОВ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ НЕОСЛОЖНЕННЫХ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ	32
<i>Дмитриева Ю. Л.</i> ОБРАЗ ИВЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА С. ЕСЕНИНА И Н. КЛЮЕВА.....	42
<i>Дроздов В. А.</i> ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «НАИМЕНОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ И ТАНЦЕВ» В КАРИБСКИХ КРЕОЛЯХ НА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВЕ	51
<i>Жихарева Н. А., Яковлева Е. П.</i> МОДЕЛЬ МАНИПУЛЯТИВНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ТОК-ШОУ (на материале англоязычных и русскоязычных ток-шоу).....	59
<i>Жихарева Н. А., Мухина Д. С.</i> ПЕРФОРМАТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ГОВОРЕНИЕ»	67
<i>Иванова Н. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОМИНАЛИЗАЦИИ И ВЕРБАЛИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК.....	73

Марфина Ж. В.

СЕМАНТИКА И СТИЛИСТИКА НАЗВАНИЙ РОДСТВА
В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ СУБПРОСТРАНСТВЕ
XIX ВЕКА (на материале произведений А. С. Пушкина)..... 79

Кориунова И. Г., Царегородцева С. С.

МОВНА ТОЛЕРАНТНІСТЬ У СУЧАСНОМУ ДИСКУРСІ90

Рудковская И. В.

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ МЕТОДОВ
ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ97

Юшкова С. А., Чехлань Н. А.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
СИНТАКСИЧЕСКИХ РЕЦИПРОКНЫХ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ 105

Авксентьева А. М.

ЗАГоловочный комплекс как семиотически
неоднородный текст 114

Артамонова Е. И.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА 120

Баранова О. И.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОСВЕННЫХ
РЕЧЕВЫХ АКТОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ 124

Барбунова М. С.

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РИТМИЗАЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА 132

Досычева М. А.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО
ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО В УСЛОВИЯХ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 139

Жиденко Л. А.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РАЗНОСТИЛЕВЫХ
ПЛЕОНАЗМОВ КАК ЯВЛЕНИЙ РЕЧЕВОЙ
ИЗБЫТОЧНОСТИ 147

Коловерова И. Г., Карпенко А. А.

ТЕКСТИНГ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ SMS-ОБЩЕНИЯ
МОЛОДЁЖИ В ИСПАНИИ 153

Лобачева Н. А.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ДИАХРОНИИ КАК ФРАГМЕНТ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ 160

Прожога Т. Ю.

EL PAPEL DE LA EDUCACIÓN LINGÜÍSTICA EN LA ETAPA
MODERNA DEL DESARROLLO DE LA SOCIEDAD 166

<i>Решетарова А. М.</i> ГРАНИЦЫ И ФУНКЦИИ ПОНЯТИЯ «ЧЁРНЫЙ ЮМОР» В РАМКАХ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	173
<i>Рочняк А. В.</i> КОНЦЕПТ ПОСТПЕДАГОГИКИ В ОБРАЗОВАНИИ И ЕГО ВОЗМОЖНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ НА МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ	179
<i>Соколова О. В., Романько В. В.</i> СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ-ИНЖЕНЕРОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА.....	186
<i>Соловцова Е. В.</i> СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ СИНОНИМОВ ДИРЕКТИВНЫХ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ.....	194
<i>Солопова Л. Е.</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ГОВОРЕНИЯ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ КАК ВТОРОМ ИНОСТРАННОМ У СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ	203
<i>Чистик Л. М., Левшина Л. М.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ ИЗМЕНЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ОБЪЕКТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	208
<i>Яковенко М. В.</i> К ВОПРОСУ О ЕСТЕСТВЕННОЙ И ИСКУССТВЕННОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ	217
ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ «ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ».....	225
ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА.....	227
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	228

Научное издание

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

East Slavic Philology

Сборник научных трудов

Выпуск восьмой (тридцать четвертый)
Языкознание

Главный редактор С. А. Кочетова
Технический редактор А. М. Калашников
Компьютерная вёрстка и макетирование
Е. С. Шалыгиной
Корректоры: Н. А. Жихарева,
О. Т. Захарова

*За содержание и достоверность фактов, цитат,
имён собственных и других сведений ответственность
несут авторы*

Подписано к изданию 15.07.2019.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 13,26. Уч.-изд. л. – 15,0
Усл.-изд. л. – 13,95.
Тираж 300 экз. Зак. № 59.

Издательство ОО ВПО «Горловский институт
иностранных языков»
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25